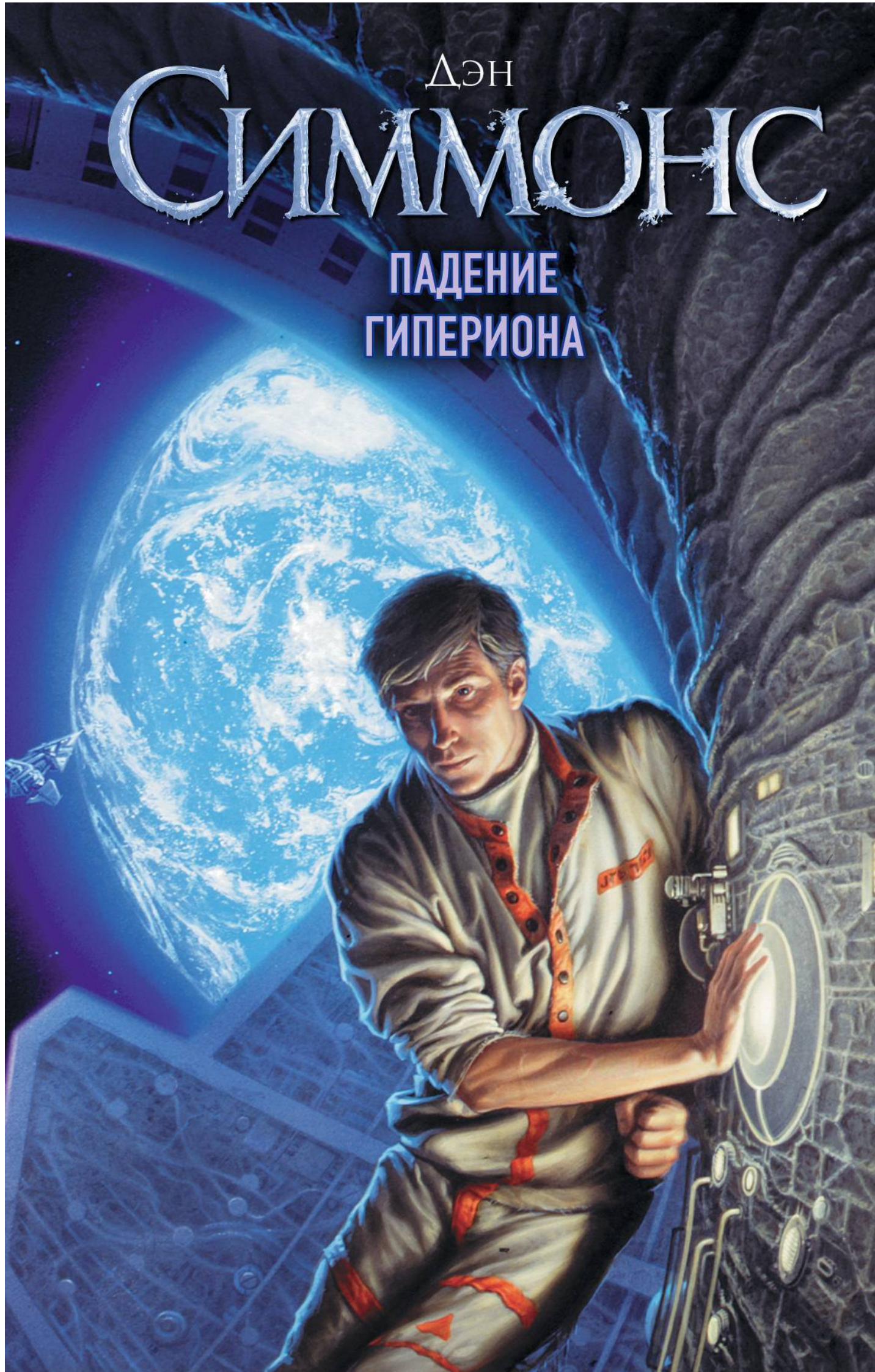

ДЭН СИММОНС

ПАДЕНИЕ ГИПЕРИОНА

Гиперион

ДЭН СИММОНС

Падение Гипериона

«Издательство АСТ»

1990

Симмонс Д.

Падение Гипериона / Д. Симмонс — «Издательство АСТ»,
1990 — (Гиперион)

ISBN 978-5-17-045149-4

Дэн Симмонс – не просто один из классических писателей-фантастов нашего времени. Он – автор самой, наверное, знаменитой и популярной в мире «космической оперы» – тетралогии «Гиперион», «Падение Гипериона», «Эндимион», «Восход Эндимиона», создатель поистине уникального в своей оригинальности мира, загадочного и изменчивого мира порталов, соединяющих планеты, великой реки Тетис и великих звездных войн, в которых причудливо переплелись судьбы священника и солдата, поэта и ученого, консула и детектива. Критики и читатели единодушно признали тетралогия Дэна Симмонса лучшим научно-фантастическим сериалом последнего десятилетия. Не верите? Прочитайте и убедитесь сами!

ISBN 978-5-17-045149-4

© Симмонс Д., 1990
© Издательство АСТ, 1990

Содержание

1	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Глава восьмая	46
Глава девятая	53
Глава десятая	61
Глава одиннадцатая	63
Глава двенадцатая	71
Глава тринадцатая	73
Глава четырнадцатая	77
Глава пятнадцатая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Джону Китсу, чье имя написано в вечности

Может ли Бог соревноваться со своими творениями? Может ли вообще творец, пусть даже возможности его весьма ограничены, всерьез соревноваться со своими творениями?

Норберт Винер. «Бог и Голем»

Разве не может быть так, что неким высшим существам доставляет развлечение искусный поворот мысли, удавшийся – пускай и безотчетно – моему разуму, как забавляет меня самого проворство суслика или испуганный прыжок оленя? Уличная драка не может не внушать отвращения, однако энергия, проявленная ее участниками, вызывает к чувству прекрасного... Для высшего существа наши рассуждения могут выглядеть чем-то подобным: пусть даже ошибочные, тем не менее они прекрасны сами по себе. Именно в этом заключается сущность поэзии...

Джон Китс, из письма к брату¹

Воображение можно уподобить сну Адама.² он пробудился и увидел, что все это – правда.

Джон Китс, из письма к другу³

1

Глава первая

В день отбытия армады – последний день нашей мирной жизни – я был приглашен на прием. Приемы в тот вечер проходили повсюду, на всех полуторах с лишним планетах Гегемонии, но только этот стоил внимания.

Сообщив через инфосферу, что непременно буду, я удостоверился, что на моем лучшем смокинге нет ни пятнышка, неспешно помылся и побрился, оделся с тщательностью истого денди и в назначенный час с помощью одноразового дискоточного ключа из чипа-приглашения нуль-транспортировался с Эсперансы на Тау Кита.

В этом полушарии ТКЦ был вечер, и косые лучи золотили холмы и долины Оленьего парка, серые башни Административного Комплекса далеко на юге, берега реки Тетис, окаймленные плакучими ивами и сверкающими огненными папоротниками, и белую колоннаду Дома Правительства. Гости прибывали тысячами, но сотрудники охраны успевали перехватить каждого – губы выговаривают «Добро пожаловать!», глаза сверяют номер приглашения с ДНК гостя, рука взлетает в артистическом жесте, указывая дорогу к бару и банкетным столам.

– Господин Джозеф Северн? – учтиво осведомился один из распорядителей.

– Да, – солгал я. Хотя я и носил теперь это имя, но остался самим собой.

– Секретарь Сената Гладстон хотела бы встретиться с вами. Как только она освободится, вас известят.

– Прекрасно.

– Если у вас возникнут особые пожелания относительно меню или программы развлечений, достаточно высказать их вслух, и кураторы вечера постараются вам помочь.

Раскланявшись с распорядителем, я двинулся дальше, но не успел сделать и десяти шагов, как он уже встречал новых гостей, спускающихся с платформы терминекса.

Взойдя на пригорок, я смог охватить взглядом всю наманикюренную лужайку, простирающуюся на несколько сот акров. По ней фланировали толпы гостей. За лугом (его пространство уже расчертили длинные тени приречных деревьев) поднимался амфитеатром английский сад, а дальше высился гордый монолит Дома Правительства. В одном из внутренних дворики играл оркестр, и скрытые динамики доносили музыку до самых отдаленных уголков Оленьего парка. Из висящего высоко в небе нуль-портала один за другим появлялись ТМП и скользили по спирали к земле. Я немного понаблюдал, как их ярко одетые пассажиры сходят на платформу около пешеходного терминекса. От разнообразия летательных аппаратов захватывало дух. Среди стандартных «Виккенов», «Альтцов» и «Сумацу», сияли в закатных лучах отделанные под рококо палубы левитационных барж и даже причудливые металлические фюзеляжи старинных скиммеров, считавшихся ретро еще на Старой Земле.

По длинному косоуглу я сошел к реке и двинулся мимо причалов, где пестрая вереница судов высаживала своих пассажиров. Тетис – единственная в своем роде река, связывающая более двухсот планет и лун Сети. Она несет свои воды сквозь постоянно работающие нуль-порталы, и люди, что селятся на ее берегах, принадлежат к сливкам Гегемонии. О богатстве владельцев свидетельствовали суда: огромные крейсерские яхты, стремительные бригантины и пятиярусные баржи – многие, по-видимому, с антигравитаторами; изящные барки – очевидно, с собственными нуль-порталами на борту; маленькие плавучие острова с Мауи-Обетованной; щеголеватые катера и субмарины, сошедшие со стапелей еще до Хиджры; великолепные экземпляры ТМП-амфибий с Возрождения-Вектор, украшенные ручной резьбой, и несколько современных яхт-вездеходов, чьи корпуса прятались в зеркальных коконах силовой защиты.

Сходящие по трапам гости не уступали великолепию своим судам – чего здесь только не было! От консервативных вечерних костюмов времен до-Хиджры на телах, к которым и пальцем не прикасались поульсенизаторы, до самых свежих изысков модельеров ТКЦ, где мода радикально меняется каждую неделю, на фигурах, вылепленных знаменитейшими палеореконструкторами Сети. Я задержался на миг у длинного стола, чтобы положить на свою тарелку ростбиф, салат, филе небесного кальмара, ложку парватийского карри и свежее испеченный хлеб, и пошел дальше.

Когда мне наконец удалось отыскать свободное местечко, вечерняя мгла уже сгустилась и зажглись первые звезды. Огни Административного Комплекса и расположенного неподалеку города горели сегодня вполнакала – по случаю смотра армады, – и ночное небо ТК-Центра впервые за много веков вновь обрело первозданную прозрачность.

Моя соседка обернулась ко мне с улыбкой:

– Уверена, мы где-то встречались.

Я улыбнулся в ответ, уверенный в обратном. Очень привлекательна. Вероятно, вдвое старше меня – около шестидесяти стандартлет, но выглядит благодаря деньгам и чудодею Поульсену моложе моих собственных двадцати шести. Кожа настолько светлая, что кажется почти прозрачной. Волосы уложены высоким валиком. Грудь, скорее выставленная напоказ, чем прикрытая накидкой из тончайшего газа, – безупречной формы. Глаза – жестокие.

– Может быть, – ответил я, – хотя маловероятно. Меня зовут Джозеф Северн.

– Ну конечно, – воскликнула она. – Вы художник!

Я не художник. Я поэт... когда-то был им. Но, возродившись год назад после гибели моего действительного воплощения, стал Северном, а значит – художником. Об этом говорилось в моем альтинг-файле.

– Я вас помню, – засмеялась дама. Ложь. Ничего она не помнила, а просто подключилась к инфосфере через свои дорогие импланты.

Мне не нужно было «подключаться» – неуклюжее, ненужное слово, к которому я не испытывал ни малейшего почтения, несмотря на всю его древность. Я мысленно закрыл глаза и оказался в инфосфере, одним махом проскочив через «непреодолимые» барьеры Альтинга.

Оставив позади бушующие на поверхности волны бесчисленных запросов и ответов, я устремился вдоль светящейся нити ее подключения в сумрачные глубины «защищенного законом» океана информации.

– Я Дайана Филомель, – объявила дама. – Мой муж – администратор транспортного сектора на Седьмой Дракона.

Я кивнул и пожал ее протянутую руку. Она и не подумала упомянуть, что, прежде чем высокие покровители устроили ее мужа на Седьмую Дракона, он был главарем шайки громил при профсоюзе грязекопов на Небесных Вратах, или что ее когда-то звали Дайни-Сиська и была она обычной шлюхой, хозяйкой притона на Центральном Отстойнике и ее дважды арестовывали за злоупотребление флэшбэком, причем при втором аресте был тяжело ранен врач гостиницы... или что в возрасте девяти лет она отравила сводного брата, потому что тот угрожал рассказать отчиму о ее свиданиях с грязекопом по имени...

– Рад с вами познакомиться, госпожа Филомель, – произнес я. Ее рука была теплой. Она задержала мою ладонь в своей чуть дольше, чем требовал этикет.

– Волнующе, не правда ли? – выдохнула она.

– Что именно?

Широким взмахом руки она обвела все вокруг: ночное небо, зажигающиеся осветительные шары, деревья, толпу:

– О, этот прием, война – все, все.

Я улыбнулся в знак согласия и попробовал ростбиф. Он был в меру сыроват и вполне съедобен, но, судя по солоноватому привкусу, мясо родилось и выросло в чане клонокомбината Лузуса. Кальмар, похоже, был натуральным. Появились официанты с шампанским. Я взял с подноса бокал. Никуда не годное. Хорошее вино, виски и кофе – вот священная триада напитков, безвозвратно сгинувших вместе со Старой Землей.

– Так вы считаете, что война необходима? – спросил я.

– Еще как необходима, черт подери!

Дайана Филомель только открыла рот, а ответил за нее ее муж, незаметно подошедший и плюхнувшийся рядом с нами на декоративное пластиковое бревно, – верзила, по меньшей мере на полтора фута выше меня. Правда, сам я отнюдь не великан. Память подсказывает мне, что в одном из стихотворений я насмешливо именовал себя «...мистером Джоном Китсом, пяти футов роста», хотя мой рост – пять футов и один дюйм, что несколько меньше средних пяти футов шести дюймов для времен Наполеона и Веллингтона, и до смешного мало теперь, когда рост мужчин на планетах со средней гравитацией колеблется от шести до семи футов. По моей заурядной мускулатуре и телосложению не скажешь, что я вырос при большой силе тяжести, поэтому в глазах окружающих я просто коротышка. (Излагая свои мысли, я употребляю те единицы измерений, которыми пользуется мое сознание... Из всех вынужденных изменений в ментальных стереотипах, которые мне пришлось претерпеть после второго рождения в Сети, труднее всего оказался переход на метрическую систему мер. Иногда у меня просто голова шла кругом.)

– Так почему же война необходима? – спросил я Гермунда Филомеля, мужа Дайаны.

– Потому, что эти ублюдки сами на нее напросились, – прорычал верзила, и на скулах у него заходили желваки. Впечатление он производил самое что ни на есть зверское. Шеи у него почти не было, а борода росла под кожей, неподвластная ни эпиляторам, ни лезвию, ни бритве. Вдобавок его кулаки были вдвое больше моих.

– Понимаю, – сказал я.

– Эти ублюдки Бродяги сами напросились, – повторил он, решив специально для меня вновь перечислить свои основные аргументы. – Вот на Брешии они выдрючивались – и довыдрючивались. А теперь выдрючиваются на этом... как там его...

– В системе Гипериона, – подсказала жена, не сводя с меня глаз.

– Во-во, – подхватил ее повелитель и муж, – в системе Гипериона. Они, значит, все выдрючиваются, строят из себя деловых. И пора показать им, что с Гегемонией шутки плохи. Понимаешь?

Я вспомнил, как меня, восьмилетнего, послали учиться в частную школу Джона Кларка в Энфилде, где хватало таких вот тупоумных задир с кулаками-окороками. Впервые попав в школу, я то пытался избегать их, то гнул перед ними шею. Когда умерла моя мать и мир перевернулся, я сам начал их преследовать. Зажимая в кулаках камни, даже с разбитым носом и выбитыми зубами, я поднимался с земли, чтобы продолжить бой.

– Понимаю, – прошептал я. Моя тарелка между тем опустела. Подняв бокал с остатками скверного шампанского, я провозгласил последний тост за Дайану Филомель.

– Нарисуйте меня, – сказала она.

– Простите?

– Нарисуйте меня, господин Северн. Вы же художник.

– Маляр, – ответил я, выразив жестом свою полную беспомощность. – И боюсь, не захватил мое стило.

Дайана Филомель покопалась в пиджачном кармане своего мужа и вручила мне световое перо:

– Пожалуйста.

Портрет возник в воздухе между нами. Линии взмывали вверх, ныряли и сами себя пересекали, подобно неоновым нитям накала в электроскульптуре. Вокруг собралась кучка зевак. Когда я закончил, раздалась робкие аплодисменты. Рисунок и впрямь был неплох. Он точно передавал чувственный изгиб длинной шеи, очертания высокой прически, выдающиеся скулы... даже легкий двусмысленный блеск глаз. Пожалуй, это было лучшее, что я мог создать после РНК-терапии и уроков рисования, подготовивших меня к роли художника. У настоящего Джозефа Северна получалось лучше. Помню, как он рисовал меня на смертном одре.

Лицо госпожи Дайаны Филомель просияло. Господин Гермунд Филомель покосился на меня.

Раздался крик:

– Вот они!

Толпа зашумела... затаила дыхание... замерла. Осветительные шары и садовые фонари медленно потускнели, потом погасли. Тысячи гостей обратили взоры к небу. Я стер рисунок и сунул световое перо в карман Гермунду.

– Это армада, – сказал представительный пожилой мужчина в черном мундире ВКС. Он поднял руку с бокалом, указывая на что-то своей молодой спутнице: – Портал только что открыли. Первыми пойдут разведчики под эскортом факельщиков.

С места, где мы находились, не было видно военного нуль-портала: думаю, даже из космоса он выглядел бы всего лишь как прямоугольный участок, на котором нарушен привычный рисунок созвездий. Зато четко виднелись огненные следы кораблей-разведчиков – сначала подобно рою светлячков или кружеву лучистой паутины, потом, когда корабли включили маршевые двигатели и пронеслись по околотунному транспортному коридору системы Тау Кита, в виде ослепительных комет. Нового дружного «ах!» удостоилось появление из портала факельных звездолетов, с огненными хвостами во сто крат длиннее, чем у разведчиков. Ночное небо ТКЦ словно расчертили красно-золотыми полосами от зенита до горизонта.

Кто-то первым захлопал в ладоши, и через несколько секунд площадки, лужайки и аллеи Оленьего парка захлестнула буря неистовых рукоплесканий, прямо-таки цунами хриплых «ура!». Толпа сверхэлегантных миллиардеров, правительственных чиновников, аристократов сотен миров, позабыв обо всем, отдалась патристическому угару и жажде вражеской крови – чувствам, дремавшим почти полтора века.

Я не аплодировал. Никем не замечаемый, я мысленно произнес тост – теперь не за леди Филомель, а за неистребимую глупость моих собратьев – и допил остатки шампанского, уже выдохшегося.

Теперь в систему Тау Кита входили основные корабли флотилии. Из нескольких легких прикосновений к инфосфере (ее поверхность, бугристая от всплесков информации, к этому моменту уже походила на штормовое море) я узнал, что костяк космической армады ВКС составляют сто с лишним крупных спин-звездолетов: матово-черные ударные авианосцы с разведенными старт-пилонами; штабные корабли класса три-С, красивые и хрупкие, как метеоры из черного хрусталя; луковичеобразные эсминцы, напоминающие раздутые факельщики, какими, по сути, они и были; силовые заградители – скорее сгустки энергии, чем нечто материальное. В серебристом зеркале их силовых щитов, работающих сейчас в режиме полного отражения, зрители увидели саму Тау Кита и серпантин огненных шлейфов. Тут были скоростные крейсера, шнырявшие, как акулы, среди своих медлительных собратьев, громоздкие войсковые транспортники, в чьих трюмах бултыхались в невесомости тысячи морских пехотинцев, и множество вспомогательных кораблей: сторожевики, истребители, торпедные катера, ретрансляторы мультисвязи и, наконец, корабли-«прыгуны» с мобильными порталами – огромные додекаэдры со сказочным оперением из тысяч зондов и антенн.

А вдалеке, удерживаемые на безопасном расстоянии диспетчерами, порхали яхты, гелио-накопители и мелкие частные корабли, ловя парусами солнечный свет и россыпи огней армады.

Гости в садах и парках Дома Правительства из последних сил кричали «ура!» и аплодировали. Господин в черном мундире ВКС беззвучно плакал. Скрытые камеры и широкополосные имиджеры транслировали волнующий момент на все миры Сети и – по мультителивидению – на десятки внесистемных планет.

Я качал головой, не вставая со своего бревна.

– Господин Северн? – надо мной стояла охранница.

– Да.

Она кивком указала на резиденцию правительства:

– Секретарь Гладстон ждет вас.

Глава вторая

В эпохи смут и потрясений на политической сцене появляются руководители, самым небом, казалось, предназначенные для этой роли и, как оказывается впоследствии, связанные неразрывными узами с судьбами своего времени. Для нашей Эпохи Конца таким руководителем стала Мейна Гладстон. Правда, в те дни никому бы и в голову не пришло, что именно мне придется писать правдивую историю ее жизни и ее времени.

Гладстон так часто сравнивали с бессмертным Авраамом Линкольном, что, представ перед этой великой женщиной, я даже удивился, не увидев на ней цилиндра и черного сюртука. Секретарь Сената и председатель правительства, заботящегося о ста тридцати миллиардах граждан, была одета в костюм из тонкой шерсти: брюки и жакет, по швам и манжетам отделанные скромнейшими красными выпушками. Она не показалась мне похожей ни на Авраама Линкольна, ни на Альвареса-Темпа, второго по популярности древнего героя, именуемого в прессе «прошлым воплощением Мейны», а скорее на обычную старую даму.

Да, Мейна Гладстон была высока и худа, но лицом напоминала скорее орлицу, чем Линкольна: крючковатый нос, высокие скулы, крупный выразительный рот с тонкими губами и седые, кое-как подстриженные волосы – не волосы, а перья. Но главным в ее лице были глаза: большие, карие, невыразимо печальные.

Наша встреча проходила в длинной, неярко освещенной комнате, вдоль стен которой тянулись деревянные полки с сотнями печатных книг. Огромный голоэкран, стилизованный под окно, позволял наблюдать за происходящим в садах. Совещание близилось к концу, и десятка полтора мужчин и женщин стояли и сидели, образуя неровный полукруг перед столом Гладстон. Скрестив руки на груди, она полусидела на краешке своего стола и, когда я пошел, вскинула голову:

– Господин Северн?

– Да, это я.

– Благодарю, что согласились прийти. – Голос секретаря Сената был знаком мне по тысяче дебатов Альтинга: огрубевший с годами и в то же время вкрадчивый, как дорогой ликер. Ее манера говорить была знаменита – безупречно точный синтаксис сочетался в ней с неприужденностью земного английского, который теперь можно услышать лишь в долинах рек ее родной планеты Патофы.

– Господа и дамы, позвольте представить вам Джозефа Северна, – произнесла она.

Некоторые из присутствующих учтиво кивнули, очевидно, теряясь в догадках относительно причин моего появления. Гладстон никого не стала мне представлять, но, заглянув в инфосферу, я познакомился со всеми: три члена кабинета, включая министра обороны, два высоких штабных чина ВКС, два помощника Гладстон, четыре сенатора, и среди них могущественнейший Колчев, а также проекция советника Техно-Центра, известного под именем Альбедо.

– Миссия господина Северна – взглянуть на нашу работу под художественным углом зрения, – объявила Гладстон.

Генерал Морпурго насмешливо хрюкнул:

– Художественный угол зрения? При всем моем уважении к вам, госпожа Гладстон, – что это еще за чертовщина?

Гладстон улыбнулась и, не отвечая генералу, повернулась ко мне:

– Что вы думаете о смотре армады, господин Северн?

– Очень мило, – ответил я.

Генерал Морпурго издал носом какой-то звук.

– Мило? Видеть величайшую в истории галактики концентрацию космической огневой мощи и говорить, что это *мило*?! – Повернувшись к своему соседу, он иронически покачал головой.

Улыбка не покинула губ Гладстон.

– А война? Как вы оцениваете нашу попытку спасти Гиперион от варварских орд?

– Это глупость, – ответил я.

Воцарилась полная тишина. Последнее голосование в Альтинге показало, что 98 процентов граждан Гегемонии одобряют решение секретаря Сената объявить войну Бродягам. От исхода этого конфликта зависела и участь Гладстон как политика. Люди, собравшиеся в этой комнате, определяли политическую линию и разрабатывали стратегию военных действий. Именно они должны были принять окончательное решение о высадке войск. Пауза затянулась.

– Почему? – тихо спросила Гладстон.

Я сделал неопределенный жест рукой.

– Гегемония ни с кем не воевала семь веков, со времен своего основания. Глупо испытывать прочность ее устоев таким путем.

– Как это «не воевала»?! – вскричал генерал Морпурго, упершись огромными лапищами в колени. – А как же вы назовете мятеж Гленнон-Хайта, милостивый... государь?

– Мятежом, – ответил я. – Бунтом. Полицейской акцией.

Сенатор Колчев раздвинул губы в зловещей улыбке. Уроженец Лузуса, он, казалось, был слеплен из одних мускулов.

– Вмешательство флота, – негромко проговорил он. – Полмиллиона погибших, две дивизии ВКС, которые больше года не могли сломить противника... Значит, сынок, это была полицейская акция?

Я промолчал.

Ли Хент, пожилой, чахоточного вида мужчина, считавшийся правой рукой Гладстон, откашлялся:

– Но господин Северн говорит интересные вещи. Скажите, сэр, в чем вы видите разницу между войной Гленнон-Хайта и этим... э-э... конфликтом?

– Гленнон-Хайт был отставным офицером ВКС, – ответил я, сознавая, что повторяю общеизвестное. – Бродяги уже много веков остаются неизвестной величиной. Мы знали, какими силами располагают мятежники, их действия легко поддавались расчету, а орды же Бродяг кочуют вне досягаемости Сети со времени Хиджры. Гленнон-Хайт держался в пределах Протектората, нападая на миры, находящиеся в радиусе двух месяцев лета от Сети. От Гипериона до ближайшей базы ВКС – Парвати – целых три года.

– Вы думаете, мы не знаем об этом? – вскипел генерал Морпурго. – Ну а Брешия? Там-то мы сражались с Бродягами! Какой же это мятеж?

– Тише, пожалуйста, – обернулся к нему Ли Хент. – Продолжайте, господин Северн.

Я снова пожал плечами.

– Вся разница в том, что теперь мы имеем дело с Гиперионом.

Сенатор Ришо кивнула, полагая, что я полностью объяснил свою позицию.

– Вы боитесь Шрайка, – уверенно сказала она. – Вероятно, вы принадлежите к Церкви Последнего Искупления?

– Нет, – ответил я. – Я не поклоняюсь Шрайку.

– Кто вы? – резко спросил Морпурго.

– Художник, – солгал я.

Ли Хент с улыбкой обернулся к Гладстон:

– Госпожа секретарь, я согласен, что это мнение должно было отрезвить наши головы, – сказал он, указывая на аплодирующие толпы в окне-экране. – Однако, пока наш друг-художник излагал свои аргументы, их уже успели проанализировать и взвесить.

Раздался негромкий кашель, и сенатор Колчев произнес:

– Не слишком это приятно – говорить об очевидном, когда все вокруг предпочитают это очевидное игнорировать, но обладает ли сей... господин... соответствующим разрешением службы безопасности для присутствия на подобных совещаниях?

Гладстон кивнула и слегка улыбнулась той улыбкой, которую мечтали перенести на бумагу многие карикатуристы.

– Министерство искусств уполномочило господина Северна сделать серию зарисовок в течение ближайших дней или недель. Предполагается, что они будут иметь некую историческую ценность и смогут послужить материалом для официального портрета. Во всяком случае, господин Северн получил от службы безопасности «золотую карту», и мы можем свободно говорить в его присутствии. Кроме того, я высоко ценю его прямоту. В определенном смысле его приход – знак того, что наше совещание завершено. Я жду вас завтра утром в Военном Комитете, в 08:00, перед переброской флота в пространство Гипериона.

Все направились к дверям. Генерал Морпурго, удаляясь, наградил меня свирепым взглядом. Сенатор Колчев, проходя мимо, поглядел с некоторым любопытством. Советник Альбедро просто растаял в воздухе. Кроме Гладстон и меня, в комнате остался один Ли Хент. Он устроился поудобнее, перекинув ногу через подлокотник бесценного кресла, привезенного со Старой Земли.

– Присаживайтесь, – обронил он.

Я взглянул на секретаря Сената и выбрал стул с прямой спинкой, на котором только что сидел генерал Морпурго.

– Вы действительно считаете оборону Гипериона глупостью? – спросила Мейна Гладстон.

– Да.

Она сложила пальцы в щепоть и задумчиво потербила нижнюю губу. В окне за ее спиной беззвучно бушевал прием в честь армады.

– Если вы еще надеетесь на воссоединение с вашим... э-э... двойником, – произнесла она, – то продолжение Гиперионовской кампании в ваших же интересах.

Я не отозвался. Теперь в окне появилось ночное небо, в котором еще пылали следы армады.

– Рисовальные принадлежности у вас с собой? – спросила Гладстон.

Я извлек карандаш и небольшой блокнот, о которых предпочел не упоминать при Дайане Филомель.

– Рисуйте, пока мы разговариваем, – предложила Мейна Гладстон.

Я приступил к работе: быстро наметил ее опущенные плечи и занялся лицом. Меня заинтерговали глаза.

Тут я ощутил на себе пристальный взгляд Ли Хента.

– Джозеф Северн, – протянул он. – Интересное имя вы себе выбрали.

Стремительными четкими штрихами я очертил высокий лоб и орлиный нос Мейны Гладстон.

– Знаете, почему люди недолюбливают кибридов? – продолжал Хент.

– Да, – ответил я. – Синдром чудовища Франкенштейна. Боязнь всего человекоподобного, но не совсем подходящего под определение «человек». Потому-то андроидов и объявили вне закона.

– Угу, – согласился он. – Но ведь кибриды – самые настоящие люди, не так ли?

– С точки зрения генетики – да, – ответил я и поймал себя на том, что вспоминаю мать – как читал ей вслух, когда она заболела. Подумал о моем брате Томе. – Но они часть Техно-Центра и потому подпадают под определение «не вполне человек».

– А вы тоже часть Техно-Центра? – спросила Мейна Гладстон, взглянув мне в глаза. Я начал новый набросок.

– Не совсем, – ответил я. – Я могу свободно путешествовать там, куда меня допускают, но это ближе к обычному подключению к инфосфере, чем к возможностям полноправных членов Техно-Центра.

В три четверти ее лицо выглядело интереснее, но вся сила, заключенная в глазах, открывалась, когда они смотрели на тебя в упор. Я занялся паутинками морщинок, разбегающихся из уголков этих глаз. Мейна Гладстон, очевидно, никогда не прибегала к поульсензации.

– Если бы можно было что-то скрыть от Техно-Центра, – сказала Мейна Гладстон, – допускать вас на заседания правительства было бы безумием. Так или иначе... – Она опустила руки на колени и выпрямилась. Я перевернул страницу в блокноте. – Так или иначе, – продолжала она, – вы располагаете необходимой мне информацией. Правда ли, что вы можете читать мысли вашего двойника, первой воскрешенной личности?

– Нет.

Перенести на бумагу сложное переплетение морщин и мускулов в уголках ее рта было непросто. Я зарисовал его как умел, переключился на волевой подбородок, положил тень под нижнюю губу.

Хент, нахмурив лоб, покосился на главу правительства. Мейна Гладстон снова сложила пальцы в щепоть.

– Объясните, – попросила она.

Я поднял глаза от рисунка.

– Я вижу сны. В них, по-видимому, отражаются события, происходящие вокруг человека, который носит в своем теле имплант предыдущей личности Китса.

– Это женщина. Ее зовут Ламия Брон, – сказал Ли Хент.

Гладстон кивнула.

– Значит, первичная личность Китса, которая считалась убитой на Лузусе, все еще жива?

Я замялся.

– Она... он... все еще в сознании. Вы же знаете, что субстрат первичной личности был извлечен из Техно-Центра, очевидно, самим кибридом и имплантирован в биошунт, носимый госпожой Брон.

– О да, – подтвердил Ли Хент. – Но суть дела в том, что вы поддерживаете связь с личностью Китса, а через нее – с паломниками к Шрайку.

Из быстрых черных штрихов сложился темный фон, придавший портрету Гладстон глубину.

– Вряд ли это можно назвать связью, – заметил я. – Я вижу сны, сны о Гиперионе. Сообщения, которые вы получаете по мультилинии, подтверждают, что мои сны адекватны происходящим там событиям. Но я не могу общаться ни с пассивной личностью Китса, ни с ее носительницей или прочими паломниками.

Мейна Гладстон прищурилась:

– Откуда вы узнали о передачах по мультилинии?

– Консул рассказал паломникам, что может отправлять сообщения через комлог и мультипередатчик своего корабля. Они разговаривали об этом в Башне Хроноса, как раз перед спуском в долину.

– И как им понравилось откровение Консула? – спросила Гладстон тоном адвоката: наследие тех лет, когда она еще не оставила юриспруденцию ради политики.

– Они давно знают, что среди них есть шпион, – сказал я, убирая карандаш в карман. – Вы сами предупредили об этом каждого.

Гладстон взглянула на своего помощника. Лицо Хента ничего не выражало.

– Раз вы поддерживаете с ними связь, – сказала она, – вам должно быть известно, что мы не получили от них ни единой мультиграммы с тех пор, как они покинули Башню Хроноса и начали спускаться к Гробницам Времени.

Я покачал головой.

– Прошлой ночью сон прервался как раз на том, что они подошли к долине.

Мейна Гладстон встала, прошла к окну, подняла руку, и экран погас.

– Значит, вы не знаете, живы ли они?

– Нет.

– Каково было их положение, когда вы... видели их во сне в последний раз?

Хент не отрывал от меня глаз. Мейна Гладстон смотрела на темный экран, повернувшись спиной к нам обоим.

– Все были живы, – сказал я. – За исключением Хета Мастина, Истинного Гласа Древа.

– Он мертв? – спросил Хент.

– Он исчез из ветровоза в Травяном море двое суток назад – после того, как разведчики Бродяг уничтожили корабль-дерево «Иггдрасиль». Но недавно паломники видели с Башни Хроноса, как человек в мантии шел через пустыню в направлении Гробниц.

– И это был Хет Мастин? – спросила Гладстон.

– Они так предположили, но точно сказать не могли.

– Расскажите об остальных, – попросила секретарь Сената.

Я перевел дух. Из снов я знал, что Гладстон лично знакома по меньшей мере с двумя участниками последнего паломничества к Шрайку. Отец Ламии Брон был ее коллегой по Сенату, а Консул являлся личным представителем Гладстон на тайных переговорах с Бродягами.

– У отца Хойта сильные боли, – сказал я. – Он рассказал остальным историю крестоформа. Консул узнал, что Хойт носит на себе крестоформ... даже два. Отца Дюре и свой собственный.

Гладстон кивнула.

– Значит, он не избавился от паразита-воскресителя?

– Нет.

– И с приближением к логову Шрайка он беспокоит его все сильнее?

– Кажется, так.

– Продолжайте.

– Поэт, Мартин Силен, все это время пьянствовал. Он убежден, что его неоконченная поэма предсказала ход событий и продолжает ими управлять.

– На Гиперионе? – спросила Гладстон, не оборачиваясь.

– Повсюду, – ответил я.

Хент бросил взгляд на секретаря Сената и снова уставился на меня.

– Силен сумасшедший?

Я не опустил глаз, но промолчал. По правде говоря, я и сам не знал.

– Продолжайте, – попросила Гладстон.

– У полковника Кассада навязчивая идея: отыскать женщину по имени Монета и убить Шрайка. Он подозревает, что Шрайк и Монета одно и то же существо.

– Он вооружен? – спросила Гладстон очень тихо.

– Да.

– Продолжайте.

– Сол Вайнтрауб, ученый с Мира Барнарда, надеется войти в Гробницу под названием «Сфинкс», как только...

– Извините, – перебила меня Гладстон. – Его дочь все еще с ним?

– Да.

– И сколько Рахили сейчас?

– Пять дней, по-моему. – Я закрыл глаза, пытаясь припомнить подробности вчерашнего сна. – Да, – повторил я, – пять дней.

– И она все еще растет наоборот?

– Да.

– Продолжайте, господин Северн. Расскажите, пожалуйста, о Ламии Брон и Консуле.

– Ламия Брон выполняет волю своего бывшего клиента... и любовника, – сказал я. – Личность Китса считала, что должна встретиться со Шрайком лицом к лицу. Госпожа Брон намерена сделать это вместо Китса.

– Господин Северн, – начал Ли Хент, – вы говорите о «личности Китса» так, словно она не имеет никакого отношения к вашей собственной...

– Пожалуйста, Ли, потом, – быстро перебила его Мейна Гладстон. Обернувшись, она снова посмотрела мне в глаза. – А как поживает Консул? Он объяснил, что побудило его присоединиться к паломникам?

– Да, – ответил я.

Гладстон и Хент ждали.

– Консул рассказал им о своей бабушке, – сказал я. – Женщине по имени Сири, которая возглавила восстание на Мауи-Обетованной полвека назад. А также о том, что его собственная семья погибла во время битвы за Брешию, и признался в своих тайных встречах с Бродягами.

– Это все? – спросила Гладстон, не сводя с меня лихорадочно блестящих карих глаз.

– Нет, – ответил я. – Консул объявил, что именно он включил созданное Бродягами устройство, ускорившее открытие Гробниц.

Хент вскинул голову, его нога соскользнула с подлокотника кресла. Гладстон прерывисто выдохнула.

– Это все?

– Да.

– Как реагировали остальные на его признание в... предательстве? – спросила она.

Я помолчал, пытаясь выстроить обрывки сна в линейной последовательности.

– Некоторые стали возмущаться. Но никто не выказал беззаветной верности Гегемонии. Паломники решили продолжать путь. Мне кажется, все они в глубине души считают, что возмездие должно прийти от Шрайка, а не от людей.

Хент стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Будь Консул здесь, – резко произнес он, – живо убедился бы в обратном.

– Спокойно, Ли. – Гладстон возвратилась к своему письменному столу и зашуршала бумагами. Сигнальные лампочки линий связи нетерпеливо мигали. Я поразился, что она потратила столько времени на беседу со мной. – Благодарю вас, господин Северн, и прошу вас остаться на несколько дней. Ваши апартаменты в жилом крыле Дома Правительства.

Я встал.

– Мне нужно на Эсперансу за вещами.

– Не беспокойтесь, – сказала Гладстон. – Ваш багаж прибыл сюда раньше вас. Ли вас проводит.

Я поклонился и пошел за долговязым Ли к двери.

– Да, господин Северн... – окликнула меня Гладстон.

– Я вас слушаю.

Секретарь Сената улыбнулась.

– Я высоко ценю вашу искренность, – сказала она. – Но начиная с этого момента, будем считать, что вы – придворный художник, и только. Не рассуждающий, невидимый и неслышимый.

– Понятно, – ответил я.

Гладстон кивнула и в следующее мгновение уже переключилась на мигающие лампочки теле- и прочих фонов.

– Отлично. Пожалуйста, приходите завтра со своим блокнотом на совещание в Военный Комитет к 08:00.

Ожидавший в приемной сотрудник службы безопасности поманил меня за собой. Мы уже углубились в лабиринт коридоров, когда оставшийся позади Хент что-то крикнул и бросился за нами следом. Его шаги эхом разносились по огромному зданию. Подбежав к нам, он схватил меня за руку.

– Не делайте глупостей, – негромко произнес он. – Мы знаем... *она* знает, кто вы такой, и что вы такое, и кто вас сюда прислал.

Не опуская глаз, я спокойно высвободил руку.

– Очень хорошо, так как в настоящую минуту я совершенно уверен, что сам этого не знаю.

Глава третья

Шестеро взрослых и младенец во враждебном мире. В ступающей тьме их костер выглядит жалкой искоркой. Над ними и вокруг стеной вздымаются горы, окружающие долину, а рядом во мраке притаились громадины Гробниц. Они кажутся призраками каких-то допотопных монстров, подползающими все ближе и ближе.

Ламия Брон вконец вымоталась, и при каждом крике младенца на руках у Вайнтрауба стискивает зубы. За последние трое суток они спали не больше нескольких часов, а прошедший день добавил тревог и волнений. Ламия подбрасывает в костер полено.

– Последнее, – цедит сквозь зубы Мартин Силен. Костер подсвечивает его козлиную физиономию.

– Знаю, – бесцветным голосом отвечает Ламия, слишком усталая, чтобы огрызаться и вообще выражать свои чувства вслух. Дрова для костра взяты из тайника, устроенного здесь паломниками много лет назад. Три небольшие палатки стоят на площадке, используемой для традиционного последнего ночлега перед встречей со Шрайком. Это неподалеку от Гробницы, именуемой Сфинксом; черная громада – его крыло – заслоняет часть неба.

– Ну что ж, сгорит последнее – включим фонарь, – бросает Консул. Он выглядит более измученным, чем остальные. Пляшущее пламя бросает красные отблески на его лицо. Ради скорого свидания со Шрайком он обрядился в свою дипломатическую форму, но за день пелерина и треуголка испачкались и помялись – как, впрочем, и сам Консул.

К костру возвращается полковник Кассад. Он поднимает ночной визор, и на высоте двух метров от земли внезапно появляется его лицо. Одно только лицо – боевой скафандр из полимерной «хамелеоновой кожи» превратил Кассада в невидимку.

– Пусто, – говорит он. – Ничто не движется. Никаких тепловых следов. Ни звука – один ветер.

Кассад прислоняет универсальную десантную винтовку к скале и опускается на корточки рядом с остальными. Волокна его скафандра дезактивируются, становясь матово-черными, что, однако, не возвращает Кассада в разряд видимых существ.

– Вы полагаете, Шрайк явится сегодня ночью? – спрашивает отец Хойт срывающимся голосом. Священник, закутанный в черный плащ, сливается с тьмой, совсем как Кассад.

Наклонившись к костру, полковник ворошит угли:

– Трудно сказать. На всякий случай я покараулю.

Внезапно все шестеро задирают головы: в звездном небе, затмевая созвездия, начинают беззвучно расцветать чудовищные оранжевые и красные бутоны.

– Ну вот, опять начинается, – бормочет Сол Вайнтрауб, укачивая дочку. Рахиль успокоилась и теперь пытается ухватить отца за короткую бородку. Вайнтрауб целует крохотную ручонку.

– Снова прощупывают линию обороны Гегемонии, – замечает Кассад. От разворошенного костра летят искры; они уносятся в небо, будто хотят присоединиться к ослепительным огням там, наверху.

– Кто же победил? – спрашивает Ламия. Беззвучная космическая битва раздирала небеса всю прошлую ночь и добрую половину дня.

– А какая к черту разница? – Мартин Силен роется в карманах шубы, словно надеясь найти там непочатую бутылку. Но бутылки нет. – Какая к черту разница, – бормочет он снова.

– Большая, – устало роняет Консул. – Если Бродяги прорвутся, они могут уничтожить Гиперион прежде, чем мы отыщем Шрайка.

Силен разражается издевательским смехом:

– О, какой кошмар! Умереть, не повидавшись со смертью! Погибнуть без талончика на гибель! Уйти быстро и без боли, а не извиваться веки вечные на колючках Шрайка! О, об этом даже подумать страшно!

– Заткнись, – говорит Ламия Брон. В ее монотонном голосе никаких эмоций, разве что усталая угроза, а глаза устремлены на Консула. – Так где же Шрайк? Почему мы его не нашли?

Дипломат не отрывает глаз от огня.

– Не знаю. Да и откуда мне знать?

– Возможно, Шрайка больше нет, – вставляет отец Хойт. – Возможно, сняв антиэнтропийную защиту, вы освободили его навеки. И теперь он собирает кровавую жатву в других мирах.

Консул молча качает головой.

– Нет, – вмешивается в разговор Сол Вайнтрауб. Ребенок спит у него на груди. – Он будет здесь. Я чувствую.

Ламия кивает в знак согласия:

– Я тоже чувствую. Он выжидает.

Она достает из рюкзака несколько рационов и, включив нагрев, раздает паломникам ужин.

– Что и говорить: разочарование – основа и уток нашего мира, – замечает Силен. – Но вы-то, вы!.. Умора! Вырядились для похорон, а теперь ищите, где бы откинуть копыта.

Ламия морщится, но ничего не отвечает. Трапеза продолжается в молчании. Огненные гроздья гаснут, звезды вновь усеивают небо, а искры все летят и летят вверх, точно ища спасения.

Блуждая в сонной дымке мыслей Ламии Брон, я пытаюсь восстановить события, произошедшие со времени моего последнего сна о паломниках.

Незадолго до рассвета паломники, распевая песню, спустились в долину; впереди них ползли их длинные тени, отбрасываемые заревом космической битвы, бушующей в миллиарде километров от планеты. Спустившись, они начали осматривать Гробницы Времени, с минуты на минуту ожидая смерти. Через несколько часов, когда взошло солнце и холод высокогорной пустыни уступил место зною, страх и возбуждение стали понемногу рассеиваться.

Царящую в долине тишину нарушало лишь шуршание песка, голоса окликающих друг друга паломников, да стоны ветра, неустанно, до звона в ушах бьющегося о скалы и стены Гробниц. И Кассад и Консул захватили приборы для замера антиэнтропийных полей, но Ламия первой заметила, что они не нужны – приливы и отливы волн времени отзывались в теле легкой тошнотой, сопровождаемой неослабным чувством ложной памяти.

Ближе всего ко входу в долину находился Сфинкс; дальше располагалась Нефритовая Гробница, стены которой в утренних и вечерних сумерках становились полупрозрачными; далее, метрах в ста от нее, возвышалось сооружение под названием Обелиск; оттуда тропа паломников шла по руслу высохшего ручья, приводя к самой грандиозной, занимающей центральное положение Гробнице – Хрустальному Монолиту. То была голая глыба без единого прохода внутрь, с плоской вершиной, возвышавшейся над стенами долины. Еще дальше находились Пещерные Гробницы, входы в которые можно было отыскать благодаря дорожкам, проторенным тысячами ног; и наконец, километром дальше высился так называемый Дворец Шрайка. Его острые зубцы и торчащие повсюду шпильки лишней раз напоминали об острых шипах мифического обитателя этих мест.

Весь день паломники ходили от гробнице к гробнице, держась тесной кучкой; перед сооружениями, в которые можно было войти, они ненадолго задерживались. Сердце Вайнтрауба бешено забилося, когда он переступил порог Сфинкса: именно отсюда его дочь двадцать шесть лет назад вынесла болезнь Мерлина. Приборы, установленные университетской

экспедицией, все еще стояли на своих треногах вокруг могилы, но понять, действуют ли они, никто не мог. Узкие и запутанные коридоры Сфинкса оказались точно такими, какими описала их Рахиль в своем дневнике. Гирлянды люминесцентных ламп давно погасли. Паломники осматривали помещения с помощью карманных фонарей и ночного визора Кассида. Им не удалось обнаружить ничего похожего на комнату, где была Рахиль, когда стены сомкнулись и в девушку вошла болезнь. От могучих приливов времени осталась лишь жалкая зыбь. Шрайк не давал о себе знать.

Перед каждой новой Гробницей паломники переживали мгновение душераздирающего ужаса и нетерпеливого предвкушения, но оно сменялось часами досады, когда перед ними вновь и вновь представляли вереницы пыльных, пустых комнат: все, что видели туристы и паломники минувших веков.

Наконец день, не принеший ничего, кроме разочарования и усталости, завершился; тени восточных гор накрыли Гробницы и долину – так опускается занавес после неудачного спектакля. Дневной зной испарился, и холод не заставил себя ждать, принесенный ветром вместе с запахом снега с вершин Уздечки, лежащей в двадцати километрах к юго-западу. Кассид предложил остановиться и разбить лагерь. Консул знал место, где паломники проводили свою последнюю ночь перед встречей с тем, кого искали. Ровная площадка подле Сфинкса, с горами мусора, оставленными исследователями и туристами, приглянулась Солу Вайнтраубу – он решил, что именно здесь стояла палатка его дочери, – и усталые путники без возражений сбросили с плеч свою ношу.

Теперь, в полной темноте – последнее полено догорало – я ощутил, как эти шестеро подвигаются ближе... не просто к огню в поисках тепла, но и друг к другу, связанные слабыми, но почти материальными нитями общих переживаний. Более того, я ощутил единство, более осязаемое, чем эмоциональные связи, возникшие между этими людьми. Ощущение было мимолетным, но я понял, что эта кучка людей создала свою информационную и сенсорную сеть. На планете, чьи примитивные системы инфосвязи расплзлись в клочья с первым же залпом, эта группа соединила между собой все свои комлоги и биомониторы, дабы делиться информацией и по мере сил и возможностей следить друг за другом.

Хотя входные барьеры стояли прочно, я без труда скользил мимо них, сквозь них, под ними, собирая не самые важные, но обильные данные – частота пульса, температура кожи, активность коры мозга, запросы на доступ, перечни полученных данных, – которые позволяли мне узнать кое-что о каждом из паломников. У Кассида, Хойта и Ламии были импланты, и движение их мыслей ощущалось очень четко. В эту секунду Ламия Брон размышляла, не было ли решение идти к Шрайку ошибкой; что-то настойчиво стучалось в дверь ее сознания. Она ощущала себя так, словно перед самым ее носом находится что-то ужасно важное, ключ к разгадке... Но от какого замка этот ключ?

Ламия терпеть не могла тайн; то была одна из причин, побудивших ее оставить относительно спокойную жизнь и стать частным сыщиком. Но какая тайна мерещится ей сейчас? Она почти разгадала загадку убийства кибрида, ее клиента... и любовника, и прилетела на Гиперион, чтобы исполнить его последнюю волю. И все же она чувствовала, что не дающее ей покоя «нечто» почти не имеет отношения к Шрайку. В чем же дело?

Тряхнув головой, Ламия поворошила угасающий костер. Ее сильное тело было закалено гравитацией Лузуса и постоянными тренировками, но она не спала несколько суток и устала до беспамятства. Как сквозь туман до нее донесся чей-то голос...

– ...да просто, чтобы принять душ и раздобыть еды, – раздраженно заявляет Мартин Силен. – И еще можно узнать по мультителу, кто выиграл войну.

Консул качает головой.

– Еще не время. Корабль – для чрезвычайных обстоятельств.

Силен обводит рукой Сфинкса, черный мир вокруг.

– Вы считаете, это не чрезвычайные обстоятельства?

До Ламии доходит, что поэт упрямится. Консул вызывает его корабль из Китса.

– А вам не кажется, что под чрезвычайными обстоятельствами вы подразумеваете отсутствие алкоголя? – вступает она в разговор.

Силен свирепо смотрит на нее:

– А что плохого в выпивке?

– Нет, – повторяет Консул. Он трет глаза, и Ламия вспоминает, что Консул тоже неравнодушен к алкоголю. Однако он наотрез отказывается вызвать корабль. – Будем ждать крайнего случая.

– А мультитранслятор работает? – спрашивает его Кассад.

Консул утвердительно кивает и извлекает из своего рюкзака старинный комлог. Прибор принадлежал его бабушке Сири, а до этого ее родителям. Консул касается дисконключи: по нему можно передавать, но не принимать.

Сол Вайнтрауб, положив спящего ребенка у входа ближайшей к нему палатки, поворачивается к огню.

– А откуда вы передали последнее сообщение – из Китса?

– Да, – подтверждает Консул.

Мартин Силен саркастически цедит сквозь зубы:

– И мы должны верить словам... предателя?

– Должны. – Голос Консула – сгусток усталости.

Изможденное лицо Кассада плавает в темноте. Его тело – черный силуэт на фоне темноты.

– А по вашему комлогу можно вызвать корабль, если понадобится?

– Да, – роняет Консул.

Отец Хойт плотнее закутывается в плащ, чтобы он не развеялся на ветру. На шерстяную одежду и парусину палаток с шуршанием сыплется песок.

– Вы не боитесь, что портовая администрация или военные конфискуют корабль или что-нибудь с ним сделают? – спрашивает священник.

– Нет. – Консул лишь чуть шевельнул головой, словно не в силах покачать ею. – Наше разрешение подписано секретарем Сената Мейной Гладстон. А генерал-губернатор – мой друг... бывший.

Остальные видели новоиспеченного губернатора Гипериона лишь мельком, вскоре после прилета; Ламии показалось, что Тео Лейн – слишком мелкая сошка для тех больших событий, в которых ему выпало участвовать.

– Ветер все сильнее, – говорит Сол Вайнтрауб, пытаясь заслонить ребенка от бури летящих песчинок. Вглядываясь сощуренными глазами в облака пыли, ученый произносит: – Интересно, где теперь Хет Мэстин?

– Мы обшарили здесь все. – Голос отца Хойта звучит глухо: голова его закрыта полкой плаща.

Мартин Силен хихикает:

– Тысяча извинений, отче, но вы просто мешок с дерьмом. – Поэт встает и подходит к краю светового круга. Ветер ерошит мех его шубы и уносит слова в ночь. – В скалах – тысячи расщелин. Вход в Хрустальный Монолит скрыт от нас, но от тамплиера вряд ли. И кроме того, вы сами видели в подземелье Нефритовой Гробницы лестницу. Она наверняка ведет к лабиринту.

Хойт поднимает голову, морщась от укусов бесчисленных песчинок.

– Вы думаете, он там? В лабиринте?

Силен со смехом поднимает руки, при этом широкие рукава его блузы раздуваются, как паруса.

– Мне-то откуда знать, падре? Мне известно одно – Хет Мастин сейчас где-то бродит, наблюдает за нами и ждет момента, чтобы вернуться и забрать свой багаж. – Поэт жестом указывает на куб Мебиуса в центре небольшой кучи снаряжения. – А может, он уже покойник. Или того хуже.

– Хуже? – переспрашивает Хойт. За несколько часов священник состарился на несколько лет. Его запавшие глаза – озерца боли, улыбка – гримаса мертвеца.

Мартин Силен большими шагами возвращается к угасающему костру.

– Да, хуже, – говорит он. – Может, он уже корчится на стальном дереве Шрайка. На ветках, куда и нас насадят через несколько...

Ламия Брон внезапно вскакивает, хватая поэта за грудь, поднимает в воздух, встряхивает и опускает так, чтобы его глаза оказались на уровне ее глаз.

– Еще слово, – негромко говорит она, – я сделаю вам очень больно. Не буду вас убивать, но вы сами запросите смерти.

Поэт улыбается ей в лицо улыбкой сатира. Ламия разжимает руки и отворачивается. Кассад произносит:

– Мы все устали. Отбой. Я остаюсь на часах.

Мои сны о Ламии смешиваются со снами самой Ламии. В том, что мне приходится разделять сны и мысли женщины, нет ничего неприятного, даже если эта женщина отделена от тебя пропастью времен и культур, пропастью шире любой существующей между разнополыми существами. Мне кажется, будто я смотрю в какое-то странное зеркало. Она видела во снах покойного любовника, его слишком курносый нос и слишком упрямый подбородок, слишком длинные волосы, ниспадавшие завитками на воротник, и его глаза – слишком выразительные, слишком правдивые глаза, оживлявшие лицо, которое могло бы, если бы не эти глаза, принадлежать любому из тысяч крестьян, родившихся в радиусе одного дня езды от Лондона.

Лицо, которое она видела во сне, было моим. Голос, который она слышала во сне, был моим. Но к любовным утехам, сновившимся или вспоминавшимся ей, я не имел никакого отношения. Я пытался ускользнуть из ее снов, хотя бы ради того, чтобы обрести свои собственные. Если уж мне суждено подглядывать в замочную скважину спальни, пусть это будет чехарда искусственных воспоминаний, выделенных мне в качестве моих собственных снов.

Но мои собственные сны мне видеть не позволялось. Все еще не позволялось. Я начинаю подозревать, что родился – вновь родился на своем смертном одре, – дабы видеть сны о моем мертвом и далеком двойнике.

Я покорился и, не силясь больше разлепить веки, отдался сновидениям.

Ламия Брон мгновенно просыпается, вырванная из приятного сна каким-то звуком или движением. И целую секунду не может сориентироваться; вокруг темнота, шум – не механический, громче большинства звуков Улья, на Лузусе, в котором она живет. Она пьяна от усталости, но чувствует, что спала очень недолго; в небольшом замкнутом пространстве, чем-то напоминающем растянутый спальный мешок, кроме нее никого нет.

Выросшая в мире, где замкнутое пространство означает защиту от ядовитого воздуха, ветра и животных, где люди, оказавшись в немногочисленных открытых местах, задыхаются от агорафобии, а о клаустрофобии мало кто слышал, Ламия тем не менее реагирует на свое убежище как настоящий клаустрофоб: из последних сил пробивается к воздуху. Трещит по швам спальный мешок, рвутся застёжки палатки... Лишь бы выкарабкаться из тесного фибропластового кокона... ползком, подтягиваясь на руках, упираясь локтями – пока под ладонями не окажется песок. А над головой небо.

Но это не небо. Ламия вдруг осознает, где находится. Песок. Клокочущая, ревущая, стремительная песчаная буря. Песчинки колют лицо, как мириады маленьких булавок. Погасший костер засыпан песком. Под его тяжестью провисли наветренные бока всех трех палаток, их полотнища хлопают на ветру так, словно рядом палят из ружей. Вокруг лагеря выросли новенькие песчаные дюны, образуя валы, борозды и горки с подветренной стороны палаток и кучи снаряжения. Палатка, в которой Ламия ночевала вместе с отцом Хойтом, опасно накренилась, почти засыпанная растущими дюнами. Из остальных палаток никто не показывается.

Хойт.

Именно его отсутствие разбудило ее. Даже во сне какой-то частью сознания она улавливала слабое дыхание и почти неразличимые стоны спящего священника, боровшегося с болью. Возможно, он исчез всего за несколько минут до ее пробуждения – Ламия точно помнит, как поверх скрежета и воя песчаной бури до нее, витающей в глубинах сна о Джонни, донесся какой-то скользкий шорох.

Она поднимается на ноги и прикрывает глаза ладонью. Очень темно, звезды поглотила буря, но слабое, похожее на электрический свет сияние вибрирует в воздухе, отражаясь от поверхности скал и дюн. Ламия понимает, что это действительно электричество – ее волосы встают дыбом и шевелятся, как у Медузы Горгоны. Электроряды взбираются по рукавам ее куртки и плавают над палатками, подобно огням Святого Эльма. Когда ее глаза привыкают к темноте, Ламия замечает, что ползучие дюны исходят бледным огнем. В сорока метрах от нее на востоке высится Сфинкс, превратившийся в трескучий и пульсирующий световой контур. Волны электричества обтекают растопыренные придатки, которые обычно называют крыльями.

Ламия оглядывается и, не обнаружив никаких следов отца Хойта, хочет позвать на помощь. Но кто услышит ее за ревом ветра? Ей приходит в голову, что священник мог перебраться в другую палатку или просто пошел в примитивную уборную, но шестое чувство ей подсказывает, что это не так. Ламия смотрит на Сфинкса и на долю секунды ей чудится, что она видит в мертвенно-голубом свечении гробницы человеческую фигуру в развевающемся черном плаще. Человек, вжав голову в плечи, продвигается против ветра.

На ее плечо опускается чья-то рука.

Ламия мгновенно выворачивается и принимает боевую стойку; левый кулак выброшен вперед, правая рука у пояса. Она узнает стоящего перед ней Кассада. Полковник в полтора раза выше Ламии, но уже ее в плечах. Миниатюрные молнии носятся по его худому телу, когда он наклоняется, чтобы прокричать ей в ухо:

– Он пошел туда! – Длинная, черная, как у пугала, рука указывает на Сфинкса.

Ламия кивает и кричит в ответ, сама себя не слыша:

– Будить остальных? – Она забыла, что Кассад стоит на часах. Спит ли этот человек когда-нибудь вообще?

Федман Кассад качает головой. Ночной визор его шлема поднят, а сам шлем откинут, как капюшон, на спину боевого скафандра. В свечении, исходящем от его одежды, лицо Кассада кажется обморочно-бледным. Универсальная винтовка удобно устроилась под его левым локтем. Гранаты, бинокль в футляре и какие-то совсем неведомые предметы свисают с крючков и ремней его панциря. Он снова указывает в сторону Сфинкса.

Ламия наклоняется вперед и кричит что есть силы:

– Его забрал Шрайк?

Кассад качает головой.

– Вы можете его видеть? – Она показывает на его визор и бинокль.

– Нет, – отвечает Кассад. – Буря. Стирает тепловые следы.

Ламия Брон поворачивается спиной к ветру, и спина ее тотчас оказывается под обстрелом обезумевших песчаных струй, точно под ураганным огнем десятка иглометов. Она запра-

шивает о Хойте свой комлог, но узнает лишь, что он жив и движется – других данных по общей волне не получишь. Она подходит к Кассаду вплотную – чтобы противостоять буре.

– Пойдем следом? – кричит она.

Кассад мотает головой.

– Нельзя бросить лагерь. Я оставил сигнализаторы, но... – Он жестом обводит бушующее пространство вокруг.

Ламия ныряет в палатку, натягивает сапоги и снова появляется – в штормовке и с отцовским пистолетом в руках. Более традиционное оружие, парализатор Гира, торчит из нагрудного кармана штормовки.

– Тогда пойду я, – говорит она.

Ей кажется, что полковник не расслышал ее, но блеск в его глазах говорит об обратном. Кассад постукивает по военному комлогу на своем запястье.

Ламия кивает и удостоверяется в том, что ее собственные имплант и комлог настроены на самую широкую полосу приема.

– Я вернусь, – кричит она и карабкается на дюну, тут же проваливаясь по щиколотку. Ее штанины светятся от статических разрядов, а песок кажется живым от серебристо-белых импульсов тока, змеящихся по его неровной поверхности.

Отойдя от лагеря метров на двадцать, она совершенно теряет его из виду. Еще десять метров, и над ней нависает громада Сфинкса. Никаких следов: отпечатки ног в такую бурю не держатся и десяти секунд.

Широкий вход в Сфинкс открыт. Он был открыт всегда, с того момента, как человечество узнало о существовании Гробниц. Логика подсказывает, что Хойт вошел внутрь этого черного прямоугольного проема в слабо светящейся стене, хотя бы ради того, чтобы укрыться от бури, но что-то лежащее за пределами логики говорит Ламии, что священник направился в другое место.

Ламия с трудом добирается до угла Сфинкса, отдыхает несколько минут под его прикрытием, отряхивается, переводит дух и вновь идет дальше по едва различимой тропе между дюнами. Впереди светится молочно-зеленая Нефритовая Гробница. Ее красивые изгибы и гребни словно намазаны каким-то колдовским маслом.

Прищурившись, Ламия вглядывается и в какой-то миг видит на фоне этого свечения силуэт – кого-то или чего-то. Затем силуэт исчезает – либо нырнув внутрь гробницы, либо застыв на пороге и слившись с темнотой.

Ламия, вжав голову в плечи, двигается вперед. Ветер подталкивает ее, понукает – словно торопя на необычайно важную встречу.

Глава четвертая

Заседание Военного Совета тянулось уже несколько часов, и конца не предвиделось. По моему, в этом ритуале столетиями ничего не меняется: громкие голоса выступающих сливаются в монотонный гул, во рту горько от бесчисленных чашек кофе, клубы табачного дыма витают в воздухе, штабеля документов громоздятся на столах, в голове звенит от постоянного контакта с инфосферой. Подозреваю, что во времена моего детства все было гораздо проще. Веллингтон собирал людей – тех, кого презрительно и справедливо называл «отбросами земли», – и, ничего им не объясняя, посылал на смерть.

Я снова обратил внимание на собравшихся. Мы находились в большом зале, однообразно-серые стены которого оживлялись белыми прямоугольниками световых панелей. Ковер грифельного цвета, свинцово-серый подковообразный стол, уставленный дисплеями и графическими с водой. Секретарь Сената Мейна Гладстон восседала посреди подковы, рядом с нею располагались сенаторы и члены кабинета министров. Штабные офицеры и другие второстепенные вершители судеб нации сидели дальше. За их спинами, не допущенная к столу, таилась армия помощников, причем среди военных не было ни одного чином ниже полковника, а на креслах похуже и пожестче размещались помощники помощников.

Мне кресла не досталось. Вместе с другими, приглашенными чисто для проформы лицами я сидел на табурете в дальнем углу зала, в двадцати метрах от секретаря Сената и еще дальше от офицера-докладчика, молодого полковника с указкой в руке и без малейшей робости в голосе. Полковник стоял у серой с золотом демонстрационной панели, перед ним плавала в воздухе унисфера того типа, что можно встретить в любой голографической кабине. Демонстрационная панель то мутнела, то вновь оживала; порой в воздухе становилось тесно от причудливых трехмерных схем. Миниатюрные копии диаграмм с панели светились на каждом дисплее и парили над некоторыми комлогами.

Я сидел на своем табурете, смотрел на Гладстон и время от времени делал наброски.

В то утро, разбуженный щедрым солнцем Тау Кита, чьи лучи лились в щель между абрикосовыми гардинами гостевых апартаментов Дома Правительства, которые сами собой раздвинулись, как и требовалось, в 06:30, я на какой-то миг растерялся. Я был разорван между двумя мирами, все еще преследуя Ленара Хойта, все еще испытывая ужас перед Шрайком и Хетом Мастином. В следующее мгновение, еще больше запутавшись, будто некая сила позволила мне заглянуть в мои собственные сны, я привстал, задышавшись и в панике озираясь по сторонам; мне казалось, что лимонный ковер и абрикосовый свет в гардинах вот-вот исчезнут, как все прочие мои горячечные сны, оставив только боль, мокроту и липкие красные простыни, а светлая комната Дома Правительства растворится в сумраке темной квартиры на Пьяцца ди Спанья, все заслонит наконец выразительное лицо Джозефа Северна. Оно будет все ниже и ниже склоняться надо мной, жадно вбирая зрелище моей замедленной смерти.

Я принял душ – сначала водяной, потом ультразвуковой, надел новый серый костюм, разложенный на кровати, которую убрали, пока я мылся, и отправился на поиски Восточного Дворика, где, согласно любезному приглашению, оставленному рядом с моей новой одеждой, гости Дома Правительства могли позавтракать.

Апельсиновый сок только что выжали. Бекон тоже был свежим, а главное, натуральным. В газете сообщалось, что секретарь Сената Гладстон обратится к народу через Альтинг и средства массовой информации в 10:30 по стандартному времени Сети. Страницы изобиловали корреспонденциями с театра военных действий. Двухмерные фото армады сверкали всеми цветами радуги. С третьей полосы угрюмо глядел генерал Морпурго – журналист именовал его «героем второй Хайтовской войны». Дайана Филомель, завтракавшая со своим супругом-неан-

дертальцем за соседним столиком, одарила меня загадочным взглядом. В это утро на ней было более строгое платье – темно-синее, не такое облегающее, но разрез сбоку заставлял вспомнить о вчерашнем роскошном зрелище. Не сводя с меня глаз, она взяла холеными пальчиками ломтик бекона и осторожно откусила. Гермунд Филомель, довольно хрюкая, наслаждался чтением финансового приложения.

– Миграционная группа Бродяг... общепринятое название «Рой»... была обнаружена хоукинг-локационной станцией системы Камн немногим более трех стандартных лет назад, – говорил молодой докладчик. – Немедленно по ее обнаружении 42-я эскадра ВКС, сформированная для эвакуации системы Гипериона, перешла в состояние С-плюс и выступила с Парвати с секретным приказом соорудить военно-транспортный портал в радиусе прямой нуль-передачи на Гиперион. Одновременно с тактической базы Солков-Тиката на орбите Камн-III вылетела эскадра 87.2 с приказом соединиться с эвакуационными силами в системе Гипериона, обнаружить миграционную группу Бродяг, вступить в бой с ее военным ядром и уничтожить его. – На панели перед молодым полковником появились изображения армады. Он взмахнул указкой, и рубиново-огненная линия, пронзив большую голограмму, осветила один из кораблей класса три-С.

– Эскадрой 87.2 командует адмирал Насита, который держит флаг на корабле Гегемонии «Гебриды»...

– Да, да, – проворчал генерал Морпурго. – Все это нам известно, Яни. К делу.

Молодой полковник изобразил улыбку, едва заметно кивнул генералу и Мейне Гладстон и продолжил чуть менее уверенно:

– В зашифрованных донесениях по мультителетии, полученных от 42-й эскадры за последние семьдесят два стандартных часа, сообщается о заранее подготовленных сражениях между разведсоединениями эвакуотряда и передовыми частями миграционной группы Бродяг...

– Роя, – перебил его Ли Хент.

– Так точно, – поправился Яни. Он обернулся к панели, и пятиметровый матовый квадрат заполнили схемы и надписи. Изображения были мне абсолютно непонятны – оккультные символы, цветные векторы, субстрактные кодированные обозначения и аббревиатуры ВКС, заменяющие целые фразы – в общем, полная тарабарщина. Возможно, высокие военные чины и политики понимали в этом не больше моего, но виду не подавали. Я начал новый набросок Гладстон, с бульдожьим профилем Морпурго на заднем плане.

– В первых донесениях предположительное число двигателей Хоукинга было ошибочно определено в четыре тысячи, – продолжал полковник Яни (Интересно, это имя или фамилия?). – Как вам известно, миграционные группы... м-м... Рои могут содержать до десяти тысяч отдельных транспортных единиц, но в большинстве своем невелики и либо не вооружены, либо не имеют стратегического значения. Данные мульти- и микроволновых детекторов, а также других средств наблюдения и анализ эмиссионного спектра позволяют предположить...

– Извините, – усталый голос Мейны Гладстон прозвучал резким диссонансом солидному баритону докладчика, – но можете ли вы сказать точно, сколько кораблей Бродяг имеют стратегическое значение?

– О-о... – выдохнул полковник и покосился на свое начальство.

Генерал Морпурго прокашлялся.

– Мы думаем, около шести... семи сотен, самое большее, – сказал он. – Сущие пустяки. Секретарь Сената приподняла бровь.

– А каковы наши силы?

Морпурго сделал знак молодому полковнику и ответил сам:

– В состав эскадры 42 входит около шестидесяти кораблей, госпожа Гладстон. Эскадра...

– Эскадра 42 – это эвакуационное подразделение? – перебила его Гладстон.

Генерал Морпурго кивнул и, как мне показалось, несколько снисходительно улыбнулся.

– Да, мадам. Эскадра 87.2, представляющая собой боевое подразделение, перешла в систему Гипериона около часа назад и будет...

– Хватит ли шестидесяти кораблей, чтобы противостоять шести или семи сотням? – спросила Гладстон.

Морпурго покосился на своего офицера, как бы моля его перетерпеть.

– Да, – с уверенностью произнес он, – хватит с лихвой. Видите ли, госпожа Гладстон, шестьсот турбин Хоукинга – цифра внушительная. Но их нечего бояться, пока они установлены на одноместных кораблях, или на разведчиках, или на тех пятиместных катерах-истребителях, которые они называют «уланами». Эскадра 42 – это без малого две дюжины крупных спин-звездолетов, включая ударные «Тень Олимпа» и «Станция Нептун». Каждый из них вооружен более чем ста истребителями и торпедоносцами. – Морпурго машинально порылся у себя в кармане, извлек оттуда наркотическую курительную палочку размером с сигару, но тут же спохватился и сунул ее обратно. Он нахмурился. – Когда эскадра 87.2 закончит развертывание, нашей огневой мощи хватит на десяток Роев. – Все еще хмурясь, он кивнул Яни, чтобы тот продолжал.

Полковник повел указкой в сторону демонстрационной панели.

– Как видите, эскадра 42 без каких-либо помех расчистила пространство в объеме, необходимом для сооружения приемной решетки нуль-канала. Работы начались шесть стандарт-недель тому назад и закончились вчера в 16:24 по СВС. Первые мелкие атаки Бродяг были отбиты без потерь со стороны эскадры, в течение последних сорока восьми часов между передовыми отрядами эскадры и основными силами Роя велось крупное сражение. Центр схватки находился здесь, – Яни снова взмахнул рукой, и часть демонстрационной панели под кончиком указки запульсировала голубым светом, – под углом в двадцать девять градусов к плоскости эклиптики, в 30 астрономических единицах от солнца Гипериона и примерно в 0,35 астроединицы от гипотетической границы облака Оорта системы.

– Потери? – лаконично бросил Ли Хент.

– Не выходят за пределы приемлемых для столь длительного огневого контакта, – ответил молодой штабист. Судя по всему, он не видал вражеского огня даже с расстояния в пару световых лет. Его светлые волосы, тщательно расчесанные на косой пробор, блестели в ярком свете софитов. – Уничтоженными или пропавшими считаются двадцать шесть скоростных истребителей Гегемонии, а также двенадцать торпедоносцев, три факельщика, танкер «Гордость Асквита» и крейсер «Дракон-III».

– Сколько погибло людей? – спросила Мейна Гладстон непривычно тихо.

Яни переглянулся с Морпурго и ответил:

– Около двух тысяч трехсот. Но спасательные операции продолжаются, и есть надежда, что удастся обнаружить уцелевших с «Дракона». – Он разгладил несуществующие складки своего мундира и напористо продолжил: – Следует учесть, что подтвержденные потери противника составили по меньшей мере сто пятьдесят военных кораблей. Наша собственная атака на миграционную гру... Рой привела к дополнительному уничтожению от тридцати до шестидесяти судов, включая кометные фермы, рудоперерабатывающие корабли и как минимум одно командное скопление.

Мейна Гладстон потерла свои подагрические руки.

– Входят ли в сводку потерь – наших потерь – пассажиры и команда погибшего корабля-дерева «Иггдрасиль», который был зафрахтован нами для эвакуации?

– Нет, госпожа секретарь, – торопливо ответил Яни. – Хотя в том районе были замечены перемещения Бродяг, результаты нашего анализа указывают, что «Иггдрасиль» погиб не вследствие вражеского нападения.

Гладстон снова вопросительно изогнула бровь.

– И почему же он погиб?

– Диверсия, насколько нам известно, – ответил полковник и поспешил вызвать на панели новую схему системы Гипериона.

Генерал Морпурго, бросив взгляд на свой комлог, произнес с досадой:

– Переходите к наземным операциям, Яни. Через тридцать минут госпожа секретарь должна произнести речь.

Я кончил рисовать Гладстон и Морпурго, потянулся и огляделся вокруг в поисках другого объекта. Ли Хент с его трудноописуемым измятым лицом показался мне достойной дичью. Когда я снова посмотрел в сторону докладчика, голографический глобус Гипериона перестал вращаться и распустился в целую вереницу плоских проекций – наклонную равнопрямоугольную, Бонна, орографическую, розетку, Ван-дер-Гринтена, Гора, прерывистую гомолосинусальную Гуда, гномоническую, синусоидальную, азимутальную эквивалентную, поликоническую, гиперкорректированную Кувацу, компьютер-эшерированную, Бриземайстера, Бакминстера, цилиндрическую Миллера, мультистереографическую и графическую стандартную, – пока не остановился на обычной Робинсон-Бейрдовой карте Гипериона.

Я улыбнулся. Это было самое приятное, что я видел с начала совещания. Несколько сотрудников Гладстон нетерпеливо ерзали в креслах. Им нужно было по меньшей мере десять минут, чтобы поговорить с секретарем Сената перед ее выступлением.

– Как вам известно, – поучительным тоном начал полковник, – соответствие Гипериона Старой Земле составляет девять и восемьдесят девять сотых балла по шкале Турона-Ломьера...

– О Боже, – рявкнул Морпурго. – Переходите к диспозиции войск – и закончим на этом!

– Слушаюсь, сэр. – Яни, сглотнув слюну, поднял руку с указкой и заговорил, теперь уже не так уверенно. – Как вам известно... Я хочу сказать... – Он показывал на северный континент, похожий на неумелый рисунок конской морды и шеи с зазубринами на месте груди и хребта. – Это Эква. Официально он называется по-другому, но все называют его так... Эква. Цепь островов, которая простирается к юго-востоку... здесь и здесь... называется Девять Хвостов. В действительности это архипелаг с более чем сотней... в общем, второй по величине континент называется Аквила, и вы можете видеть, что он похож на земного орла с клювом здесь... на северо-восточном побережье... и с растопыренными когтями здесь, на юго-западе... Имеется и одно поднятое крыло – вот тут, примыкающее к северо-западному побережью. Эта область представляет собой так называемое плато Пиньон и почти недоступна из-за огненных лесов, но здесь... и здесь... на юго-западе находятся основные фибропластовые плантации...

– Дис-по-зи-ция войск, – зарычал Морпурго.

Зарисовывая Яни, я обнаружил, что графитовый карандаш не способен передать блеск пота.

– Слушаюсь, сэр. Третьим континентом является Урса... Слегка напоминает медведя... но здесь войска ВКС не высаживались, так как это южное Заполярье, почти обитаемое, хотя силы самообороны Гипериона держат там пункт прослушивания... – Яни и сам почувствовал, что его заносит. Он расправил плечи и провел по верхней губе ладонью. – Основные позиции наземных сил ВКС здесь... здесь... и здесь... – Его указка зажгла маленькие пожары вокруг Китса, в верхней части шеи Эквы. – Космические части ВКС взяли под охрану основной космопорт в столице, а также второстепенные площадки здесь... и здесь. – Он коснулся Эндимиона и Порт-Романтика на Авиле. – Наземные части ВКС подготовили оборонительные позиции здесь... – Замигало два десятка красных огоньков; большинство на шее и гриве Эквы, несколько в районе клюва Авилы и около Порт-Романтика. – Тут размещены подразделения морской пехоты, а также силы наземной обороны с вооружением класса «земля – воздух» и «земля – космос». Генштаб предполагает, что в отличие от Брешии на самой планете боев не

будет, но в случае попытки вторжения мы достойно встретим врага, – скороговоркой закончил докладчик.

Мейна Гладстон скосила глаза на свой комлог. До прямого эфира оставалось семнадцать минут.

– А планы эвакуации?

Яни, растеряв остатки самообладания, умоляюще посмотрел на начальство.

– Никакой эвакуации, – четко произнес адмирал Сингх. – Это отвлекающий маневр, приманка для Бродяг.

Гладстон сцепила пальцы.

– На Гиперионе несколько миллионов человек, адмирал.

– Да, – спокойно отозвался Сингх, – и мы будем защищать их, но эвакуация даже шести-десяти тысяч граждан Гегемонии исключена. Если же мы допустим в Сеть все три миллиона, воцарится хаос. Кроме того, это невозможно по соображениям безопасности.

– Из-за Шрайка? – поинтересовался Ли Хент.

– По соображениям безопасности, – с расстановкой повторил генерал Морпурго. Он поднялся со своего места и забрал у Яни указку. Молодой военный постоял в нерешительности, не зная, куда бы сесть или отойти, и, смешавшись, направился в дальний конец зала и остановился невдалеке от меня, созерцая что-то на потолке – вероятно, крах своей карьеры.

– Эскадра 87.2 переброшена в систему, – отчеканил Морпурго. – Бродяги откатились назад, к ядру своего Роя, примерно на шестьдесят астроединиц от Гипериона. Полная безопасность системы обеспечена. Гиперион в безопасности. Мы ожидаем контратаки, но уверенно заявляем, что в силах отбить ее. Кроме того, Гиперион теперь является частью Сети. Вопросы?

Вопросов не было. Гладстон удалилась в сопровождении Ли Хента, нескольких сенаторов и своих помощников. Военное начальство распалось на группки, очевидно, в соответствии с табелью о рангах. Помощники помощников исчезли. Немногие допущенные на совещание репортеры бросились к своим имиджер-группам, ждущим на улице. Белый как мел полковник Яни остался стоять, как на параде, глядя перед собой невидящими глазами.

Я посидел с минуту, разглядывая карту Гипериона. На таком расстоянии сходство Эквы с головой лошади было еще заметнее. С того места, где я сидел, Уздечка и оранжево-желтое пятнышко пустыни под «глазом» лошади были едва различимы. Северо-восточнее гор не было оборонительных позиций ВКС, никаких условных значков, кроме крошечного красного огонька – видимо, мертвого Града Поэтов. Гробницы Времени не были отмечены вовсе. Складывалось впечатление, что Гробницы не имели никакого стратегического значения и не играли в происходящем никакой роли. Но я откуда-то знал, что это не так. Предчувствие подсказывало, что вся война, передвижения тысяч, судьбы миллионов – даже миллиардов – зависят от действий шести человек, затерявшихся на этой неразмеченной оранжево-желтой полоске.

Я захлопнул блокнот, рассовал по карманам карандаши, поискал глазами выход и покинул зал.

В одном из длинных коридоров, ведущих к главному входу, меня перехватил Ли Хент:

– Вы уходите?

Я шумно вздохнул.

– Да. А разве нельзя?

Хент изобразил что-то вроде улыбки, больше похожей на гримасу.

– Конечно, можно, господин Северн. Но госпожа Гладстон просила передать, что хочет еще раз побеседовать с вами во второй половине дня.

– Когда именно?

Хент пожал плечами.

– В любое время после ее выступления. Когда вам удобно.

Я кивнул. Миллионы лоббистов, искателей места, претендентов на роль биографа, деловых людей, обожателей Мейны Гладстон и потенциальных террористов отдали бы все на свете за одну минуту в обществе самого выдающегося лидера Гегемонии, но возможность видеть ее «когда мне удобно» предоставили мне одному. Никто еще не говорил, что вселенной правит разум.

Проскользнув мимо Ли Хента, я двинулся к главному выходу.

По давней традиции, в самом Доме Правительства общедоступные нуль-порталы отсутствовали. Нужно было миновать пропускные пункты главного вестибюля, выйти в сад и пройти по дорожке к невысокому белому зданию – пресс-центру и одновременно терминексу. Репортеры скопились вокруг центральной проекционной ниши, где маячило знакомое лицо Льюеллина Дрейка. Его голос – «голос Альтинга» – объявил, что сейчас начнется выступление секретаря Сената, имеющее первостепенное значение для судеб Гегемонии. Я кивнул Дрейку, нашел свободный портал, предъявил свою универсальную карточку и отправился на поиски бара.

Гранд-Конкурс – при условии, что вам удалось туда попасть, – единственное место в Сети, где можно нуль-транспортироваться задаром. Каждый мир Сети представлен здесь по меньшей мере одним из своих самых фешенебельных городских кварталов. ТКЦ предлагал целых двадцать три – с магазинами, разнообразными увеселениями, дорогими ресторанами и модными барами. Баров было больше всего.

Подобно водам реки Тетис, Гранд-Конкурс катилась сквозь двухсотметровые порталы военного образца – кольцевая улица, казавшаяся бесконечной – стокилометровая эспланада услад плоти. Можно было стоять, как я в это утро, под ярким солнцем Тау Кита – и видеть полночную Денеб-III с пляшущими неоновыми огнями и голограммами, различая на горизонте площадь Мэлл Лузуса и зная, что дальше дремлет тенистая Роща Богов с ее магазинчиками, булыжными мостовыми и лифтами, поднимающими гурманов в «Макушку», самый дорогой ресторан Сети.

Но меня вполне устроил бы тихий бар.

Бары ТКЦ буквально кишели чиновниками, репортерами и бизнесменами, поэтому я вскочил на один из челноков и переместился на главный проспект Седьмой Дракона. Здешняя гравитация пугала многих (и меня в том числе), зато в барах было куда свободнее и в них просто пили.

Я выбрал подвальчик, спрятавшийся между пилонами внешней стены и витринами. Внутри все было темным: темные стены, темное дерево стоек, темнокожие клиенты – их лица были столь же черны, сколь бледным казалось мое собственное. Подходящее местечко, чтобы напиться, что я и сделал, начав с двойного виски. С каждым новым заказом моя жажда возрастала.

Даже здесь я не смог отделаться от Гладстон. На двумерном телеэкране в дальнем углу бара появилось лицо секретаря Сената на сине-золотом фоне, предпочитаемом ею для заявлений государственной важности. У телевизора собралось несколько посетителей. До меня доносились обрывки речи: «...обеспечить безопасность граждан Гегемонии и... нельзя позволить угрожать безопасности Сети или наших союзников... поэтому мной был санкционирован беспощадный вооруженный отпор...»

– Да приглушите вы это дерьмо! – Я остолбенел, сообразив, что кричу, и кричу громко. Посетители негодуя обернулись, но убавили звук. Я еще немного полюбовался шевелящимися губами секретаря Сената, а затем сделал знак бармену повторить.

Позже, возможно, часа через три-четыре, я поднял глаза от рюмки и увидел, что напротив меня в темной кабинке кто-то сидит. Целую секунду я моргал, пытаюсь рассмотреть таин-

ственное лицо. На миг мое сердце бешено забилося – Фанни! – но моргнув еще раз, я произнес вслух:

– Леди Филомель...

Она по-прежнему была в темно-синем платье, в котором я видел ее за завтраком. Однако вырез платья опустился ниже, а лицо и плечи словно светились в полумраке.

– Господин Северн, – прошептала она. – Пора исполнить свое обещание.

– Обещание? – Я поманил бармена, но тот никак не отреагировал. Наморщив лоб, я уставился на Дайану Филомель. – Что за обещание?

– Нарисовать мой портрет, конечно. Или вы забыли, что говорили вчера за ужином?

Я щелкнул пальцами, но наглый бармен не удостоил меня даже взглядом.

– Я вас уже нарисовал, – сказал я.

– Да, – согласилась леди Филомель, – но не всю. Не целиком.

Я со вздохом опрокинул в рот последнюю рюмку виски и пробормотал:

– Сижу вот, пью.

Леди Филомель улыбнулась:

– Вижу.

Я встал, намереваясь подойти к бармену, но передумал и снова медленно опустился на почерневшую от времени деревянную скамью.

– Армагеддон, – сказал я. – Они шутят с Армагеддоном. – Я пристально посмотрел на даму и слегка сощурился, чтобы в глазах не двоилось. – Знаете это слово, миледи?

– Думаю, он больше не нальет вам ни капли, – сказала она. – У меня дома найдется что выпить. Вы сможете опрокинуть рюмочку, пока будете рисовать.

Я снова сощурился, на этот раз с хитрецей. Может, я слегка и перебрал, но виски не повлияло на мою осмотрительность.

– Муж, – сказал я.

Дайана Филомель улыбнулась воистину лучезарно.

– Остался на несколько дней в Доме Правительства, – произнесла она заговорщицким шепотом. – В такой момент он не может быть вдали от средоточия власти. Пойдемте, моя машина у входа.

Я не помню, как расплачивался, но предполагаю, что сделал это. А может, за меня расплатилась леди Филомель. Помогала ли она мне выйти из бара, тоже не помню, впрочем, кто-нибудь да помог. Вероятно, шофер. Мне припоминается какой-то мужчина в серой униформе. Я вроде бы опирался на его плечо.

Колпак ТМП был поляризован с внешней стороны, но вполне прозрачен с нашей, и мы, сидя на подушках, любовались пейзажем. Я насчитал один, два портала, а затем мы вырвались из Конкурса на простор и начали набирать высоту. Внизу – голубые поля, вверху – желтое небо. Красивые особняки, построенные из чего-то вроде черного дерева, на вершинах холмов, меж маковых полей и бронзовых озер. Возрождение-Вектор? Для данного времени и места это был слишком трудный вопрос, и поэтому я привалился головой к прозрачной стенке, решив отдохнуть минутку-две. Надо отдохнуть. Меня ждет работа над портретом леди Филомель, ха-ха.

Внизу мелькали поля и луга.

Глава пятая

Полковник Федман Кассад пробирается сквозь песчаную бурю к Нефритовой Гробнице. Он преследует Ламию Брон и отца Хойта. Он солгал Ламии: его визор и датчики работают нормально, вопреки змеящимся вокруг электрическим разрядам. Эти двое наверняка выведут его к Шрайку. Так на Хевроне охотятся на горных львов – привязываешь к дереву козу и ждешь.

Показания приборов, которые он установил вокруг лагеря, мерцают на тактическом дисплее и стрекочут в импланте. Оставить спящих – Вайнтрауба и его дочь, Мартина Силена и Консула – под защитой одной лишь автоматики – заведомый риск. Но Кассад серьезно сомневается в своей способности остановить Шрайка. Все они козы, связанные, ожидающие. Он хочет одного – найти, пока жив, женщину-призрак по имени Монета.

С каждой минутой ветер набирает силу. Теперь он с ревом обтекает Кассада, барабани кулаками песчинок по его скафандру. Не будь у Кассада визора, он давно бы ослеп. Дюны пылают электрическим огнем, мини-молнии с треском вьются вокруг его ног. Он идет широкими шагами, стараясь не потерять тепловой след Ламии. Из ее открытого комлога потоком льется информация. Отключенные каналы Хойта сообщают лишь, что он жив и движется.

Кассад проходит под растопыренным крылом Сфинкса, чувствуя вес невидимой массы, нависшей над ним, как каблук гигантского сапога. Затем поворачивает в глубь долины и видит в инфракрасных лучах Нефритовую Гробницу – дыру в тепловом фоне, холодный силуэт. Хойт как раз входит в полукруглый проем; Ламия отстает от священника метров на двадцать. Это единственные движущиеся объекты в долине. Приборы из лагеря, скрытого ночью и бурей, сообщают, что Сол и ребенок спят, Консул просто лежит и бодрствует. Чужих на территории лагеря нет.

Кассад на ходу снимает винтовку с предохранителя и ускоряет шаг, загребая песок своими длинными ногами. В эту секунду он отдал бы все на свете, чтобы подключить свои тактические каналы к следящему спутнику, а не перебирать разрозненные кусочки картины. Он ежится внутри своих доспехов и шагает дальше.

До Нефритовой Гробницы Ламии Брон остается не больше пятнадцати метров, когда ветер превращается в ураган. Под его напором она дважды теряет равновесие, бухаясь лицом в песок. Молнии становятся настоящими – яркие вспышки раскалывают небо, на миг освещая призрачную Гробницу впереди. Дважды она пытается связаться с Хойтом, Кассадом или другими – кто может спать в такую грозу? – но комлог и импланты не улавливают ничего, кроме треска разрядов. Какофония на всех волнах. После второго падения Ламия, с трудом встав на четвереньки, осматривается. Пусто. С того момента, как чей-то силуэт мелькнул около входа в Гробницу, она не видела ничего, напоминающего человеческую фигуру.

Крепко сжимая отцовский пистолет, Ламия встает, позволяет ветру пронести себя последние несколько метров и замирает перед входной аркой.

То ли благодаря ветру и свистопляске электрозарядов, то ли по какой-то иной причине Нефритовая Гробница ярко светится, бросая мертвящие зеленые отблески на песок и руки Ламии. Она последний раз пытается вызвать кого-нибудь по комлогу, а затем переступает порог Гробницы.

Отец Ленар Хойт, член тысячелетнего Общества Иисуса, житель Нового Ватикана на Пасеме и верный слуга его святейшества Папы Урбана XVI, изрыгает непристойности.

Хойт заблудился в Нефритовой Гробнице и страдает от сильной боли. Просторные залы уступили место узким комнатам, а коридоры столько раз пересекали сами себя, что Хойт окончательно запутался в этих бесконечных катакомбах. Он устал брести между светящимися

зелеными стенами. Ему кажется, что днем, когда паломники обследовали гробницу, этого лабиринта не было, не видел он его и на карте – впрочем, карта осталась в палатке. Боль, сопровождавшая его много лет, ставшая его вечной спутницей с тех пор, как проклятые бикюра наделили его двумя крестоформами, его собственным и Поля Дюре, вдруг стала невыносимой и грозит свести его с ума.

Коридор опять сужается. Ленар Хойт кричит, сам того не сознавая, не понимая, какие слова срываются с его уст. Этих слов он не произносил с дней своего детства. Он жаждет освобождения. От боли. От бремени ДНК Поля Дюре, личности... души Дюре... сокрытой в крестообразном паразите, присосавшемся к его спине. От бремени ужасного проклятия – гарантии собственного незаконного воскресения, пустившей корни в его груди.

Но даже надрываясь от крика, Хойт понимает, что осужден на эту боль не бикюра, которых больше нет. Затерянное племя колонистов, столько раз воскрешавшихся их собственными крестоформами, что они превратились в идиотов, в простые вместилища собственной ДНК и ДНК своих паразитов, было вместе с тем и племенем священников – священников Шрайка.

Отец Хойт из Общества Иисуса принес с собой флакон со святой водой, освященной Его Святейшеством, святыне дары, пресуществленные на Понтификальной мессе, и описание древнего церковного ритуала изгнания дьявола.

Все это, напрочь забытое, лежит в запечатанном пакете в кармане плаща.

Наткнувшись на стену, Хойт снова вскрикивает. Боль превосходит все мыслимые границы. Полная ампула ультраморфина, которую он ввел себе лишь пятнадцать минут назад, не помогает. Отец Хойт с воплями разрывает на себе одежду, сдирает тяжелый плащ, черную блузу и римский воротник, штаны, рубашку, нижнее белье. Голый человек, дрожащий от боли и холода в светящихся коридорах Нефритовой Гробницы, выкрикивает непристойности в пустоту.

Он снова бредет вперед, нащупывает какой-то проем и попадает в помещение, которое гораздо просторнее всех запомнившихся ему по дневной экскурсии. Голые, просвечивающие стены – тридцать метров в высоту – по обеим сторонам пустого пространства. Хойт спотыкается, падает на колени и, глянув вниз, обнаруживает, что пол под ним почти прозрачный. Под его тонкой перепонкой – вертикальная шахта глубиной не меньше километра. На дне ее бушует пламя. Красно-оранжевые блики пляшут по стенам зала.

Хойт перекачивается на бок и хохочет. Если это модель ада, созданная специально для него, то очень уж бездарная. У Хойта свое, осязаемое представление об аде: это когда через внутренности продергивают колючую проволоку. Ад – это и воспоминания о голодных детях в трущобах Армагаста, и улыбки политиков, посылающих мальчиков умирать в войнах за колонии. Это мысли о Церкви, агонизирующей у него на глазах, на глазах Дюре, когда последние из ее приверженцев, кучка стариков и старушек заполняют две-три скамьи в огромных соборах Пасема. Ад – это утро в церкви, когда ты в лицемерии своем служишь мессу, а над сердцем у тебя жарко и отвратительно пульсирует дьявольский крестоформ.

Налетает порыв горячего ветра, и Хойт видит, как кусок пола отодвигается в сторону, образуя люк. Помещение наполняется запахом серы. Этот штамп веселит Хойта, но через считанные секунды смех переходит в рыдания. Теперь он стоит на коленях, царапая окровавленными ногтями крестоформы на груди и спине. В красном свете кажется, что крестообразные рубцы пылают. Снизу доносится рев пламени:

– Хойт!

Все еще всхлипывая, он оборачивается и видит женщину – Ламию Брон – в раме дверного проема. Она смотрит куда-то мимо него, держа в вытянутой руке старинный пистолет. Ее глаза широко раскрыты.

Сквозь гудение далекой топки Хойт внезапно улавливает скрежет и лязг металла о камень. Шаги. Не переставая раздирать ногтями окровавленные рубцы на груди, Хойт оборачивается, обдирая колени о камень.

Сперва он видит тень: десятиметровый силуэт, нагромождение острых углов, колючек, лезвий... ноги, подобные стальным трубам с розетками ятаганов у колен и лодыжек. Затем, сквозь марево горячих огней и черных теней, Хойт видит глаза. Сотни... тысячи граней... светятся красным светом, лазерное пламя в двух близнецах-рубинах над воротником из стальных колючек, ртутная поверхность груди отражает огонь и тьму...

Ламия Брон нажимает на спусковой крючок. Выстрелы эхом отдаются в вышине и глубине, заглушая рев топки. Отец Ленар Хойт, качаясь, оборачивается к ней, умоляюще подняв руку.

– Нет, не делайте этого! – кричит он. – Одно желание оно выполняет! Я должен попро...

Шрайк, только что бывший «там» – в пяти метрах – внезапно оказывается «здесь» на расстоянии вытянутой руки от Хойта. Ламия перестает стрелять. Хойт поднимает глаза, видит свое отражение в хромированном панцире существа, блестящем от огня... на миг видит что-то еще в глазах Шрайка... и тут же это что-то исчезает. Шрайк исчезает, Хойт медленно подымает руку, почти смущенно касается горла, целую секунду смотрит на красный водопад, струящийся по его руке, груди, крестоформу, животу...

Он оборачивается к дверному проему. Глаза Ламии, ставшие огромными, в ужасе смотрят, но не на Шрайка, а на него, отца Ленара Хойта из Общества Иисуса, и тут только он осознает, что боль *исчезла*. Хойт открывает рот, чтобы заговорить, но оттуда льется что-то красное и горячее, настоящий гейзер. Хойт снова опускает глаза, впервые замечая свою наготу, видит кровь, капающую с подбородка и груди, капающую и стекающую на темный пол, видит растущие лужи крови, словно кто-то опрокинул ведро с алой краской, а потом ничего не видит, падая лицом вниз, долго, очень долго, бесконечно... туда, вниз.

Глава шестая

У Дайаны Филомель было идеальное тело – венец творчества паректоров и косметологов. Проснувшись, я несколько минут лежал и любовался им: классические изгибы спины, боков – геометрия более прекрасная и могущественная, чем все открытия Эвклида; две ясно различимые ямочки в нижней части спины, как раз над головокружительно пышными белыми ягодицами, веер мягких складок, полные бедра. Чувственности и мощи, таящихся в них, могла позавидовать любая деталь мужской анатомии.

Леди Дайана спала (или прикидывалась спящей). Наша одежда была разбросана по просторам зеленого ковра. Сочный пурпурно-алый свет вливался в широкие окна, за которыми качались серые и золотые кроны деревьев. Вперемешку с нашей одеждой на полу валялись листы рисовальной бумаги. Свесившись с кровати, я поднял один: наспех набросанные груди, бедра, одна, яростно исправленная рука и овал лица без черт. Рисовать спящую живую натуру, в то время как эта натура вас соблазняет, – идеальный способ создания такого вотхлама.

Со стоном я рухнул на подушку и обратил свой взор к лепному потолку. Окажись на месте этой женщины Фанни, мне бы и в голову не пришло вставать. А сейчас я вылез из-под одеяла, нашел свой комлог, отметил, что на ТКЦ сейчас раннее утро – со времени моего свидания с секретарем Сената прошло четырнадцать часов – и отправился в ванную искать пилюли от похмелья.

В аптечке леди Дайаны было на что посмотреть. Кроме обычного аспирина и эндорфинов, я обнаружил стимуляторы, транквилизаторы, тьюбики флэшбэка, оргазмопластырь, шунты инициаторов, гашишные ингаляторы, сигареты с «жестким» табаком и еще сотни неизвестных мне наркотиков и лекарств. Я нашел стакан и с трудом проглотил пару таблеток антокса. Через несколько секунд тошноты и головной боли как не бывало.

Когда я вернулся, леди Дайана уже сидела в постели. Мои губы уже раздвинулись в улыбке, когда я заметил у восточных дверей двух мужчин. Ни один из них не был ее мужем, хотя оба, казалось, сотворены по образу и подобию Гермунда Филомеля – великаны с вросшими в плечи головами, кулаками-окороками и угрюмыми двойными подбородками.

Уверен, что на долгом маскараде истории встречались особи мужского пола, способные достойно повести себя даже в такой ситуации. Возможно, им хватило бы мужества стоять в чем мать родила перед одетыми и потенциально враждебными незнакомцами (соперниками-самцами, помимо того) – стоять гордо, не сисясь прикрыть ладошкой причинное место, не горбясь, не чувствуя себя абсолютно беззащитными и загнанными в угол... Но я не из таких.

Я сгорбился, прикрывая рукой пах, попятился к ванной и пробормотал:

– Что... кто?.. – Попросив взглядом помощи у Дайаны Филомель, я увидел на ее лице улыбку, сразу напомнившую мне ледяной блеск глаз этой женщины в первый вечер нашего знакомства.

– Взять его. Быстро! – приказала моя вчерашняя любовница.

Я влетел в ванную и уже тянулся к кнопке автоматического закрывания двери, когда ближайший громила догнал меня, сгреб, рывком втянул обратно в спальню и швырнул своему партнеру. Оба они были с Лузуса или какого-то другого мира с высокой гравитацией, а может, жили на диете из стероидов и Самсон-протеина, но факт тот, что они перекидывались мной играючи, как котенком. И дело было не в их комплекции. Если исключить недолгую борцовскую карьеру на арене школьного двора, на моем счету, по воспоминаниям, было не так уж много физических столкновений и еще меньше случаев, когда я выходил из них победителем. Одного взгляда на этих забавлявшихся мной типов было достаточно, чтобы понять: они относятся к категории людей, существующих только на страницах романов. Тех, что могут ломать

кости, разбивать носы, дробить коленные чашечки так же бездумно, как я кидаю в мусорную корзинку затупившийся карандаш.

– Быстро! – прошипела Дайана.

Я заглянул в инфосферу, в память дома, в пупочный комлог Дайаны и жалкие приборы, связывающие головорезов с информационной вселенной... Теперь я знал, где нахожусь: загородное поместье Филомелей в сельскохозяйственном поясе Малого Возрождения, в шестистах километрах от столицы планеты Пирра, а также имена и подноготную громил: Дебин Фаррус и Хеммит Горм, охранники из профсоюза грязекопов с Небесных Врат... Но чего я никак не мог уразуметь, так это зачем один из них сидел на мне, упершись коленом в мою поясницу, тогда как другой, раздавив каблуком мой комлог, надевал мне на руку осмотическую манжетку...

Я услышал шипение и расслабился.

– Кто ты такой?

– Джозеф Северн.

– Это твое настоящее имя?

– Нет. – Действие правдосказа уже ощущалось. Я знал, что могу игнорировать его, отступив в инфосферу или удалившись в глубины Техно-Центра, но мне не хотелось оставлять тело на милость допрашивающих меня молодцев. Мои глаза были закрыты, но я узнал голос, задавший следующий вопрос.

– Кто же ты? – спросила Дайана Филомель.

Я вздохнул. На этот вопрос трудно было ответить честно.

– Джон Китс, – выговорил я наконец. По их молчанию я заключил, что это имя ничего не говорит им. И действительно, откуда им знать, кто такой Джон Китс? Я однажды предсказал, что мое имя «написано на воде». Хотя я не мог ни шевельнуться, ни открыть глаза, мне было несложно заглянуть в инфосферу, следуя за их запросами. Среди восьмисот Джонов Китсов в перечне, предложенном им общественным файлом, числился и поэт, но умершие девятьсот лет назад их не волновали.

– На кого ты работаешь? – Это был голос Гермунда Филомеля. Откуда он взялся?

– Ни на кого.

Я почувствовал слабое доплеровское смещение голосов: они заговорили между собой.

– Он что, сопротивляется правдосказу?

– Правдосказу не сопротивляются, – ответила Дайана. – От него можно умереть, но сопротивляться ему невозможно.

– В чем же дело? – спросил Гермунд. – Почему Гладстон накануне войны привела на Совет какого-то мазилу?

– А знаете, он может вас слышать, – заметил еще один мужской голос, наверняка одного из громил.

– Это не важно, – сказала Дайана. – Все равно после допроса он покойник. – Ее голос раздался снова, на этот раз обращенный ко мне. – Почему секретарь Сената пригласила тебя на Совет... Джон?

– Точно не знаю. Видимо, хотела разузнать о паломниках.

– Каких паломниках, Джон?

– Паломниках к Шрайку.

Послышался какой-то шум.

– Тише, – прикрикнула Дайана Филомель и снова обратилась ко мне: – Эти паломники к Шрайку находятся на Гиперионе, Джон?

– Да.

– И сейчас идут к Шрайку?

– Да.

– А почему Гладстон расспрашивает о них именно тебя, Джон?

– Я вижу их во сне.

Послышался возмущенный возглас Гермунда:

– Он чокнутый! Даже под правдосказом заливает!.. Давайте закругляйтесь и...

– Заткнись, – перебила его Дайана. – Гладстон не чокнутая. Она пригласила его, разве не помнишь? Джон, что ты подразумеваешь, когда говоришь, что видишь их во сне?

– Я вижу во сне то, что воспринимает первая воскрешенная личность Китса, – сказал я. Мой голос звучал глухо и монотонно, будто я говорил во сне. – Он сбросил себя в одного из паломников, когда его тело убили, и теперь блуждает в их микросети. Каким-то образом его ощущения становятся моими снами. А может, то, что я делаю, – это его сны, не знаю.

– Бред, – пробормотал Гермунд.

– Нет-нет, – возразила леди Дайана каким-то неестественным, срывающимся голосом. – Джон, так ты кибрид?

– Да.

– О Христос и Аллах! – воскликнула леди Дайана.

– Что такое кибрид? – спросил другой громила. У него был высокий, почти женский голос.

На какой-то момент воцарилось молчание, а затем заговорила Дайана:

– Идиот! Любой знает, что кибриды – это человекоподобные существа, созданные и дистанционно управляемые Техно-Центром. Они даже входили в состав Консультативного Совета, но в прошлом веке их запретили.

– Так это что-то вроде андроидов? – спросил головорез.

– Заткнись! – бросил Гермунд.

– Нет, – ответила Дайана. – Кибриды были генетически совершенны. Их воссоздавали по ДНК со Старой Земли. Достаточно было косточки, обрывка волоса... Джон, ты меня слышишь? Джон?

– Да.

– Джон, ты кибрид... знаешь ли ты, кто был твоим прототипом?

– Джон Китс.

Я услышал, как она набрала в грудь воздуха.

– Кем... был... Джон Китс?

– Поэтом.

– Когда он жил, Джон?

– С 1795 по 1821 год, – сказал я.

– По какому летосчислению, Джон?

– По земному, от Рождества Христова, – сказал я. – До Хиджры. Нашей эры...

Меня перебил взволнованный голос Гермунда:

– Джон, ты... ты сейчас в контакте с Техно-Центром?

– Да.

– Ты можешь... способен устанавливать с ним связь, несмотря на правдосказ?

– Да.

– Во блин! – присвистнул головорез с высоким голосом.

– Сматываемся! – рявкнул Гермунд:

– Еще минуту, – сказала Дайана. – Мы должны узнать...

– Может, взять его с собой? – спросил другой громила.

– Идиот! – взорвался Гермунд. – Если он жив и связан с инфосферой и Техно-Центром... черт, так он просто живет в Техно-Центре, его сознание там... И он может стучать Гладстон, ВКС, безопасности, кому угодно!

– Заткнись, – отрубил леди Дайана. – Мы убьем его, как только я закончу. Еще несколько вопросов, Джон.

– Да.

– Зачем Гладстон понадобилось узнавать, что происходит с паломниками к Шрайку? Это имеет отношение к войне с Бродягами?

– Мне точно неизвестно.

– Дерьмо, – прошипел Гермунд. – Разбегаемся!

– Тихо. Джон, откуда ты?

– Последние десять месяцев я жил на Эсперансе.

– А до этого?

– До этого – на Земле.

– На которой Земле? – вмешался Гермунд. – На Новой Земле? На Земле-II? В Земле-Сити? На которой?

– На Земле, – ответил я. Потом уточнил: – На Старой Земле.

– На Старой? – переспросил один из головорезов. – Ни хрена себе! Я сматываюсь.

Раздалось шипение бекона на сковородке – выстрелили из лазерного пистолета. Запахло, однако, не беконом, а чем-то сладковатым, и на пол шлепнулось что-то тяжелое.

Дайана Филомель как ни в чем не бывало задала следующий вопрос:

– Джон, ты говоришь о жизни твоего прототипа на Старой Земле?

– Нет.

– Ты – как кибрид – был на Старой Земле?

– Да, – ответил я. – Я пробудился там после смерти. В той же комнате на Пьяцца ди Спанья, в которой умер. Северна там не было, но доктор Кларк сказал, что были другие...

– Он псих, – изумленно сказал Гермунд. – Старая Земля погибла четыре века назад... Разве кибриды могут жить столько?..

– Не могут, – отрезала Дайана. – Заткнись и дай мне закончить дело. Джон, почему Техно-Центр... вернул тебя?

– Мне точно неизвестно.

– Это как-то связано с гражданской войной, которая идет между ИскИнами?

– Возможно, – сказал я. – Вероятно. – Она задавала интересные вопросы.

– Какая группа создала тебя? Богостроители, Ортодоксы или Ренегаты?

– Не знаю.

Послышался вздох досады.

– Джон, ты кому-нибудь сообщал, где находишься и что с тобой происходит?

– Нет, – ответил я.

Этот запоздалый вопрос свидетельствовал о весьма скромных умственных способностях дамы: ей следовало задать его гораздо раньше.

Гермунд тоже вздохнул, но, скорее, с облегчением.

– Отлично, – пробормотал он. – Давай убираться отсюда, пока...

– Джон, – методично продолжала Дайана, – знаешь ли ты, почему Гладстон затеяла эту войну с Бродягами?

– Нет, – ответил я. – Или, вернее, на то существует масса причин. Самая вероятная – она хочет что-то выторговать у Техно-Центра.

– Каким образом?

– Руководящие элементы постоянной памяти Техно-Центра боятся Гипериона, – сказал я. – Гиперион – единственная неизвестная переменная в Галактике, где все переменные известны.

– Кто боится, Джон? Богостроители, Ортодоксы или Ренегаты? Какая из групп ИскИнов боится Гипериона?

– Все три, – ответил я.

– Дерьмо, – прошептал Гермунд. – Послушай, Джон... Гробницы Времени и Шрайк связаны со всем этим?

– В каком-то смысле – да.

– В каком же? – быстро спросила Дайана.

– Не знаю. Никто не знает.

Гермунд или кто-то другой со злобой ударил меня в грудь.

– Хочешь сказать, что Консультативный Совет Техно-Центра не предсказал результата этой войны, этих событий? – прорычал Гермунд. – Думаешь, я поверю, что Гладстон и Сенат решились на войну, не имея прогноза?

– Нет, – ответил я. – Прогноз был сделан много веков назад.

Дайана Филомель ахнула, как ребенок, увидевший сладкое.

– Что за прогноз, Джон? Расскажи нам все.

У меня пересохло во рту. Сыворотка-правдосказ впитала всю мою слюну.

– Была предсказана война, – сказал я. – Кто именно отправится в паломничество к Шрайку. Предательство Консула Гегемонии. Он включил устройство, которое откроет – открыло – Гробницы Времени. Проклятие Шрайка. Последствия войны и Проклятия...

– Что же это за последствия, Джон? – жадно прошептала женщина, с которой я занимался любовью всего несколько часов назад.

– Крах Гегемонии, – сказал я. – Разрушение Великой Сети. – Я попытался облизнуть губы, но язык пересох. – Гибель человечества.

– О Иисус и Аллах, – прошептала Дайана. – Есть ли шанс, что предсказание не сбудется?

– Нет, – сказал я. – Точнее, все зависит от событий на Гиперионе. Остальные переменные учтены.

– Убей его! – закричал вдруг Гермунд Филомель. – Убей эту штуку... чтобы мы могли убраться отсюда и оповестить Харбрит и остальных.

– Хорошо, – сказала леди Дайана. Затем секундой позже: – Нет, не лазер, идиот ты эдакий. Мы введем смертельную дозу алкоголя, как и планировалось. Подержи манжет, а я прикреплю капельницу.

На мою правую руку надавили. Секундой позже раздались взрывы, меня потрянуло воздушной волной, потом запахло дымом и озоном. Завизжала женщина.

– Снимите с него манжету, – приказал Ли Хент.

Я увидел его перед собой, все еще одетого в строгий серый костюм. Вокруг толпились десантники службы безопасности в полной силовой экипировке и комбинезонах из «хамелеоновой кожи». Один из них, вдвое выше Хента, повесил на плечо свою «адскую плетть» и бросился выполнять приказ.

По одному из оперативно-тактических каналов, тому самому, который я контролировал в течение некоторого времени, я увидел транслируемое изображение самого себя – голого, распятого на кровати, с осмотической манжетой на руке и кровоподтеком во всю грудную клетку. Дайана Филомель, ее муж и один из головорезов лежали среди щепок и осколков на полу, оглушенные, но живые. Еще один бандит валялся на пороге. Верхняя часть его тела – та, что была в комнате, – напоминала хорошо поджаренный бифштекс.

– С вами все в порядке, господин Северн? – спросил Ли Хент, приподняв мне голову и надевая на меня мембранную кислородную маску.

– Хрммф, – пробормотал я. – Вес-се.

Я всплыл на поверхность моих собственных ощущений, как ныряльщик, пробкой вылетевший на поверхность. Голова раскалывалась от боли. Зрение еще не совсем вернулось, но по тактическому каналу я мог видеть, что Ли Хент слегка скривил свои тонкие губы, что означало улыбку.

– Мы поможем вам одеться, – сказал он. – По дороге выпьете кофе. Мы возвращаемся в Дом Правительства, господин Северн. Вы опаздываете на встречу с секретарем Сената.

Глава седьмая

Космические битвы в кино и голофильмах всегда наводили на меня скуку, но реальное сражение – вроде прямого репортажа о нескончаемой транспортной катастрофе – чем-то завораживало. Правда, эстетическая ценность реальных событий – и это подтверждается тысячелетним опытом – гораздо ниже, чем у самой скромной голографической драмы. При всей колоссальности задействованных сил настоящее космическое сражение вызывает у зрителя лишь одну мысль – о безмерной огромности космоса и безмерной же ничтожности всех этих звездолетов, дредноутов, флотилий и прочих игрушек человечества.

Так я думал, сидя рядом с Гладстон и ее солдафонами в Центре Оперативной Информации, так называемом Военном Кабинете, когда стены в один миг стали двадцатиметровыми окнами в бесконечность; четыре гигантские голопанели окружили нас объемными изображениями, а динамики – звуками битвы, долетавшими по мультитилинии: радиоперебранками между пилотами истребителей, треском тактических каналов, переговорами между кораблями по широкополоске, лазерным каналам и защищенной мультитилинии, а также какофонией боевых кличей, воплей, криков и грязной брани – традиционного аккомпанемента войн со времен каменного века.

То было поистине воплощение вселенского хаоса, тотальная неразбериха, импровизированное па-де-де мрачного кордебалета смерти. То была война.

* * *

Посреди адского фейерверка сидели Гладстон и кучка ее сотрудников. Половину северной стены занимал лазурный лимб Гипериона. Военный Кабинет, точно серый ковер-самолет, носился меж звезд и взрывов, и у каждого из нас звучали в ушах вопли умирающих мужчин и женщин. И я был одним из тех, кому выпал почетный и жуткий жребий лицезреть все это.

Секретарь Сената покрутилась в своем кресле с высокой спинкой, потербила пальцами нижнюю губу и повернулась к военным советникам:

– Ваше мнение?

Шестеро увешанных орденами мужчин посмотрели друг на друга. Затем все как один уставились на седьмого – генерала Морпурго, жевавшего незажженную сигару.

– Дело плохо, – коротко бросил он. – Мы не даем им приблизиться к зоне порталов... наши линии обороны держатся... но они слишком глубоко проникли в систему.

– Адмирал? – Гладстон кивнула высокому худому мужчине в черном мундире ВКС.

Адмирал Сингх погладил свою коротко подстриженную бородку:

– Генерал Морпурго прав. Кампания развивается не так, как планировалось.

Он указал подбородком на четвертую стену, со статическим изображением системы Гипериона, на которое накладывались разноцветные эллипсы, овалы и дуги. Некоторые кривые росли прямо у нас на глазах. Светло-голубые линии обозначали траектории кораблей Гегемонии. Красные ленты – следы Бродяг. Красных было намного больше.

– Оба ударных авианосца, входивших в состав эскадры 42, выведены из строя, – продолжал адмирал Сингх. – «Тень Олимпа» погиб со всей командой, а «Станция Нептун» получил серьезные повреждения и сейчас возвращается на окололунную орбиту под эскортом пяти факельщиков.

Секретарь Сената опустила голову, коснувшись губой сцепленных пальцев.

– Сколько человек было на «Тени Олимпа», адмирал?

У Сингха были такие же большие карие глаза, как у Мейны Гладстон, – но без печального огня в глубине. Он невозмутимо выдержал ее взгляд.

– Четыре тысячи двести, – ответил он. – Не считая подразделения морской пехоты численностью в шестьсот человек. Часть из них высадилась на нуль-станции Гиперион, поэтому доподлинно неизвестно, сколько их было на борту.

Гладстон вновь обернулась к Морпурго:

– В чем причина осложнений, генерал?

Лицо Морпурго было спокойно, но он почти перекусил сигару, которую держал в зубах.

– У Бродяг больше боевых единиц, чем мы предполагали, – без обиняков ответил он. – Плюс «улан»... пятиместные миниатюрные факельщики... Они превосходят наши палубные истребители скоростью и вооружением. Это беспощадные маленькие осы. Мы уничтожаем их сотнями, но если даже один «улан» прорывается сквозь оборонительные порядки, он может натворить больших бед. – Морпурго пожал плечами. – А прорвались многие.

Сенатор Колчев и восемь его коллег сидели напротив военных. Колчев, выворачивая шею, повернулся к оперативной карте.

– Похоже, они уже одной ногой на Гиперионе, – хрипло сказал он.

Снова заговорил Сингх:

– Не забывайте о масштабах, сенатор. Мы все же удерживаем большую часть системы. В радиусе десяти астроединиц от солнца Гипериона – все наше. Сражение происходило за облаком Оорта, и мы произвели перегруппировку.

– А эти красные... шарики... над плоскостью эклиптики? – спросила сенатор Ришо, и сегодня надевшая красное платье. Все знали, что красный – ее излюбленный цвет.

Сингх кивнул.

– Интересный маневр, – сказал он. – Рой выпустил около трех тысяч «уланов», чтобы взять в клещи эскадру 87.2 по электронному периметру. Атака была отбита, но трудно не восхититься остроумием...

– Три тысячи «уланов»? – перебила его Гладстон.

– Да, госпожа секретарь.

Она улыбнулась. Я перестал рисовать и мысленно порадовался, что улыбка предназначалась не мне.

– Разве на вчерашнем совещании вы не сообщили нам, генерал, что Бродяги способны выставить шестьсот – семьсот боевых единиц мак-си-мум? – Мейна Гладстон резко, всем корпусом повернулась к Морпурго, заломив правую бровь.

Генерал вынул изо рта сигару, хмуро посмотрел на нее, и выудил из-за щеки еще один огрызок.

– Таково было мнение нашей разведки. Она ошиблась.

Гладстон кивнула.

– Консультировалась ли разведка с Советом ИскИнов?

Взоры всех присутствующих обратились к советнику Альбедо. Проекция была великолепная: он, как и все остальные, сидел в кресле, положив руки на подлокотники; его тело не просвечивало и не курилось туманом, в отличие от обычных движущихся проекций. У него было длинное лицо с высокими скулами и живым, выразительным ртом, сардонически кривящимся даже в самые серьезные моменты. Например, сейчас.

– Нет, госпожа секретарь, – ответил Альбедо. – Никто не обращался к Консультативной Группе за оценкой потенциала Бродяг.

– Я предполагала, – сурово сдвинув брови, Гладстон обернулась к Морпурго, – что прогноз разведки ВКС выработан с учетом мнения Совета.

Генерал бросил на Альбедо свирепый взгляд.

– Нет, госпожа секретарь, – возразил он. – Техно-Центр не поддерживает контактов с Бродягами, и мы решили, что его прогнозы окажутся не точнее наших собственных. Для проверки наших предположений мы использовали тактический имитатор Олимпийской Офицер-

ской Школы. – Он снова сунул в рот обкусанную сигару и выпятил нижнюю челюсть: – Неужели Совет способен на большее?

Гладстон посмотрела на Альбедро.

Длинные пальцы советника словно взяли аккорд на невидимых клавишах.

– По нашим оценкам Рой насчитывает от четырех до шести тысяч боевых единиц.

– Вы... – начал Морпурго, побагровев.

– На совещании вы не упомянули об этом. – Голос Гладстон звучал на редкость бесстрастно. – Как и во время предыдущих обсуждений.

Альбедро пожал плечами.

– Генерал прав, – сказал он. – Мы не поддерживаем контактов с Бродягами. Наши предположения не более надежны, чем расчет ВКС, просто они основаны на других предпосылках. ООШ: ИТИ работает великолепно. Будь быстроедействие ее ИскИнов на порядок выше по шкале Тьюринга-Деммлера, мы приняли бы их в Центр. – Его изящные пальцы вновь пробежали по невидимым клавишам. – Ну что ж, наши прогнозы можно учесть при планировании следующих операций. Разумеется, мы готовы в любое время передать их вам.

Гладстон кивнула.

– Сделайте это немедленно.

Она вновь повернулась к экрану, и все последовали ее примеру. Отреагировав на наступившее молчание, автоматы увеличили громкость, и мы опять услышали рев победителей, хрипы, мольбы о помощи и размеренную декламацию – перечисление позиций, указания по корректировке огня, команды.

На ближайшую к нам стену напрямую поступала информация с факельщика «Нджамена», занятого поиском уцелевших среди каши обломков, оставшихся от Отряда В.5. Поврежденный факельщик, к которому он приближался, увеличенный в тысячу раз, походил на взорванный изнутри гранат с медленно разлетающимися в разные стороны зернами и обрывками красной кожуры. Он на глазах превращался в облако мусора и замерзших газов, миллионов обломков микроэлектронных устройств, вырванных из гнезд, пакетов с пайками, искалеченных механизмов и распознаваемых по марионеточным судорогам рук и ног человеческих тел. Великого множества человеческих тел. Прожекторный луч «Нджамены», преодолевший двадцать тысяч миль и достигший десятиметровой ширины, играл на ледяных обломках, голубых от звездного света, выхватывая из мглы отдельные предметы, грани, лица. Его отраженный свет сразу состарил Гладстон.

– Адмирал, – медленно произнесла она, – неужели Рой ждал, пока эскадра 87.2 перейдет в систему?

Сингх коснулся своей бородки.

– Вы хотите знать, не было ли это ловушкой?

– Да.

Адмирал скользнул взглядом по лицам коллег и обернулся к Гладстон.

– Не думаю. Я считаю... мы считаем... что Бродяги решили должным образом отреагировать на высокую концентрацию наших войск. Однако это означает, что они твердо намерены овладеть системой Гипериона.

– И они в силах добиться этого? – Мейна Гладстон не отрывала взгляда от кувыркающихся обломков у себя над головой. Перед камерой проплыло тело молодого мужчины, наполовину вывалившееся из скафандра. Я увидел вылезшие из орбит глаза и взорванные давлением легкие.

– Нет, – отрезал адмирал Сингх. – Они могут обескровить нас. Могут оттеснить нас к самому Гипериону. Но не могут ни вышвырнуть нас из системы, ни нанести нам поражение.

– А портал? – Голос сенатора Ришо дрогнул.

– Ни уничтожить ноль-портал, – добавил Сингх.

– Он прав, – подтвердил Морпурго. – Тому порукой мой профессиональный опыт.

Гладстон со странной улыбкой поднялась с места. Все присутствующие, в том числе и я, поторопились подняться.

– Вы поручились, – негромко сказала она, обращаясь к Морпурго. – Вы поручились. – Она скользнула взглядом по лицам своих сотрудников. – Мы встретимся здесь, когда этого потребуют события. Связным между мной и вами назначаю Ли Хента. Работа правительства, господа, будет идти в обычном режиме. Всего хорошего.

Все стали расходиться, только я вернулся на свое место и вскоре остался в комнате один. Динамики вновь заработали на полную громкость. На одной волне слышались громкие мужские рыдания. На другой, сквозь треск и щелчки помех, гремел чей-то маниакальный хохот. Надо мной, за моей спиной и с обеих сторон медленно двигались во тьме созвездия, и свет звезд равнодушно серебрил руины и обломки.

Дом Правительства был выстроен в форме звезды Давида. В центре ее, защищенный низкими стенами и кущами деревьев, посаженных в особом порядке, находился сад. Конечно, не такой обширный, как Олений парк со своими зелеными просторами, но не менее живописный. Поздним вечером я вышел туда на прогулку. Яркое сине-белое небо Центра уже покрывалось позолотой, когда меня догнала Мейна Гладстон.

Несколько минут мы молча шли бок о бок. Я заметил, что она переделалась в длинное платье, какие носят величественные матроны на Патофе: свободного покроя, с пышными складками и вставками сложного темно-синего и золотого рисунка – точь-в-точь вечерний небосвод у нас над головами. Руки она держала в карманах, широкие рукава раздувались на ветру; подол касался молочно-белой каменной дорожки.

– Вы позволили им допросить меня, – начал я. – Любопытно, почему.

– Они не транслировали допрос для своих сообщников. – Голос Гладстон звучал устало. – Никакого риска разглашения секретной информации не было.

Я улыбнулся.

– И тем не менее я подвергся всем этим испытаниям с вашего ведома.

– Служба безопасности хотела узнать о них все, что только возможно. Все, что они выболтают.

– Ценой кое-каких... не очень приятных ощущений с моей стороны, – заметил я.

– Да.

– Ну и известно теперь безопасности, на кого они работают?

– Этот человек упомянул фамилию Харбрит, – ответила секретарь Сената. – Наши люди почти уверены, что речь шла об Эмлеме Харбрит.

– Управляющей биржей на Асквите?

– Да. Она и Дайана Филомель связаны со старыми монархистскими фракциями организации Гленнон-Хайта.

– Они вели себя по-дилетантски, – сказал я, вспоминая легкость, с какой Гермунд обронил фамилию Харбрит, и непродуманность вопросов его жены.

– Конечно.

– Связаны ли монархисты с какими-нибудь серьезными организациями?

– Только с церковью Шрайка, – ответила Гладстон. Она остановилась перед каменным мостиком через ручей и, подобрав свое роскошное сине-золотое одеяние, присела на кованую железную скамью. – Ни один епископ до сих пор не вышел из подполья, знаете ли.

– Учитывая беспорядки, их трудно осуждать. – Я остановился перед скамьей. Поблизости не было ни телохранителей, ни мониторов, но я знал: одно угрожающее движение в сторону Гладстон, и я очнусь в изоляторе службы безопасности.

Облака над нашими головами растеряли последнюю позолоту и светились теперь ровным серебряным светом, отражая огни бесчисленных экобашен ТКЦ.

– Как поступила служба безопасности с Дайаной и ее мужем? – спросил я.

– Они были подвергнуты доскональному допросу и... находятся под арестом.

Понятно. Доскональный допрос означал, что их мозги плавают сейчас в полностью изолированных от внешнего мира баках. Их тела будут содержаться в криогенном хранилище до тех пор, пока секретный суд не определит, можно ли квалифицировать их деяния как государственную измену. После процесса тела будут уничтожены, а Дайана и Гермунд останутся под «арестом» с полностью отключенными каналами восприятия и связи. Уже несколько веков Гегемония не применяла смертной казни, но альтернативы ей были не из приятных. Я опустил на другой конец скамьи.

– Вы по-прежнему пишете стихи?

Вопрос удивил меня. Я посмотрел вдоль садовой дорожки, где только что загорелись летучие японские фонарики и скрытые листвой люм-шары.

– Как вам сказать... – Я задумался. – Иногда я вижу сны в стихах. Точнее, видел. Раньше. Мейна Гладстон принялась разглядывать свои руки, сложенные на коленях.

– Вздумай вы описать то, что сейчас происходит, – спросила она, – что за поэма бы получилась?

Я засмеялся.

– Я уже дважды начинал ее и бросал... или, вернее сказать, «он» начинал и бросал. Это поэма о гибели богов и о том, как они противились своему низвержению. Поэма о метаморфозах, страданиях, несправедливости. И о поэте, который, как «он» считал, пострадал от несправедливости больше всех.

Гладстон повернулась ко мне. В полумраке ее лицо казалось нагромождением морщин и теней.

– И каких же богов свергают с престола сейчас, господин Северн? Само человечество или ложных богов, которых мы создаем себе на погибель?

– Откуда мне знать, черт возьми? – вспыхнул я и отвернулся к ручью.

– Но вы принадлежите обоим мирам, не так ли? И человечеству, и Техно-Центру?

Я рассмеялся.

– В обоих мирах я чужак. Здесь – чудовище, там – экспериментальный образец.

– Но кто же проводит эксперимент? А главное, зачем?

Я пожал плечами.

Гладстон поднялась. Я последовал ее примеру. Мы перешли ручей, слушая, как журчит вода. Дорожка вилась между высокими валунами, покрытыми пышными лишайниками, мерцавшими в свете фонариков.

Гладстон остановилась на верхней ступеньке каменной лестницы.

– Как вы думаете, господин Северн, удастся ли Богостроителям Техно-Центра создать пресловутый Высший Разум?

– То есть создадут ли они Бога? – уточнил я. – Среди ИскИнов есть и противники этого проекта. Опыт людей подсказал им, что создание высшего разума – прямая дорога к рабству, если не к вымиранию.

– Но станет ли истинный Бог уничтожать свои создания?

– Если иметь в виду Техно-Центр и гипотетический Высший Разум, – возразил я, – Бог не создатель, а создание. Возможно, божество может чувствовать ответственность лишь за те низшие существа, которые само создало.

– Тем не менее Техно-Центр, судя по всему, взял на себя ответственность за людей уже много веков назад, со времени Отделения ИскИнов, – произнесла Гладстон. Она пристально смотрела на мое лицо – точно на шкалу какого-то важного прибора.

Я окинул взглядом сад. Дорожка светилась во мраке таинственным белым светом.

– Техно-Центр преследует собственные цели, – сказал я, понимая, что секретарю Сената этот факт известен лучше, чем кому бы то ни было.

– И вы считаете, что человечество ему больше ни к чему?

Я поднял руки в знак того, что отвечать не собираюсь.

– Я чужд обеим цивилизациям, – повторил я. – Нет у меня ни простодушия невольных создателей, ни бремени пугающей проницательности их созданий.

– С генетической точки зрения, вы – человек до мозга костей, – сказала Гладстон.

Это не было вопросом, и я промолчал.

– Говорили, что Иисус Христос – во всех отношениях человек, – продолжала она. – И одновременно божество. Пересечение человеческого и божественного.

Меня поразило, что она вспомнила эту древнюю религию. Христианство сменилось сначала дзен-христианством, потом дзен-гностицизмом, потом десятками и сотнями более жизнеспособных теологии и философских учений. Впрочем, мир, откуда происходила Гладстон, не был кладовой развенчанных культов. Я предполагал и надеялся, что не была такой кладовой и она сама.

– Если он в полной мере и человек, и Бог, – сказал я, – тогда я – его двойник из антимира.

– Нет, – возразила Гладстон. – Я думаю, его двойник – Шрайк, перед которым собираются предстать ваши друзья-паломники.

У меня отвисла челюсть. Она впервые упомянула Шрайка, хотя я знал (а она знала, что мне это известно), что именно она хотела открыть руками Консула Гробницы Времени и выпустить это существо на волю.

– Возможно, вам следовало принять участие в этом паломничестве, господин Северн, – заметила Мейна Гладстон.

– Я и без того в нем участвую, – ответил я. – В каком-то смысле.

Гладстон взмахнула рукой, и двери ее личных покоев распахнулись.

– Да, в каком-то смысле вы в нем участвуете, – согласилась она. – Но если женщину, несущую в себе ваше «второе я», распнут на легендарном стальном дереве Шрайка, будете ли вы вечно страдать во сне?

На это мне нечего было ответить. Я молча стоял перед ней.

– Поговорим завтра утром, после совещания, – произнесла она, прощаясь. – Спокойной ночи, господин Северн. Приятных сновидений.

Глава восьмая

Мартин Силен, Сол Вайнтрауб и Консул бредут по песку в сторону Сфинкса, навстречу Ламии Брон и Федману Кассаду, несущим тело отца Хойта. Вайнтрауб плотнее запахивается в плащ, пытаясь защитить ребенка от ярости песчаных вихрей и треска разрядов. Он видит, как спускается с дюны Кассад – черный мультипликационный человечек с дивными ногами на фоне наэлектризованных песков. Конечности Хойта безжизненно болтаются при каждом движении его носильщиков.

Силен что-то кричит, но ветер относит его слова в сторону. Ламия Брон указывает на единственную уцелевшую палатку. Это палатка Мартина Силена, остальные повалены или разорваны в клочья. В нее забираются все паломники. Последним влезает полковник Кассад и втаскивает умирающего. В палатке хоть можно разговаривать – если удастся перекрыть хлопанье фибропластовой парусины и треск молний, подобный звуку раздираемой бумаги.

– Умер? – Консул откидывает полу плаща, в который Кассад завернул голого Хойта. Крестоформ розово светится.

Полковник показывает на медпакет военного образца, прикрепленный к груди священника. Все индикаторы красные – только глазок, контролирующий узелки и волокна системы жизнеобеспечения, мигает желтым. Голова Хойта запрокидывается, и Вайнтрауб замечает похожий на гусеницу свежий шов, соединяющий рваные края рассеченного горла. Он пытается нащупать пульс, но безуспешно. Тогда Вайнтрауб склоняется над священником и прикладывает ухо к его груди. Сердце не бьется, зато крестоформ обжигает его щеку. Сол поднимает глаза на Ламию:

– Шрайк?

– Да... мне так кажется... не знаю даже. – Она взмахивает пистолетом. – Я выпустила всю обойму... Двенадцать пуль, и не знаю, в кого.

– А вы видели? – спрашивает Консул Кассада.

– Нет. Я вошел туда через десять секунд после Брон, но ничего не заметил.

– Ну а хреноскопы вашего превосходительства? – вопрошает Мартин Силен. Его затиснули в дальний угол палатки, где он и сидит, скорчившись, как эмбрион во чреве. – Разве все это тактическое дерьмо ничего не уловило?

– Нет.

Из медпакета раздается тревожный зуммер; Кассад достает еще один плазмопатрон, вставляет в гнездо пакета и, опустив забрало, чтобы лучше видеть в песчаной буре, вновь устраивается на корточках перед выходом. Сквозь шлемофон его голос неузнаваем:

– Он потерял больше крови, чем можно компенсировать в наших условиях. У кого еще есть аптечка первой помощи?

Вайнтрауб роется в своем мешке.

– У меня с собой стандартный набор. Но его недостаточно. Горло перерезано со знанием дела.

– Шрайк, – шепчет Мартин Силен.

– Не важно. – Ламия обхватывает руками колени, чтобы унять дрожь. – Мы должны ему помочь! – Она смотрит на Консула.

– Он мертв, – констатирует Консул. – Даже бортовая операционная не вернет его к жизни.

– Но мы должны попытаться! – кричит Ламия, схватив Консула за рубашку. – Мы не можем отдать его этим... исчадиям! – Она указывает на розовый крестоформ, светящийся под кожей мертвеца.

Консул трет глаза.

– Можно уничтожить тело. Винтовка полковника...

– Мы все сдохнем тут, если не выберемся из этой бури, мать вашу! – вопит Силен. Палатка ходит ходуном, при каждом порыве ветра парусиновый полог хлещет поэта по затылку и спине. Песок бьется о ткань, завывая, как стартовая ракета. – Вызывайте ваш проклятый корабль! Вызывайте!

Консул прижимает к себе рюкзак, словно защищая лежащий в нем комлог. Его щеки и лоб блестят от пота.

– Мы могли бы переждать бурю в какой-нибудь Гробнице, – предлагает Сол Вайнтрауб. – Например, в Сфинксе.

– Идите вы знаете куда? – рычит Мартин Силен.

Ученый, еле ворочаясь в тесной палатке, поднимает глаза на поэта.

– Вы проделали весь этот путь, чтобы найти Шрайка. А теперь, когда он, по-видимому, появился, передумали?

Силен злобно сверкает глазами из-под надвинутого на лоб берета.

– Скажу вам одно – я хочу, чтобы этот сраный корабль был здесь и не-мед-лен-но!

– Неплохая мысль, – замечает вдруг полковник Кассад.

Консул переводит взгляд на него.

– Если есть шанс спасти Хойта, нам следовало бы им воспользоваться.

– Нам нельзя покидать долину, – страдальчески морща лоб, говорит Консул. – Пока нельзя.

– Да, – соглашается Кассад. – Мы и не собираемся сбегать на корабле. Но его операционная могла бы спасти Хойта, а мы укрылись бы в нем от бури.

– И, может быть, выяснили бы, как дела вон там. – Ламия Брон тычет большим пальцем вверх.

Ребенок внезапно заливается пронзительным плачем. Вайнтрауб укачивает Рахиль, придерживая крохотную головенку.

– Согласен, – тихо произносит он. – Если Шрайк захочет найти нас, он с тем же успехом придет за нами на корабль. Мы проследим, чтобы никто не дезертировал. – Он касается груди Хойта. – Как это ни ужасно, но при операции можно получить бесценную информацию о том, как функционирует этот паразит.

– Хорошо, – помолчав, соглашается Консул, достает из рюкзака свой старинный комлог, кладет руку на дискключ и шепотом произносит несколько фраз.

– Ну что, прилетит? – нетерпеливо спрашивает Мартин Силен.

– Он подтвердил прием команды. Надо сложить снаряжение в одну кучу. Я велел ему совершить посадку прямо у входа в долину.

Ламия с удивлением обнаруживает, что из глаз у нее льются слезы. Она вытирает щеки и улыбается.

– Что вас так рассмешило? – спрашивает Консул.

– Такой ужас творится, – отвечает она, растирая щеку ладонью, – а у меня одна мысль: какое чудо – принять душ!

– И пропустить рюмочку, – подхватывает Силен.

– Укрыться от бури, – тихо вторит ему Вайнтрауб. Ребенок, жадно чмокая, глотает молоко из детского синтезатора.

Кассад высовывается из палатки и вскидывает винтовку, одним движением сняв ее с предохранителя.

– Сенсоры, – говорит он. – За этой дюной что-то шевелится. – Он оборачивается к остальным, и в опущенном забрале отражаются бледные, жмушиеся друг к другу паломники и окровавленное тело Ленара Хойта.

– Пойду выясню, что там такое, – говорит он. – Ждите здесь до прибытия корабля.

– Не уходите, – протестует Силен. – Это как в тех долбанных старинных фильмах ужасов, где все уходит по одному, и поминай как звали... Эй! – Поэт умолкает. В треугольный вход палатки врываются свет и грохот.

Федман Кассад исчез.

Палатка начинает оседать, стойки и проволочные растяжки прогибаются, поддаваясь напору текучего песка. Прижавшись друг к другу, Консул и Ламия заворачивают тело отца Хойта в плащ. Лампочки медпакета продолжают мигать красным. Кровь из шва больше не считается.

Сол Вайнтрауб укладывает свою четырехдневную Рахиль в переносную люльку, тщательно укрывает плащом, подтыкая его со всех сторон, и садится на корточки у входа.

– Никаких следов! – кричит он. В ту же секунду прямо на его глазах молния ударяет в поднятое крыло Сфинкса.

Ламия пробирается к выходу с неожиданно легким телом священника.

– Давайте перенесем отца Хойта на корабль в операционную! Потом кто-нибудь вернется за Кассадом.

Консул надвигает треуголку и поднимает воротник:

– На корабле есть мощный радар и другие средства обнаружения движущихся объектов. С их помощью мы узнаем, куда делся полковник.

– И Шрайк, – желчно добавляет Силен. – О хозяине забывать неэтично.

– Пошли.

Ламия встает, но ей тут же приходится согнуться в три погибели. Плащ Хойта хлопает крыльями и бьется вокруг Ламии, ее собственная накидка струится по ветру за спиной. Разыскав благодаря непрерывным вспышкам молний тропу, она берет курс на вход в долину, временами оглядываясь, не потерялись ли остальные.

Мартин Силен отходит на шаг от палатки, берется за принадлежавший Хету Мастину куб Мебиуса, и тут его пурпурный берет улетает, подхваченный ветром. Застыв на месте, поэт сыплет проклятиями, останавливаясь лишь для того, чтобы выплюнуть песок изо рта.

– Идемте! – кричит Вайнтрауб, ухватив поэта за плечо. Песчинки жгут Солу лицо, забиваются в бороду, но вместо того, чтобы заслониться рукой от ветра, он прикрывает ею грудь. – Мы рискуем потерять Ламию из виду, надо спешить!

Поддерживая друг друга, они борются со встречным ветром. По меховой шубе Силен бежит штормовая рябь. Поэт делает крюк, чтобы подобрать свой берет, скатившийся с дюны.

Консул оставляет палатку последним. У него два рюкзака на спине – свой и Кассада. Стоит ему покинуть это хрупкое укрытие, как стойки подламываются, ткань рвется, и палатка возносится в ночь, окруженная нимбом из электрических разрядов.

Спотыкаясь, Консул проходит метров триста, временами замечая впереди силуэты Сола и поэта. То и дело тропа теряется – тогда приходится описывать круги, пока не обозначится снова утоптанная полоска земли. Вспышки молний следуют одна за другой, и в их ослепительном свете Гробницы Времени видны как днем. Консул смотрит на Сфинкса, окутанного разрядами, различает позади него люминесцирующие стены Нефритовой Гробницы, а еще дальше Обелиск – он почему-то не светится и кажется вертикальным черным проемом на фоне стен ущелья. Тут же высится Хрустальный Монолит. Кассада не видно, хотя в песчаных вихрях, озаряемых синими отблесками, всюду чудятся какие-то силуэты и тени.

Консул задирает голову, видит широкий вход в долину и низко бегущие облака над ним. Где же голубой шлейф от спускающегося корабля? Буря, конечно, ужасная, но его посудина совершала посадки и в худших условиях. Он надеется, что корабль уже сел и остальные ждут его у трапа.

Но, добравшись наконец до скалистых стен у входа в долину, он видит четверку паломников, сбившихся в кучку на краю широкой плоской равнины, и только. Корабля нет. Буря обрушивается на него с удесятеренной силой.

– Он уже должен быть здесь, верно? – кричит Ламия, когда Консул приближается к своим спутникам.

Он утвердительно кивает и садится на корточки, чтобы достать из рюкзака комлог. Вайнтрауб и Силен, пригнувшись, встают позади него, пытаясь хоть как-то заслонить от ветра. Достав комлог, Консул оглядывается. Впечатление такое, будто все они попали в обезумевшую комнату, чьи стены преобразаются каждый миг – надвигаются на людей со всех сторон и тут же разезжаются, потолок взмывает вверх, как в сцене из «Щелкунчика», когда зала с рождественской елкой вдруг начинает расти на глазах у изумленной Клары.

Консул накрывает ладонью дискотключ и наклоняется к квадратику микрофона. Старинный прибор шепчет ему что-то, неразличимое за скрежетом песка.

– Кораблю не разрешили взлететь, – произносит, выпрямляясь, Консул.

– Что значит «не разрешили»? – спрашивает Ламия, когда затихает взрыв гнева и разочарования.

Консул пожимает плечами и смотрит в небо, как будто все еще ждет появления голубого огненного хвоста.

– Его не выпустили с космодрома в Китсе.

– А вы разве не говорили, что у вас разрешение от ее блядской светлости? – кричит Мартин Силен. – От самой старухи Гладстон?

– Разрешение Гладстон было введено в память корабля, – отвечает Консул. – О нем знали и ВКС, и администрация космопорта.

– Тогда какого черта? – Ламия вытирает лицо. Слезы прорезали на ее оштукатуренных песком щеках узкие грязные бороздки.

Консул пожимает плечами.

– Гладстон и отменила свое разрешение. Тут есть послание от нее. Хотите услышать?

С минуту никто не отвечает. После недельного странствия мысль о контакте с кем-то за пределами их группы кажется настолько нелепой, что не укладывается в голове; мира вне Гипериона и паломничества к Шрайку для них не существует, а тот, который есть, напоминает о себе лишь взрывами в ночном небе.

– Да, – еле слышно произносит Сол Вайнтрауб. – Давайте послушаем.

Буря решила устроить минутную передышку, и его тихий голос звучит сейчас с пугающей отчетливостью.

Они сбиваются в кучку, усевшись кружком на корточки перед старинным комлогом и положив посередине отца Хойта. Стоило на миг оставить умирающего без внимания, как его засыпало песком. Теперь все индикаторы светятся красным, за исключением янтарных лампочек мониторов экстремальной терапии. Ламия меняет плазмопатрон на свежий и удостоверяется, что осмотическая маска надежно облегает рот и нос Хойта, всасывая из воздуха чистый кислород и отфильтровывая песок.

– Все в порядке, – говорит она, и Консул нажимает на дискотключ.

Послание Гладстон – это пучковая мультиграмма, полученная и записанная кораблем всего лишь десять минут назад. В воздухе мельтешат колонки цифр. Из круглых зернышек, характерных для комлогов времен Хиджры, складывается изображение Гладстон. Оно дрожит, лицо причудливо, а порой карикатурно кривится, сквозь него проносятся мириады песчинок. Буря беснуется с новой силой, и знаменитый голос едва слышен в бешеном реве ветра.

– Мне очень жаль, – властно заявляет секретарь Сената, – но в данный момент я не могу допустить ваш звездолет к Гробницам. Искушение улететь было бы слишком велико, в то время как забота об исполнении вашей миссии должна возобладать над всем остальным. Поймите,

судьбы целых миров, возможно, зависят от вас. Верьте, я с вами всеми надеждами и молитвами. Гладстон, конец связи.

Изображение сворачивается и исчезает. Консул, Вайнтрауб и Ламия потерянно глядят перед собой, а Мартин Силен вскакивает и швыряет горсть песка туда, где только что было лицо Гладстон:

– Блядво поганое, сраная политиканша, дура набитая, говна кусок, хер в юбке, сука! – Он пинает песок, вскрикивая, как умалишенный. Остальные молча смотрят на него.

– Да, вы действительно отвели душу, – негромко произносит наконец Ламия Брон.

Силен, взмахнув руками, удаляется, расшвыривая ногами песок и бормоча что-то себе под нос.

– Это все? – Вайнтрауб смотрит на Консула.

– Да.

Ламия хмуро взирает на комлог, скрестив руки на груди.

– Я позабыла ваш рассказ об этой штуке. Как вам удалось пробиться сквозь помехи?

– По узконаправленному лучу через спутник-ретранслятор, который я оставил на орбите, когда мы улетали с «Иггдрасиля», – отвечает Консул.

Ламия понимающе кивает.

– Значит, когда вы выходили на связь, то просто посылали короткие указания кораблю, а уж он отправлял мультиграммы Гладстон... и вашим знакомым Бродягам.

– Да.

– Скажите, а корабль может взлететь без разрешения? – глядя перед собой, отрешенно спрашивает Вайнтрауб. Старый ученый сидит, обхватив руками колени, в классической позе крайней усталости. – Просто проигнорировать запрет Гладстон?

– Нет, – отвечает Консул. – Когда Гладстон наложила вето, военные поставили над шахтой с нашим кораблем силовой экран третьей степени.

– Так свяжитесь с нею! – горячо произносит Ламия Брон. – Объясните ей наше положение.

– Я пытался. – Подержав комлог в руках, Консул рассеянно укладывает его обратно в рюкзак. – Никакой реакции. Еще в первой мультиграмме я упомянул, что отец Хойт тяжело ранен и нуждается в помощи. Я хотел заранее подготовить бортовую операционную.

– Ранен! – вскрикивает Мартин Силен, возвращаясь большими шагами к кучке своих спутников. – Херня. Наш друг падре мертв, как Гленнон-Хайтов кобель. – Он тычет пальцем в завернутое в плащ тело; все индикаторы светятся красным.

Ламия Брон, наклонившись, касается щеки Хойта. Холодная. Биомонитор его комлога и медпак пронзительно пищат, предупреждая о гибели мозговых клеток. Осмотическая маска продолжает снабжать Хойта чистым кислородом, а стимуляторы медпака заставляют работать легкие и сердце, но писк переходит в визг, а затем в монотонный, душераздирающий вопль.

– Он потерял слишком много крови. – Сол Вайнтрауб касается лица мертвого священника и, закрыв глаза, склоняет голову.

– Бесподобно! – смеется Силен. – Усрать можно! Если верить его собственному рассказу, Хойт сначала разложится, а потом сложится, благодаря этой мудацкой погребушке – нет, целым двум! Выходит, у этого парня двойная страховка, и он восстанет из мертвых в виде дебильного варианта тени папаши Гамлета. Чудненько! И что же нам тогда делать?

– Заткнись, – устало роняет Ламия, заворачивая тело Хойта в брезент.

– Сама заткнись! – вопит Силен. – Здесь и так рыщет одно чудовище. Старина Грендель где-то точит свои когти к следующей трапезе, а вы хотите, чтобы к нашей веселой компании присоединился зомби Хойта? Помните, что он говорил о бикуре? Крестоформы воскрешали их раз за разом, век за веком, и беседовать с ними было все равно что с амбулаторной губкой. Вы действительно хотите путешествовать вместе с трупом Хойта?

– С двумя, – негромко уточняет Консул.

– Что? – Мартин Силен резко поворачивается и, потеряв равновесие, бухается на колени рядом с мертвым телом, чуть не свалив старого ученого. – Что вы сказали?

– У него два, – поясняет Консул. – Его собственный и отца Поля Дюре. Если история про биккура не выдумана, значит, оба они будут воскрешены...

– О Господи! – сипло восклицает Силен и оседает на песок.

Ламия уже завернула тело священника в брезент и смотрит на Консула.

– Я помню рассказ отца Дюре об Альфе. Но все равно не понимаю, как это возможно – обойти закон сохранения массы.

– Значит, нас ждет встреча с двумя карликовыми зомби, – бормочет Мартин Силен, еще плотнее кутается в свою шубу и ударяет кулаком по песку.

– Сколько мы могли бы узнать, если бы прибыл корабль, – с сожалением произносит Консул. – Автодиагностика... – Вдруг он замолкает и оглядывается вокруг. – Послушайте-ка! Песка в воздухе почти нет. Может, буря стиха...

Вспыхивает исполинская молния, и начинается дождь. Ледяные дробинки жгут и язвят лица людей еще беспощаднее, чем песок.

Мартин Силен раздражается истерическим смехом.

– Вот треклятая пустыня! – кричит он в небо. – Суждено нам всем утопнуть!

– Надо выбирать, – решительно произносит Сол Вайнтрауб. Между пуговицами его плаща виднеется лицо ребенка. Рахиль заходится от крика, крошечное личико побагровело и кривится от натуги.

– Башня Хроноса? – предлагает Ламия. – Часа два...

– Слишком далеко, – хмурится Консул. – Давайте расположимся в какой-нибудь Гробнице.

Силен снова хихикает и начинает декламировать:

Какие боги ждут кровавой мзды?
К какому алтарю ведут телицу,
Которая торжественной узды
И ласковой руки жреца дичится?

– Это, по-видимому, означает «да»? – спрашивает Ламия у поэта.

– Это означает «почему бы и нет, твою мать», – хихикает Силен. – Зачем играть в прятки с нашей музой? Давайте от нечего делать понаблюдаем, как будет разлагаться наш друг! Что там Дюре написал, сколько потребовалось погибшему биккура, чтобы вновь вернуться в стадо после того, как смерть отвлекла его от травощипания?

– Три дня, – спокойно отвечает Консул.

Мартин Силен хлопает себя по лбу.

– Конечно! Как мог я забыть? И все чудесно сходится, прямо Новый Завет. А тем временем наш волк Шрайк успеет утащить еще нескольких овечек. Как полагаете, падре не обидится, если я позаимствую один из его крестиков, так, на всякий случай? У него один лишний...

– Пойдемте, – встряхивает головой Консул. Дождь широким ручьем льется с его треуголки. – До утра пересидим в Сфинксе. Я понесу снаряжение Кассада и куб Мебиуса. А вы, Ламия, – вещи Хойта и рюкзак Сола. Сол, ваше дело – держать ребенка в тепле.

– А падре? – спрашивает поэт, тыча пальцем в тело священника.

– Отца Хойта понесете вы. – Ламия, поворачивается к поэту.

Мартин Силен открывает было рот, но заметив в ее руке пистолет, пожимает плечами и нагибается, чтобы взвалить мертвеца на плечи.

– А кто, интересно, потащит Кассада, когда мы его найдем? – едко вопрошает поэт. – Конечно, он может оказаться расфасованным на столько кусков, что всем хватит...

– Пожалуйста, заткнитесь, – устало обрывает его Брон. – Если придется вас пристрелить, у нас будет лишний груз. Шагайте себе.

Консул идет впереди, Вайнтрауб с новорожденной под плащом почти наступают ему на пятки, Мартин Силен бредет за ними, отставая на несколько метров, Ламия Брон замыкает шествие – паломники снова спускаются в долину Гробниц.

Глава девятая

В это утро график секретаря Сената Гладстон был чрезвычайно напряженным. На ТК-Центре сутки длятся двадцать три часа, что позволяет правительству работать по стандартному времени Гегемонии, не нарушая местных суточных ритмов. В 05:45 Гладстон встречалась со своими военными советниками. В 06:30 позавтракала в компании двух десятков наиболее влиятельных сенаторов, а также представителей Альтинга и Техно-Центра. В 07:15 глава правительства Сети отправилась на Возрождение-Вектор, где уже наступил вечер, чтобы участвовать в церемонии открытия медицинского центра «Гермес» в Кадуа. В 07:40 она перенеслась обратно в Дом Правительства, чтобы со своими ближайшими помощниками, включая Ли Хента, откорректировать речь, которую собиралась произнести перед Сенатом и Альтингом в 10:00. В 08:30 Гладстон вновь приняла генерала Морпурго и адмирала Сингха, дабы обсудить с ними последние новости из системы Гипериона. В 08:45 она встретилась со мной.

– Доброе утро, господин Северн. – Секретарь Сената сидела за своим столом в кабинете, где я впервые увидел ее три ночи назад. Взмахом руки она указала на открытый шкафчик у стены с горячим кофе, чаем и кофеиром в чашках из чистого серебра.

Я отрицательно покачал головой и сел. В трех голографических окнах виднелось чистое небо, но четвертое, слева от меня, представляло собой трехмерную карту системы Гипериона – ту самую, что я пытался расшифровать в Военном Кабинете. Мне показалось, что алые метки Бродяг расплзлись повсюду, словно прожилки красителя в сосуде с жидкостью, замутняя и поглощая аквамариновую синеву Гегемонии.

– Я хочу знать, что вам приснилось, – сказала Гладстон.

– А я – почему вы бросили их на произвол судьбы. – В тоне моем звучала неприязнь. – Почему оставили отца Хойта умирать.

За сорок восемь лет пребывания в Сенате и полтора десятилетия на посту секретаря Сената Гладстон наверняка отвыкла от подобных отповедей, и все же в ответ на мою резкость она всего лишь приподняла бровь.

– Значит, вам снятся подлинные события.

– А вы сомневались?

Она положила на стол электронный блокнот, выключила его и отрицательно покачала головой:

– Нет, не сомневалась, просто странно услышать нечто такое, о чем никто в Сети не имеет понятия.

– Так почему все-таки вы не позволили воспользоваться кораблем Консула?

Мейна Гладстон сделала пол-оборота на своем кресле, чтобы взглянуть на тактический дисплей – по мере поступления новых данных красные ручки меняли русло, голубые отползали, а планеты и луны катились по своим орбитам. Если она и намеревалась сослаться на ход боевых действий, то тут же передумала. И вновь повернулась ко мне:

– А почему, собственно, я должна объяснять вам свои поступки, господин Северн? Кто ваши избиратели? Кого вы представляете?

– Я представляю этих пятерых и младенца, которых вы бросили в беде, – сказал я. – Хойта можно было спасти.

Гладстон потеряла нижнюю губу.

– Может быть, – согласилась она. – А может, он уже кончался. Но суть не в этом, верно?

Я откинулся на спинку стула. Мне не пришлось в голову захватить с собой альбом, и теперь мои пальцы просто горели от желания чем-то заняться.

– А в чем?

– Помните рассказ отца Хойта... историю, поведенную им во время путешествия к Гробницам? – спросила Гладстон.

– Да, конечно.

– Каждому из паломников разрешено обратиться к Шрайку с одной просьбой. Легенда гласит, что это существо выполняет одно желание, отказывая в выполнении всех остальных и убивая тех, кому отказано. Помните, какое желание было у Хойта?

Я задумался. Вспоминать прошлое паломников – все равно что пытаться восстановить подробности снов недельной давности.

– Кажется, он хотел избавиться от крестоформа, – сказал я. – Хотел освободить отца Дюре... его душу, ДНТС – все равно как это назвать, – и хотел освободиться сам.

– Не совсем так, – возразила Гладстон. – Отец Хойт хотел умереть.

Я вскочил, чуть не опрокинув стул, на котором сидел, и решительно направился к пульсирующей карте.

– Бред сивой кобылы, – отрезал я. – Даже если он этого и хотел, другие были обязаны его спасти... И вы тоже. А вы позволили ему умереть!

– Да.

– И точно так же позволите умереть остальным?

– Не обязательно, – заметила Мейна Гладстон. – Это дело их воли и воли Шрайка, если он действительно существует. Я знаю одно – слишком велика роль их паломничества, чтобы предоставлять им средство для отступления в момент, когда предстоит принять решение.

– И кто же примет решение? Они? Как могут поступки шести или семи человек и младенца повлиять на судьбу государства со ста пятьюдесятью миллиардами жителей?

Конечно, я знал ответ на этот вопрос. Консультативный Совет ИскИнов и работавшие на этот раз вместе с ним не столь проницательные прогнозисты Гегемонии очень тщательно подбирали паломников. Но по какому признаку? Непредсказуемость – вот доминанта личности каждого из них. Каждый был зашифрованной записью под стать абсолютному в своей загадочности уравнению Гипериона. Знала ли об этом Гладстон? Или она знала только то, что ей сообщали Альбедро и ее собственные шпионы? Я вздохнул и вернулся на свое место.

– Вы узнали из сна о судьбе полковника Кассада? – спросила секретарь Сената.

– Нет. Я проснулся, когда они отправились к Сфинксу, чтобы спрятаться от ливня.

Гладстон слегка улыбнулась.

– Вы понимаете, господин Северн, что нам было бы удобнее держать вас под наркозом с помощью того же правдосказа, который использовала ваша подруга Филомель, подключив субвокализаторы. Тогда мы получали бы более регулярные и обстоятельные сообщения о происходящем на Гиперионе.

Я ответил улыбкой на улыбку.

– Да, это было бы удобнее. Но если бы я бросил тело и ускользнул через инфосферу в Техно-Центр, вы оказались бы в самом неудобном положении. А именно это я сделаю, если снова подвергнусь нажиму.

– Конечно, – согласилась Гладстон. – В подобных обстоятельствах я поступила бы точно так же. Расскажите мне, господин Северн, что испытывают живущие в Техно-Центре? В том далеком месте, где находится ваше подлинное сознание?

– Жизнь кипит, – ответил я. – Это все, для чего вы меня сегодня вызывали?

Гладстон снова улыбнулась, и в ее улыбке были естественность и теплота, столь непохожие на продуманную любезность официальных улыбок, которыми в совершенстве владела секретарь Сената.

– Нет, – сказала она. – У меня было на уме еще кое-что. Хотели бы вы отправиться на Гиперион? На настоящий Гиперион?

– Настоящий Гиперион? – повторил я с дурацким видом.

Пальцы заныли от странного возбуждения. Конечно, моему подлинному сознанию никто не мешал пребывать в Техно-Центре, но тело и мозг у меня слишком человеческие, слишком чувствительные к адреналину и другим своенравным химикалиям.

Гладстон кивнула.

– Туда рвутся миллионы людей. Им хочется сменить наконец обстановку. Увидеть войну вблизи. Идиоты. – Она со вздохом пододвинула к себе рабочий блокнот и подняла глаза – взгляд ее был серьезен. – Но я хочу, чтобы кто-нибудь съездил туда и отчитался обо всем передо мной лично. Сегодня утром Ли собирается опробовать новый военно-транспортный портал, и мне подумалось, что вы могли бы составить ему компанию. Вряд ли вы успеете посетить сам Гиперион, но в системе побываете.

На языке у меня вертелось несколько вопросов, но, к моему стыду, первой моей реакцией была фраза:

– Это опасно?

Ни выражение лица Гладстон, ни ее серьезный, дружеский тон не изменились:

– Возможно. Хотя вы будете в тылу, а Ли получил четкие указания не подвергать себя или вас явным опасностям. «Явные опасности, – подумал я. – Но сколько неявных опасностей в зоне военных действий вблизи планеты, по которой разгуливает не кто-нибудь, а сам Шрайк?»

– Да, – быстро произнес я. – Согласен. Но есть один непонятный для меня момент. Почему вы решили послать на Гиперион именно меня? Если из-за моих связей с паломниками, то, мне кажется, эта командировка – ненужный риск.

Гладстон кивнула.

– Господин Северн, связь с паломниками, несмотря на всю ее, скажем так, непрочность, несомненно нужна мне. Но верно и то, что ваши наблюдения и мнение ценны для меня ничуть не меньше.

– Но для вас я – белое пятно. Мало ли кому я поставляю информацию – сознательно или каким-то иным образом. Я – выкормыш Техно-Центра.

– Это так, – согласилась Гладстон, – но в то же время вы, вероятно, самая независимая личность на ТКЦ, а может, и во всей Сети. Кроме того, ваши наблюдения – это наблюдения зрелого поэта, перед чьим гением я преклоняюсь.

Я расхохотался.

– Это «он» был гением. А я лишь его тень. Трутень. Карикатура.

– Вы в этом уверены? – спросила Мейна Гладстон.

Я продемонстрировал ей пустые ладони.

– Уже десять месяцев я вновь мыслю и чувствую, живу этой странной жизнью после жизни – и ни строчки стихов. Как отрезало. Я не думаю стихами. Разве это не доказывает, что весь воскресительный проект Техно-Центра – туфта? Даже мое фальшивое имя – насмешка над памятью человека, чей талант мне и не снился... Джозеф Северн был лишь тенью настоящего Китса, а я позорю даже это имя, живя под ним.

– Может быть, вы и правы, – негромко сказала Гладстон. – А может быть, и нет. Как бы то ни было, я прошу вас отправиться с господином Хентом в краткую командировку на Гиперион. – Она задумалась. – Вы вовсе не обязаны исполнять мои просьбы, поскольку не являетесь гражданином Гегемонии. Но я была бы благодарна вам за согласие.

– Я согласен, – повторил я, слыша свой голос как бы издалека.

– Вот и отлично. Вам понадобится теплая одежда. Не надевайте ничего, что могло бы свалиться с вас или поставить в затруднительное положение в невесомости, хотя маловероятно, что вы с ней столкнетесь. С господином Хентом встретитесь в терминексе Дома Правительства через... – она взглянула на свой комлог, – ...двенадцать минут.

Я кивнул и повернулся, чтобы уйти.

– Да, еще...

Я задержался у двери. Старая женщина, сидевшая за столом, внезапно показалась мне какой-то маленькой и измученной.

– Спасибо вам, господин Северн, – сказала она.

В прифронтовую зону действительно рвались миллионы. Альтинг гудел от петиций, списков преимуществ, которые принесет допуск гражданских лиц на Гиперион по нуль-Т, просьб туристических фирм, желающих организовать краткие экскурсии, и требований местных политиков и чиновников Гегемонии, стремящихся непосредственно ознакомиться с обстановкой. Все эти просьбы отклонялись. Граждане Сети – особенно те, что обладали властью и влиянием, – не привыкли, чтобы им отказывали в доступе к новым ощущениям, а тотальная война оставалась для Гегемонии одним из немногих, еще неизведанных ощущений.

Но правительство и командование ВКС были неумолимы: никаких переносов в систему Гипериона для гражданских лиц, а также лиц, не получивших соответствующего разрешения, никаких бесцензурных сообщений в прессе. В век, когда практически не существует недоступной информации, век тотальной свободы передвижения, этот беспрецедентный запрет лишь бесил и распалял воображение.

Я встретился с Хентом на правительственном терминеке, предварительно продемонстрировав свой пропуск на десятке контрольных постов. Хент был облачен в черный шерстяной китель без всяких знаков различий, но скроенный на манер мундиров ВКС, которые встречались в этой части Дома Правительства на каждом шагу. Мне было некогда переодеваться. Я заскочил в свои апартаменты, только чтобы схватить мешковатый жилет со множеством карманов для рисовальных принадлежностей и 35-миллиметровый имиджер.

– Готовы? – спросил Хент. Его лицо, похожее на морду бассет-хаунда, не выражало особого удовольствия. В руке он держал простой черный саквояж.

Я кивнул.

Хент сделал знак технику ВКС, и перед нами возник трепещущий одноразовый портал. Я знал, что он настроен по образцам наших ДНК и не пропустит никого, кроме нас. Хент, набрав в грудь воздуха, шагнул в портал. Ртутная поверхность на миг подернулась рябью, как ручей при слабом порыве ветра. Немного помедлив, я последовал за Хентом.

Говорят, что первые образцы нуль-Т не вызывали у пользователей никаких ощущений, и тогда конструкторы – ИскИны и люди – вмонтировали в них устройства, создающие легкое покалывание по всему телу и озонную щекотку в ноздрях и на языке, чтобы путешественник мог и впрямь ощутить себя путешественником. Не знаю, так это или нет, но когда, перешагнув порог портала, я остановился и огляделся по сторонам, руки у меня еще чесались.

Странно, но боевые космические корабли появились на страницах романов и киноэкранах (а потом в голоискусстве и фантопликаторах) более восьмисот лет назад, в дни, когда человечество покидало Старую Землю лишь на примитивных ракетах – фактически модернизированных самолетах. А может быть, еще раньше. Но в тех двухмерных фильмах уже изображались космические битвы, огромные межзвездные дредноуты с невероятным вооружением, несущиеся сквозь пространство подобно городам, заключенным в обтекаемый корпус. Даже в недавних голопьесах, появившихся в изобилии после Брешии, мы видели гигантские флотилии, ведущие бои на расстояниях, которые вызвали бы у пехотинца приступ клаустрофобии, корабли, таранящие друг друга и пылающие, как греческие триремы, сгрудившиеся у мыса Артемисий.⁴

Неудивительно, что сердце мое часто билось, а ладони вспотели, когда я ступил на борт флагмана эскадры. Я ожидал, что окажусь на просторном мостике военного корабля – таком, какие показывают в голопьесах: с гигантскими экранами, демонстрирующими вражеские

⁴ Неточность. В Саламинском сражении у мыса Артемисий (480 г. до н. э.) был разбит персидский флот царя Ксеркса.

корабли, ревом сирен и суровыми офицерами, которые склоняются над оперативно-командными дисплеями, не обращая внимания на качку.

Мы с Хентом стояли в узком коридоре, уместном разве что на электростанции. Повсюду виднелись хитросплетения разноцветных труб, и лишь торчащие там и сям поручни, а также расположенные через равные интервалы герметичные люки напоминали, что мы действительно на космическом корабле, а суперсовременные дископульта и фантастические интерактивные панели свидетельствовали, что коридор этот не просто связывает два помещения, а выполняет еще какую-то функцию. Однако преобладало впечатление гнетущей тесноты и технического застоя. Я даже удивился, что от приборов не идут самые настоящие провода. Невдалеке от нас коридор пересекала вертикальная шахта. Через люки виднелись другие проходы, узкие и загроможденные.

Взглянув на меня, Хент слегка пожал плечами. У меня появилось подозрение, что портал отправил нас не туда.

Не успел кто-либо из нас выразить свои сомнения вслух, как из бокового коридора вынырнул младший лейтенант в черном комбинезоне ВКС и отдал честь Хенту:

– Добро пожаловать на борт корабля Гегемонии «Гебриды», господа. Адмирал Насита уполномочил меня передать вам его приветствия и пригласить на командный пункт. Прошу следовать за мной. – С этими словами юный офицер повернулся кругом, схватился за перекладину и, подтянувшись, исчез в узкой вертикальной шахте.

Мы, как умели, последовали его примеру. Хент приложил все силы, чтобы не уронить саквояж, а я – чтобы Хент не отдал мне пальцы. Преодолев всего несколько ярдов, я понял, что сила тяжести здесь гораздо меньше стандартной, да и вообще не оправдывает своего названия. Ощущение было такое, будто множество маленьких, но упрямых рук тянет меня вниз. Я знал, что для создания искусственной гравитации на космических кораблях используются силовые поля первой степени, но впервые испытал их действие на собственной шкуре. Что и говорить, небольшое удовольствие; постоянное давление заставляло сутулиться, как от встречного ветра, внося свой вклад в чувство клаустрофобии от узких коридоров, маленьких люков и заполненных приборами переборок.

«Гебриды» принадлежали к классу «ЗК» – Коммуникации, Контроль, Командование, – и командный пункт был их сердцем и мозгом, но эти «сердце и мозг» выглядели не очень впечатляюще. Молодой лейтенант провел нас через три герметичных люка, затем по коридору мимо караула из морских пехотинцев, отдал напоследок честь и оставил нас в комнате площадью примерно двадцать квадратных ярдов, но настолько набитой людьми, приборами и шумами, что первым желанием попавшего туда было выскочить обратно, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Гигантских экранов не было, но десятки офицеров гнули спины над загадочными дисплеями, сидели, опутанные шупальцами фантопликаторов, или стояли, озаренные огненным светом индикаторов, из которых, казалось, состояли все шесть переборок. Мужчины и женщины были привязаны ремнями к своим креслам и сенсорным пультам за исключением нескольких офицеров, больше похожих на нервных чиновников, чем на бравых вояк. Они бродили по узким проходам, похлопывая подчиненных по спинам, громко требуя дополнительной информации и подключаясь к консолям через гнезда собственных имплантов. Один из них, упитанный молодой капитан третьего ранга, подойдя, оглядел нас, отдал мне честь и почтительно произнес:

– Господин Хент?

Я кивнул на своего спутника.

– Господин Хент, – поспешно обернулся к нему капитан, – адмирал Насита сейчас примет вас.

Командующий всеми вооруженными силами Гегемонии в системе Гипериона оказался невысоким мужчиной с коротко стриженными седыми волосами, не по возрасту гладкой кожей и насупленными, будто вырубленными во лбу бровями. Адмирал был в черном мундире с высоким воротником безо всяких знаков различия, если не считать изображения красного карлика на воротнике. Руки у него были грубые, с толстыми пальцами, однако ногти недавно подверглись маникюру. Адмирал восседал на небольшом помосте среди приборов и немых демонстрационных панелей. Суматоха и деловитое безумие, казалось, обтекали его, как быстрый поток – равнодушную скалу.

– Вы посыльный от Гладстон, – констатировал он, обращаясь к Хенту. – А это кто?

– Мой помощник. – Хент был лаконичен.

Я с трудом удержался, чтобы не принять надменный вид.

– Чего вы хотите? – спросил Насита. – Как видите, мы заняты.

Ли Хент понимающе кивнул и огляделся вокруг.

– У меня есть для вас кое-какие материалы, адмирал. Мы можем поговорить без свидетелей?

Адмирал Насита хмыкнул, провел ладонью над реосенсом, и воздух за моей спиной уплотнился, преобразуясь в полужидкий туман по мере материализации силового поля. Шум штаба затих. Мы трое оказались на маленьком островке тишины.

– Поторопитесь, – буркнул адмирал.

Хент извлек из своего саквояжа небольшой конверт с символом Дома Правительства на задней стороне.

– Конфиденциальное послание от секретаря Сената, – сказал Хент. – Ознакомьтесь на досуге.

Насита с ворчанием отложил конверт в сторону. Хент выложил на стол конверт побольше.

– А это печатный экземпляр предложений Сената относительно методов ведения... э-э... боевых действий. Как вам известно, Сенат желает, чтобы это была быстрая демонстрация нашей силы для достижения ограниченных целей с наивозможно малыми потерями живой силы, после чего нашему новому... колониальному приобретению будет предложено заключить стандартное соглашение о дружбе и взаимопомощи.

Насупленные брови Наситы прямо-таки встали дыбом. Он даже пальцем не шевельнул, чтобы ознакомиться с волей Сената или хотя бы взять конверт в руки.

– Это все?

Сделав паузу, Хент сказал:

– Это все, адмирал, если только вы не хотите передать со мной какое-либо личное послание госпоже Гладстон.

Насита молча уставился на нас. В его маленьких черных глазах не было откровенной враждебности – только нетерпение, нетерпение, которое, как мне показалось, исчезнет лишь в миг, когда глаза подернутся дымкой смерти.

– Для связи с госпожой Гладстон у меня есть личный канал мультилинии, – ответил он. – Премного вам благодарен, господин Хент. А теперь окажите любезность – вернитесь на терминекс корабля и дайте мне возможность заняться моими «боевыми действиями».

Силовое поле исчезло, и шум обрушился на нас, как вода, прорвавшая ледяной затоп.

– Есть еще одно дело, – сказал Ли Хент. Его негромкий голос терялся среди техногомона командного пункта. Адмирал Насита ждал, ерзая в кресле. – Мы хотели бы спуститься на планету. На Гиперион.

Брови адмирала свело судорогой.

– Люди Гладстон не упоминали о катере.

Хент и глазом не моргнул.

– Генерал-губернатор Лейн осведомлен о нашем прилете.

Насита покосился на одну из своих демонстрационных панелей, шелкнул пальцами и что-то рявкнул подскочившему майору морской пехоты.

– Вам придется поторопиться. – Адмирал перевел взгляд на Хента. – Как раз сейчас с двадцатой площадки отбывает курьер, идущий к главному «прыгуну». Майор Инвернесс проводит вас. «Гебриды» покинут этот район через двадцать три минуты.

Хент кивнул и последовал за майором. Я поспешил за ними. Адмирал окликнул нас.

– Господин Хент, – сказал он, – пожалуйста, передайте госпоже Гладстон, что, начиная с этого момента, флагманскому кораблю будет недосуг принимать визитеров. – И, не дожидаясь ответа, Насита отвернулся к мерцающим экранам и своим ординарцам.

Я нырнул вслед за Хентом и майором в лабиринт коридоров.

– Здесь должны быть иллюминаторы.

– Что? – Задумавшись, я не расслышал реплики Хента.

Ли Хент повернулся ко мне.

– Никогда раньше не видел катера без иллюминатора или видеоэкрана. Это странно.

Я кивнул и огляделся вокруг, впервые обратив внимание на тесноту корабля и его загроможденность. Действительно, все переборки были глухими. Куда ни глянь, всюду штабеля провианта. Кроме нас с Хентом, в пассажирском салоне, рассчитанном на полсотни человек, сидел всего один молоденький лейтенант. Это хорошо сочеталось с теснотой на штабном корабле.

Я отвел глаза, возвращаясь к мыслям, которые тревожили меня с момента расставания с Наситой. Шагая за своими двумя спутниками к двадцатой площадке, я внезапно обнаружил, что одно мое ожидание оказалось обманутым: я не чувствовал отсутствия того, что теоретически должно было здесь отсутствовать. Мои тревоги и опасения относительно этой поездки частично объяснялись необходимостью покинуть инфосферу; я был похож на рыбу, собирающуюся покинуть море. Часть моего сознания покоилась где-то в глубинах этого моря-океана данных и линий связи двухсот миров Техно-Центра, объединенных в одно целое невидимой средой, когда-то носившей название киберпространства, а теперь известной исключительно как мегасеть.

Когда мы расставались с Наситой, я вдруг осознал, что по-прежнему слышу гул этого ни на что не похожего моря – отдаленный, но постоянный, как шум прибоя в полумиле от берега. Мы бежали к катеру, пристегивались, стартовали, мчались по околорунной трассе, тормозили перед входом в атмосферу Гипериона, а я все размышлял и размышлял над этим парадоксом.

Военно-космические силы гордились собственными искусственными интеллектами, автономными инфосферами и вычислительными центрами, ссылаясь при этом на необходимость действовать и принимать решения на огромных просторах Гегемонии, во тьме и тишине, что легли между звездами, за пределами информационной мегасети, но истинной причиной было неистовое стремление к независимости от Техно-Центра – эта многовековая мечта ВКС. Тем не менее, находясь на борту корабля ВКС в центре эскадры ВКС, далеко за рубежами Сети и Протекторатов, я оставался подключенным к уютному жужжанию информационных и энергетических потоков, которое сопровождало меня во всех уголках Сети. Здесь было над чем поразмыслить.

Вместе с нуль-Т в систему Гипериона были переброшены информационные мостики – не только корабль-«прыгун» и силовая сфера приемной решетки, парящая в точке L3 над Гиперионом, как новенькая луна, но и многие мили гигаканального волоконно-оптического кабеля, змеящегося сквозь стационарные порталы «прыгуна», микроволновые ретрансляторы, тупо снующие через них взад-вперед, передавая дальше записанные сообщения почти в реальном времени, покорные ИскИны штабного корабля, требующие – и получающие – новые линии связи с Олимпийской Офицерской Школой на Марсе и бог весть кем еще. Инфосфера просочилась в какую-то дырочку, по-видимому, втайне от машин ВКС, их операторов и союзников.

ИскИны Техно-Центра в курсе происходящего в системе Гипериона. Если здесь моему телу будет угрожать гибель, я ускользну тем же путем – по пульсирующим линиям связи, которые ведут подобно тайным ходам за пределы Сети, за пределы жалкого киберпространства, подвластного человеческому восприятию, а затем по туннелям инфоканалов в сам Техно-Центр. Нет, не совсем в Центр, подумал я, ведь Техно-Центр вбирает в себя все, что есть в мире, как Великий океан включает в себя течения и широченные Гольфстримы, которые наивно считают себя самостоятельными морями.

– Полцарства за иллюминатор, – пробурчал Ли Хент.

– Да, – отозвался я. – Именно.

Катер взбрыкнул и затрясся мелкой дрожью. Мы вошли в верхние слои атмосферы. «Гиперион, – подумал я. – Шрайк». Толстая рубашка и жилет липли к телу. Слабый шорох снаружи свидетельствовал, что мы несемся по лазурным небесам со скоростью, в несколько раз превышающей звуковую.

Молодой лейтенант перегнулся к нам через проход.

– Первый спуск, джентльмены?

Хент кивнул.

Лейтенант, демонстрируя свою бывалость, жевал резинку.

– Вы – гражданские технари с «Гебрид»?

– Да, мы только что оттуда, – ответил Ли Хент.

– Так и думал, – улынулся лейтенант. – Ну а я вожу курьерскую почту на базу морской пехоты под Китсом. Уже пятый рейс.

Услышав имя столицы, я слегка вздрогнул. Гиперион возродился усилиями Печального Короля Билли и его колонии поэтов, художников и прочих неприкаянных гениев, бежавших со своего родного Асквита от угрозы вторжения Горация Гленнон-Хайта, которого так и не последовало. Один из паломников к Шрайку, Мартин Силен, почти два века назад посоветовал королю Билли дать столице это имя. Китс. Местные называли старую часть города Джектауном.

– Что за место, вы просто не поверите, – разоткровенничался лейтенант. – Какая-то старая задница, а не столица. Ни инфосферы, ни ТМП, ни нуль-Т, ни баров с фоноплексом – ни хрена нет. Неудивительно, что тучи этих долбанных туземцев стоят лагерем вокруг космопорта и прямо на проволоку лезут, чтобы выбраться отсюда.

– Они действительно атакуют космопорт? – спросил Хент.

– Нет. – Лейтенант чавкнул резинкой. – Но спят и видят, если вы понимаете, что я имею в виду. Вот почему 2-й батальон морской пехоты установил там заграждения, и мы блокировали дорогу в город. Эти простофили думают, что мы не сегодня-завтра включим порталы и выпустим их из чана с дерьмом, в который они сами же и залезли.

– Сами? – переспросил я.

Лейтенант пожал плечами:

– Ведь Бродяги на них не просто так набросились. Они что-то там натворили, а нас сюда прислали, чтоб мы таскали им устриц из огня.

– Каштаны, – поправил Ли Хент.

Резиновый пузырь громко лопнул.

– Устрицы, каштаны – один черт.

Шорох воздуха усилился до визга. Катер дважды дернулся, а затем плавно – зловеще плавно – заскользил, будто опустился на ледяную дорожку в десяти милях над поверхностью планеты.

– Полцарства за иллюминатор, – прошептал Ли Хент.

В аппарате было тепло и душно. Толчки странным образом успокаивали. Казалось, что мы находимся на борту небольшого парусника, то взлетающего, то плавно скользящего вниз по волнам. Я закрыл глаза.

Глава десятая

Сол Вайнтрауб, Ламия Брон, Мартин Силен и Консул с рюкзаками за спиной, кубом Мебиуса и мертвым Ленаром Хойтом спускаются по пологому склону, направляясь ко входу в Сфинкс. Снег сыплет вовсю, снежинки выются между дюнами, выкидывая замысловатые коленца. Комлоги уверяют, что утро близко, но на востоке ни проблеска зари. Несколько раз они пытались вызвать Кассада. Безуспешно.

Сол Вайнтрауб замешкался на пороге Сфинкса. Его дочурка – островок тепла за пазухой, горячее детское дыхание, щекочущее горло. Он касается теплого комочка и пытается вообразить Рахиль двадцатилетней женщиной, аспиранткой археологического факультета. Вот она на миг задержалась в этом же проеме, прежде чем войти и испытать на себе антиэнтропийные чудеса этой Гробницы. Сол качает головой. С того мига прошло двадцать шесть бесконечных лет и целая жизнь. Через четверо суток день рождения дочери. Если Сол ничего не придумает – не разыщет Шрайка, не заключит с этим чудовищем какую-нибудь сделку, что угодно – Рахиль исчезнет навсегда.

– Вы идете, Сол? – зовет Ламия Брон. Остальные уже сбросили с плеч свою ношу в ближайшей ко входу комнате, пройдя метров шесть по узкому коридору.

– Иду, – отзывается он и переступает порог. С потолка туннеля свисают люм-шары и электролампочки, давным-давно перегоревшие, закутанные в коконы пыли. Дорогу освещает только фонарик Сола да лампа Кассада, стоящая в комнате. «Передняя» Гробницы невелика: четыре метра в ширину, шесть – в длину. Спутники Сола свалили поклажу у дальней стены и расстелили посреди ледяного пола брезент и спальные мешки. Две лампы, шипя, испускают холодный свет. Сол останавливается и осматривается.

– Отец Хойт в соседней комнате, – отвечает Ламия на его невысказанный вопрос. – Там еще холоднее.

Сол пристраивается рядом с остальными. Даже сквозь толщу стен слышен дикий скрежет – песчаные и снежные вихри терзают камень.

– Консул хочет еще раз попытаться счастья с комлогом, объяснить Гладстон, в каком мы положении, – говорит Ламия.

Мартин Силен смеется.

– Пытайся, не пытайся – ни хрена не выйдет. Она знает, что делает, и никогда нас отсюда не выпустит.

– Я свяжусь с ней сразу после рассвета. – От усталости голос Консула дребезжит, как у старика.

– А я постою на часах, – говорит Сол. Рахиль ворочается и начинает плакать. – Мне все равно надо кормить ребенка.

Остальные слишком устали, чтобы ответить. Ламия кладет голову на рюкзак, закрывает глаза, и через несколько секунд раздается ее негромкое посапывание. Консул надвигает на глаза треуголку. Мартин Силен, сложив руки на груди, пристально смотрит в дверной проем, словно ждет чего-то.

Сол Вайнтрауб возится с бутылочкой, его замерзшие, сведенные артритом пальцы никак не могут распутать тесемку нагревателя. Заглянув в свою сумку, он обнаруживает, что осталось всего десять молочных пакетов и тощая стопка пеленок.

Ребенок сосет молоко. Сол клюет носом, прогоняя одолевающую его дремоту, как вдруг странный звук заставляет всех встрепунуться.

– Что? – вскрикивает Ламия, хватаясь за отцовский пистолет.

– Ш-ш! – обрывает ее поэт, приложив палец к губам. Откуда-то снаружи доносится тот же звук. Сухой и властный, рассекающий гул ветра и скрежет песка.

– Винтовка Кассада, – произносит Ламия.

– Или еще чья-то, – шепчет Мартин Силен.

Они сидят неподвижно, обратившись в слух. Несколько долгих минут абсолютной тишины. Затем в мгновение ока ночь раскалывается от грохота – и все невольно припадают к полу, заткнув уши. Перепуганная Рахиль заливается пронзительным криком, но взрывы и громовые раскаты снаружи заглушают голос младенца.

Глава одиннадцатая

Я проснулся в тот миг, когда катер коснулся грунта. «Гиперион», – подумал я то ли наяву, то ли во сне.

Молодой лейтенант, пожелав нам удачи, выскочил из корабля, едва раздвинулись лепестки дверей, и прохладный разреженный воздух ворвался в душный салон. Я вышел вслед за Хентом, спустился по стандартному трапу, миновал защитный экран и ступил на асфальт космодрома.

Была ночь. Я не имел ни малейшего понятия, который сейчас час по местному времени, прошел ли терминатор эту точку планеты или только приближается к ней, но по всему чувствовалось, что время позднее. Моросил мелкий дождь, пахнувший соленым морем и свежим дыханием влажной листвы. Цепочки огней обозначали далекие заграждения. Два десятка освещенных башен бросали отсветы на низкие облака. Семь юношей в полевой форме морских пехотинцев сноровисто разгружали катер. Я заметил нашего лейтенанта – он оживленно беседовал с каким-то офицером.

Небольшой космопорт словно сошел с картинки учебника истории – колониальный порт времен начала Хиджры. Примитивные пусковые шахты и посадочные площадки тянулись на милю с лишним в сторону темного горного массива на севере, порталные краны и башни обслуживания обступили два десятка военных катеров и мелких судов, а само летное поле окаймляли ряды сборных казарм, украшенных частоколом антенн и фиолетовыми силовыми полями. Передними выстроились десятки скиммеров и самолетов.

Проследив за взглядом Хента, я заметил движущийся в нашу сторону скиммер, его ходовые огни высвечивали сине-золотую геодезическую линию Гегемонии на одной из юбок. По обтекателям сползали дождевые струи и отлетали от винтов, точно обезумевшие бесцветные лоскуты шелка. Скиммер сел, перспексовый обтекатель распался на лепестки и сложился. Мужчина, выпрыгнувший из скиммера, поспешил в нашу сторону.

– Господин Хент? – произнес он, протягивая руку. – Я – Тео Лейн.

Хент ответил на рукопожатие:

– Рад познакомиться, господин генерал-губернатор. А это Джозеф Северн.

Я прикоснулся к руке Лейна, и меня бросило в жар – я узнал его. Тео Лейн был известен мне по воспоминаниям Консула о годах, когда этот молодой человек служил у него вице-консулом, а также по краткой встрече с ним неделю назад – он провожал паломников в плавание на «Бенаресе». За эти шесть дней лицо его постарело на годы. Но на лбу лежала непокорная мальчишеская прядь, неизменная, как архаичные очки у него на носу и краткое, но крепкое рукопожатие.

– Хорошо, что у вас нашлось время спуститься на планету, – генерал-губернатор обращался к Хенту. – Я должен проконсультироваться с госпожой Гладстон по нескольким вопросам.

– Ну, вот мы и здесь, – пробормотал Хент, морщась от уколов дождя. – Где тут можно обсохнуть?

Генерал-губернатор совершенно по-мальчишески улыбнулся:

– Космопорт – сумасшедший дом, даже в шестом часу утра. Консульство в осаде. Но я знаю, куда вас отвезти, – и он жестом пригласил нас в скиммер.

Когда мы взлетели, я заметил, что вровень с нами идут два скиммера морской пехоты, и все же меня удивило, что генерал-губернатор одного из миров Протектората – сам себе пилот и телохранитель. Потом я вспомнил рассказы Консула о деловых качествах Тео Лейна и его скромности – и понял, что такая непритязательность вполне в духе молодого дипломата.

В ту минуту, когда мы взлетели и взяли курс на город, взошло солнце. Стелющиеся к земле низкие облака словно обвели снизу огненным карандашом, горы на севере переливались зеленым, фиолетовым и коричневато-красным, а полоска неба на востоке была того ошеломительного лазурно-зеленого цвета, который я видел в своих снах. «Гиперион», – подумал я, чувствуя в горле комок.

Я приник щекой к забрызганному дождем стеклу и тут понял, что не последней причиной моего головокружения и растерянности было ослабление контакта с инфосферой. Связь еще сохранялась – в основном по УКВ и каналам мультисвязи, но эта нить делалась все тоньше и тоньше – такого со мной еще не было. Если инфосферу сравнить с морем, а меня – с рыбой, то сейчас я попал на мелководье, а лучше сказать, в лужу, оставленную приливом, причем вода все убывала по мере того, как мы удалялись от космодрома и кокона его примитивной микросети. Я заставил себя следить за разговором генерал-губернатора и Хента.

– Сейчас вы видите хижины и лачуги, – говорил Лейн, заложив глубокий вираж, чтобы мы могли хорошенько разглядеть холмы и долины, отделяющие космопорт от столичных предместий.

«Хижины и лачуги» было слишком мягко сказано. Под нами скользили убогие нагромождения фибропластовых панелей, брезентовые полотнища, штабеля ящиков и обрезков пенолиста, покрывающие сплошной коростой склоны холмов и глубоких оврагов. Живописные окрестности восьмимильного шоссе, соединяющего космопорт с городом и окруженного некогда рощами и лугами, превратились в голую пустошь: деревья извели на дрова и постройку жилищ, луга вытоптали миллионы ног. Город, приютивший беженцев, разросся, насколько хватало глаз. Пустовали лишь вершины гор и отвесные обрывы. Дым от тысяч костров и очагов, на которых готовилась пища, поднимался к облакам. Всюду бегали босоногие дети, женщины несли воду из ручьев – несомненно, донельзя загаженных; люди сидели на корточках прямо в поле или стояли в длинных очередях к самодельным уборным. По обеим сторонам шоссе я заметил высокие ограждения из суперколючей проволоки и фиолетовые барьеры силовых полей. Контрольно-пропускные посты стояли через каждые полмили. Длинные вереницы камуфлированных транспортеров и скиммеров ползли в обоих направлениях по шоссе и над ним на малой высоте.

– ...большинство беженцев – местные жители, – продолжал между тем Лейн, – но есть и прибывшие издалека землевладельцы из южных городов и с крупных фибропластовых плантаций Аквилы.

– Они боятся вторжения Бродяг? – спросил Хент.

Тео Лейн бросил взгляд на помощника Гладстон.

– Первую волну паники вызвало известие, что Гробницы Времени открываются, – сказал он. – Люди были убеждены, что Шрайк явится лично за ними.

– И он действительно явился? – спросил я.

Молодой человек в старомодных очках неловко повернулся ко мне:

– Третья бригада сил самообороны выступила на север семь месяцев назад. И не вернулась.

– Вы сказали, что первая волна бежала от Шрайка, – заметил Хент. – А остальные?

– Ждут эвакуации, – ответил Лейн. – Все знают, что Бродяги... и войска Гегемонии... сделали с Брешией, и не хотят испытать это на себе, когда очередь дойдет до Гипериона.

– Вам известно, что ВКС разрешат эвакуацию лишь в самом крайнем случае? – поинтересовался Хент.

– Да. Но беженцам мы об этом не сообщаем. И без того бог знает, что творится. Святилище Шрайка разгромлено... толпа осадила его, кто-то пустил в ход кумулятивные плазменные снаряды, похищенные с рудников Урсы. На прошлой неделе пытались разгромить консульство и прорваться к космопорту, а в Джектауне был голодный бунт.

Хент кивнул и обратил взор к показавшейся внизу столице Гипериона. Здания были невысокие, редко выше пяти этажей. Их белые, голубые и розовые стены весело пестрели в косых лучах утреннего солнца. Заглянув через плечо Хента, я увидел невысокую гору с изваянным в склоне ликом Печального Короля Билли, грустно обозревающего долину. Берущая начало в предгорьях невидимой отсюда Уздечки река Хулай, извиваясь, пересекала центр старого города, пропадала в болотистых зарослях плотинника на юго-востоке, а потом разливалась на множество протоков, обнимая дельтой половину Верхней Гривы.

После унылой безнадежности трущоб город показался мне безлюдным и мирным, но, когда мы пошли на снижение, я заметил, что по улицам движется военная техника, а на перекрестках и в скверах стоят танки, СЛУ и зенитки. Полимерный камуфляж машин был намеренно отключен – для острастки. Чуть позже появились признаки присутствия беженцев: самодельные палатки на площадях и в переулках, тысячи спящих на тротуарах – словно серые узлы с грязным бельем, ожидающие машину у прачечной.

– Два года назад в Китсе было двести тысяч жителей, – сказал генерал-губернатор. – Теперь, с учетом трущоб, около трех с половиной миллионов.

– Я думал, на всей планете не наберется и пяти миллионов человек, – удивился Хент. – Включая местных жителей.

– Совершенно верно, – кивнул Лейн. – Теперь понимаете, почему все идет вразнос? Остальные беженцы нашли приют в других крупных городах – Порт-Романтике и Эндимионе. Фибропластовые плантации Аквилы опустели, их поглотили джунгли и огненные леса, пояса ферм, расположенные вдоль Гривы и на Девяти Хвостах, не производят продовольствия на продажу, а если и производят, не могут доставить товар потребителям – гражданская транспортная система развалилась вконец.

Хент смотрел на приближавшуюся реку.

– Что предпринимает правительство?

Тео Лейн улыбнулся:

– Вы хотите сказать, что делаю я? Ну, что ж, кризис вызревал уже года три. Первым шагом был роспуск Комитета местного самоуправления. Затем Гиперион официально включили в Протекторат. Как только исполнительная власть оказалась в моих руках, я принял меры к национализации транспортных компаний и линии дирижабельного сообщения – на скиммерах теперь летают одни военные, – а также к расформированию сил самообороны.

– К расформированию? – переспросил Хент. – А мне кажется, они бы вамгодились.

Генерал-губернатор покачал головой. Он легко, но уверенно коснулся ручки управления, и скиммер по спирали стал спускаться к центру старого Китса.

– Пусть бы они просто никуда негодились, – проговорил Лейн. – Но они были опасны. Я не особенно огорчился, когда «Третья Боевая» отправилась на север, да так и сгинула. Сразу после высадки десантников и морской пехоты я разоружил остальных головорезов из ССО. Основная масса грабежей – их рук дело. Ну вот, здесь мы поговорим и позавтракаем.

Скиммер пронесся над самой водой, описал последний круг и совершил мягкую посадку во дворе древнего строения из камня и бревен с замысловато украшенными окнами. Еще до того, как Лейн произнес название – «Цицерон», я узнал (из воспоминаний паломников) старинный ресторан, он же пивная, он же гостиница, расположенный в центре Джектауна и занимавший по девять этажей в четырех зданиях. Его балконы, причалы и крытые переходы из плотинника с одной стороны возвышались над неспешными водами реки Хулай, а с другой – над узкими улочками. «Цицерон» был старше, чем каменный лик Печального Короля Билли, а его сумрачные залы и глубокие винные погреба служили Консулу настоящим домом в годы его здешней ссылки.

Стен Левицкий встретил нас у калитки. Высокий, плотный, с лицом, таким же потемневшим и потрескавшимся от старости, как каменные стены его здания, Левицкий олицетворял собой «Цицерон» – как его отец, дед и прадед в былые времена.

– Черт возьми! – провозгласил гигант, хлопнув по спине генерал-губернатора (и фактического диктатора этого мира) с такой силой, что Тео пошатнулся. – Встали пораньше для разнообразия, дружище? Привезли друзей позавтракать? Добро пожаловать в «Цицерон»! – Огромная лапа Стена Левицкого поглотила сначала руку Хента, а затем мою с приветливостью, после которой я долго шевелил пальцами, проверяя, не сломал ли он какой-нибудь. – Или же для вас – ведь вы из Сети – уже слишком поздно? – гудел он. – Тогда выпить или пообедать?

Ли Хент, прищурившись, посмотрел на владельца ресторана.

– Откуда вам известно, что мы из Сети?

Левицкий захохотал басом, от которого флюгера на крыше завертелись волчком.

– Ха! Задача на сообразительность! Вы прилетаете сюда с Тео на рассвете – думаете, он сажает к себе в скиммер первого встречного? И к тому же вы в шерстяной одежде, а у нас тут нет овец. Вы не военные и не воротилы с плантаций... Этих я знаю! Ipso facto, вы прибыли с Сети на эскадру, а ко мне пожаловали закусить и выпить. Итак?

Тео Лейн вздохнул.

– Найди нам тихий уголок, Стен. Яичницу с беконом и соленую лососину для меня. Джентльмены?

– Только кофе, – сказал Хент.

– И мне, – сказал я. Мы шли следом за хозяином по коридорам, поднимались по лестницам, спускались по железным трапам и вновь следовали коридорами. Наконец мы остановились. Потолок показался мне еще ниже, а сам зал темнее, прокуреннее и куда симпатичнее, чем в моих снах. Несколько завсегдатаев проводили нас взглядами, но народу было меньше, чем помнилось мне по снам. Очевидно, Лейн с помощью солдат выдворил отсюда последних варваров из ССО, одно время оккупировавших «Цицерон». Мы миновали высокое узкое окно, и я заметил доказательство своей гипотезы – десантную САУ, стоявшую в переулке, и группу солдат на ее броне. Их винтовки, несомненно, были заряжены, и отнюдь не холостыми патронами.

– Здесь. – Левицкий переступил порог небольшой веранды, нависшей над самой рекой Хулай. Отсюда открывался очаровательный вид на двускатные крыши и каменные башенки Джектауна. – Домми будет через две минуты с вашим завтраком и кофе. – И гигант с проворством, изумившим нас, исчез.

Хент взглянул на свой комлог.

– Минут через сорок пять катер должен возвратиться на «Гебриды» с нами на борту. Давайте поговорим.

Лейн согласно кивнул, снял очки и потер глаза. Я догадался, что он не спал всю ночь... или несколько ночей.

– Отлично. – Он вновь нацепил очки. – Что именно желает знать госпожа Гладстон?

Хент подождал, пока коротышка с пергаментно-белой кожей и желтыми глазами, принесший наш кофе в высоких кружках и тарелку с завтраком Лейна, не удалится.

– Госпожу Гладстон интересует, какие проблемы вы считаете первоочередными, – сказал он. – А также, сколько вы сможете продержаться, если военные действия затянутся.

Лейн не торопился с ответом. Глотнув кофе, он внимательно посмотрел на Хента. Судя по вкусу, кофе был натуральный, один из лучших в Сети.

– Начнем с последнего, – сказал Лейн. – Уточните, пожалуйста, насколько могут затянуться военные действия.

– На несколько недель.

– Продержаться несколько недель – может быть. Несколько месяцев – исключено. – Генерал-губернатор принялся за лососину. – Вы видите состояние нашей экономики. Если бы не

припасы, доставляемые ВКС, голодные бунты происходили бы ежедневно, а не раз в неделю. Экспорт прекращен из-за карантина. Половина беженцев спит и видит отыскать бежавших служителей Церкви Шрайка и перебить их всех, а другая половина мечтает перейти в их веру прежде, чем Шрайк явится *за ними*.

– А вы нашли священников?

– Мы уверены, что при бомбардировке храма они уцелели, но власти не могут обнаружить их. По слухам, они бежали на север в Башню Хроноса – каменный замок над высокогорной равниной, где находятся Гробницы Времени.

Тут я мог бы поправить Лейна. Точнее, я знал лишь, что за время своего краткого пребывания в Хроносе паломники не видели священников Шрайка. Но обнаружили следы кровавого погрома.

– Что до очередности задач, – продолжал Тео Лейн, – то на первом месте, конечно же, эвакуация. Затем нужно разобраться с Бродягами. И третье – чтобы нам помогли покончить с этой кошмарной паникой из-за Шрайка.

Ли Хент откинулся на лакированную спинку стула. Из тяжелой кружки в его руках поднимался душистый пар.

– В данный момент эвакуация невозможна.

– Почему? – спросил, словно хлестнул адской плетью, Лейн.

– Госпожа Гладстон не обладает – на данный момент – достаточной политической силой, дабы убедить Сенат и Альтинг, что Сеть может принять пять миллионов беженцев...

– Чушь собачья, – немедленно отреагировал генерал-губернатор. – Только на Мауи-Обетованную после ее вступления в Протекторат нахлынуло вдвое больше туристов. И гибель уникальной экосистемы никого не обеспокоила. Высадите нас на Армагасте или любой другой пустынной планете, пока не исчезнет угроза войны.

Хент покачал головой. Его собачьи глаза смотрели еще печальнее, чем обычно.

– Дело не в снабжении, – проговорил он. – И не в политике. Дело в...

– ...Шрайке, – закончил за него Лейн и отщипнул кусочек бекона. – Шрайк – вот подлинная причина.

– Да. А также страх, что Бродяги проникнут в Сеть. – Генерал-губернатор невесело рассмеялся.

– Значит, установи вы здесь порталы, толпа трехметровых Бродяг незаметно высадится и чинно пристроится к очереди? Этого вы боитесь?

Хент отпил кофе.

– Нет, конечно, но существует реальная опасность вторжения. Каждый портал – вход в Сеть. Об этом предупреждал Консультативный Совет.

– Хорошо, – не сдавался молодой человек. – Эвакуируйте нас на кораблях. Разве не для этого сформировали первую эскадру?

– Не совсем так, – возразил Хент. – Наша цель – разгромить Бродяг, а затем сделать Гиперион полноправной частью Сети.

– А как насчет угрозы, исходящей от Шрайка?

– Она будет... нейтрализована, – ответил Хент и сделал небольшую паузу – мимо нашей веранды проходила группа мужчин и женщин. Я поднял на них глаза, потом повернулся к своим собеседникам и тут же резко обернулся. Люди уже скрылись из виду.

– Это не Мелио Арундес? – прервал я генерал-губернатора на полуслове.

– Что? Ах да, доктор Арундес. Вы знаете его, господин Северн?

Ли Хент сердито уставился на меня, но я как ни в чем не бывало ответил:

– Да, знаю. – Хотя на самом деле ни разу не встречался с Арундесом. – Что он делает на Гиперионе?

– Шесть месяцев назад его экспедиция прибыла сюда по поручению Рейхсуниверситета Фрихольма – провести дополнительные исследования Гробниц Времени.

– Но Гробницы закрыты для ученых и туристов, – возразил я.

– Верно. Однако их приборы – мы разрешали еженедельно передавать сводку их показаний по мультипередатчику консульства – уже тогда свидетельствовали об изменении антиэнтропийных полей вокруг Гробниц. В Рейхсуниверситете догадались, что эти изменения свидетельствуют о меняющемся состоянии Гробниц, и отправили сюда ведущих ученых Сети, чтобы те исследовали феномен.

– А вы не дали им разрешения, – полувопросительно-полуутвердительно заметил я.

Ответная улыбка Тео Лейна была холодной.

– Это секретарь Сената Мейна Гладстон не дала им разрешения. Запрет посещать Гробницы – прямое указание ТК-Центра. Будь моя воля, я запретил бы паломничество, а экспедиции Арундеса дал зеленую улицу! – И он снова повернулся к Хенту.

– Извините. – Я выскользнул из-за стола.

Арундеса и его коллег – трех женщин и четверых мужчин, чей облик свидетельствовал, что все они из разных миров Сети, – я нашел двумя верандами дальше. Они склонились над своими тарелками и научными комлогами, перебрасываясь настолько заумными терминами, что самый ученый талмудист умер бы от зависти.

– Доктор Арундес?

– Да? – поднял он голову. Я его видел – глазами Сола – лет двадцать назад. Сейчас он разменял седьмой десяток, но время пощадило удивительно красивый профиль, бронзовую кожу, упрямый подбородок и волнистые черные волосы. Лишь на висках проступала седина, но взгляд карих глаз был юношески ясен и пристален. Я понял, почему молодая аспирантка влюбилась в него без памяти.

– Меня зовут Джозеф Северн, – представился я. – Мы не знакомы, но я знал вашу приятельницу... Рахиль Вайнтрауб.

В следующую секунду Арундес был уже на ногах. Принося на ходу извинения своим спутникам, он повлек меня за локоть к выходу и дальше, по закоулкам «Цицерона», пока мы не нашли свободного кабинета под круглым окном, выходящим на красные черепичные крыши. Выпустив мой локоть, он смерил меня оценивающим взглядом, от которого не укрылась нездешняя одежда, потом вывернул мою руку в поисках красноречивой синевы от поульсенизации на запястьях.

– Вы слишком молоды для знакомства с ней, – резюмировал он. – Или вы знали Рахиль уже ребенком?

– Я больше знаком с ее отцом, – признался я.

Доктор Арундес перевел дух и кивнул:

– Конечно! Где Сол? Уже несколько месяцев я пытаюсь отыскать его через консульство. Власти Хеврона сообщают только, что он выехал. – Он снова смерил меня взглядом классификатора. – Вы знаете о... болезни Рахили?

– Да, – ответил я. Болезнь Мерлина заставила ее расти наоборот, каждый день и миг теряя воспоминания о прошедшем. Мелио Арундес был одним из этих потерянных воспоминаний. – Вы навещали ее пятнадцать стандартных лет назад на Мире Барнарда.

Лицо Арундеса исказила гримаса.

– Это была ошибка, – пробормотал он. – Я намеревался поговорить с Солом и Сарой. Когда я увидел ее... – Он потряс головой. – Кто вы? Вы знаете, где сейчас Сол и Рахиль? Осталось трое суток до ее дня рождения.

Я кивнул:

– Ее первого и последнего дня рождения.

Вокруг было пусто и тихо, если не считать отголосков смеха, долетающих откуда-то с нижнего этажа.

– Я здесь в командировке от правительства Сети, – сказал я. – Мне известно, что Сол Вайнтрауб с дочерью отправились к Гробницам Времени.

Арундес побледнел, будто я ударил его в солнечное сплетение.

– З-здесь, на Гиперионе? – Он резко отвернулся к окну. – Я должен был догадаться... хотя Сол всегда отказывался вернуться сюда... Но теперь, когда Сары нет... – Он во все глаза уставился на меня. – У вас есть с ним связь? С ней... с ними все в порядке?

Я отрицательно покачал головой.

– Сейчас с ними нельзя связаться ни по радио, ни через инфосферу. Я знаю только, что добрались они благополучно. Вопрос в том, что известно вам и вашей группе? Любые сведения о Гробницах могут оказаться спасительными.

Мелио Арундес запустил руку в свою шевелюру.

– Если б только они нас туда пустили! Эта проклятая идиотская, бюрократическая близорукость... Вы говорите, что имеете отношение к кабинету Гладстон. Можете ли вы им втолковать, насколько нам сейчас важно попасть туда?

– Я всего лишь посыльный, – ответил я. – Пожалуйста, объясните мне суть дела, и я попытаюсь передать эту информацию по назначению.

Большие руки Арундеса схватили что-то невидимое. Его напряжение и гнев были осязаемы.

– В течение трех лет консульство разрешало раз в неделю передавать по своему бесценному мультипередатчику данные телеметрии. Они свидетельствовали о медленном, но неуклонном распаде антиэнтропийной оболочки – приливов времени – внутри Гробниц и вокруг них, странном, противоречащем всем теориям, но постоянном. Когда распад был замечен, нам разрешили вылететь сюда. Уже полгода, как мы здесь. У нас есть данные, которые свидетельствуют, что Гробницы открываются... движутся к синхронности с «настоящим моментом», но – увы! – через четыре дня после нашего прибытия приборы смолкли. Все разом. Мы умоляли этого сукина сына Лейна, чтобы нас допустили хотя бы настроить их, заменить датчики, если уж нельзя присутствовать там лично...

Ноль реакции. Покинуть Китс не дают. Связаться с университетом не разрешают... хотя с прибытием эскадры ВКС это стало намного проще. Мы пытались отправиться вверх по реке без разрешения, но амбалы из морской пехоты перехватили нас у шлюзов Карлы и вернули назад в наручниках. Четыре недели я отсидел в тюрьме. Теперь нам дарована свобода без толку слоняться по Китсу, а если мы снова покинем пределы города, нас засадят на неопределенный срок. Можете ли вы помочь?

– Не знаю, – ответил я. – Я хочу помочь Вайнтраубам. Возможно, дело бы сильно продвинулось, попади ваша экспедиция на место. Вам известно, когда откроются Гробницы?

Физик-темпоралист мрачно развел руками.

– Будь у нас новые данные! – Он вздохнул. – Может, они уже открылись, а может, не откроются еще полгода.

– Вы употребляете слово «открыты» в обычном смысле?

– Конечно, нет! Гробницы Времени «физически» открыты для осмотра со времени их обнаружения, уже четыре стандартных века. Словом «открытие» я обозначаю момент, когда исчезнут временные завесы, скрывающие их внутренние отсеки, синхронизацию комплекса с локальным временем.

– Под «локальным» вы подразумеваете...

– Время этой Вселенной, разумеется.

– И вы уверены, что Гробницы движутся назад во времени... из нашего будущего? – спросил я.

– Назад во времени – безусловно, – уверенно ответил Арундес. – А что из нашего будущего – не могу утверждать. Мы даже не знаем наверняка, что означает «будущее» с точки зрения темпоральной физики. Возможно, это набор синусоидальных волн вероятности, или мегапоэтическое дерево вариантов, или даже...

– Но чем бы оно ни было, – перебил я его, – Гробницы Времени и Шрайк пришли оттуда?

– Гробницы Времени – наверняка, – подтвердил физик. – О Шрайке мне ничего не известно. Полагаю, это миф, не более, и его питает та же жажда сверхъестественных истин, что движет всеми религиями на свете.

– Даже после того, что случилось с Рахилью? – тихо спросил я.

Мелио Арундес гневно взглянул на меня.

– Рахиль заразилась болезнью Мерлина, и это настоящая болезнь, болезнь антиэнтропийного старения, вовсе не похожая на раны от зубов мифического чудовища.

– Раны от зубов времени не миф, – возразил я, удивившись, что так лихо орудую дешевой философией. – Но суть в другом: как поступят с Рахилью хозяева Гробниц, Шрайк или кто там еще? Вернут ли они ее в «локальный» поток времени?

Арундес кивнул и уставился мимо меня на крыши. Солнце спряталось за облака, и утро сразу поблекло, красные черепицы потускнели, заморосил дождь.

– И еще, – продолжил я, к немалому своему удивлению, – любите ли вы ее по-прежнему?

Физик медленно повернулся ко мне и буквально обжег взглядом. Я чувствовал, как мысль дать мне отпор – возможно, физически – созрела в нем, дошла до полного кипения и рассыпалась огненными искрами боли. Он залез в карман пиджака и показал мне голографию уже седеющей, но привлекательной женщины и двух молодых людей.

– Моя жена и дети, – негромко произнес Мелио Арундес. – Они ждут меня на Возрождении-Вектор. Если даже Рахиль... выздоровеет, то, когда ей исполнится столько же, сколько было к моменту нашей встречи, у меня за плечами будет уже восемьдесят два стандартных года. – Безнадежно махнув рукой, он убрал снимок в карман. – Но я по-прежнему ее люблю.

– Готовы? – нарушил тишину чей-то голос, и я увидел в дверях Хента и Тео Лейна. – Катер взлетает через десять минут, – сообщил Хент.

Поднявшись, я протянул руку Арундесу.

– Я попытаюсь, – пообещал я ему на прощание.

Генерал-губернатор Лейн отправил нас в космопорт на одном из скиммеров своей охраны, а сам вернулся в консульство. Военный скиммер был едва ли комфортабельнее личной машины дипломата, зато летел быстрее. Мы уже пристегивали ремни, прижатые к креслам защитным полем, когда Хент спросил:

– Что за дело было у вас к этому физику?

– Просто возобновил старое знакомство с незнакомым другом, – ответил я.

Хент нахмурился.

– Что вы обещали ему, когда сказали, что попытаетесь?

Катер задрожал, дернулся, и тут же рванулся вперед – стартовая катапульта зашвырнула нас в небо.

– Обещал помочь навестить больного друга, если сумею.

Хент не спускал с меня враждебного взгляда, но я вытащил блокнот и занялся набросками интерьеров «Цицерона». Я не отрывался от рисования все пятнадцать минут полета, до самой стыковки с «прыгуном».

С бьющимся сердцем я шагнул из портала на административный терминекс Дома Правительства. Еще один шаг перенес нас на галерею Сената, где Мейна Гладстон выступала перед битком набитым залом. Имиджеры и микрофоны доносили ее речь до Альтинга и сотен миллиардов напряженно внимающих граждан.

Я взглянул на свой хронометр: 10:38. Наша отлучка продлилась всего девяносто минут.

Глава двенадцатая

Здание, в котором размещался Сенат Гегемонии, больше походило на Сенат Соединенных Штатов восьмисотлетней давности, чем на величественные сооружения, воздвигнутые для руководящих органов Северо-Американской Республики или Первого Всемирного Совета. Главный зал заседаний был опоясан галереями в несколько ярусов. Он легко вмещал все три с лишним сотни сенаторов миров Сети и более семидесяти представителей колоний-протекторатов с совещательным голосом. Ковры гранатного цвета расходились лучами от центрального подиума, где обычно сидели временный председатель Сената и спикер Альтинга, а сегодня восседала сама Мейна Гладстон, глава правительства Гегемонии. Столы сенаторов были изготовлены из древесины мюира, подаренного тамплиерами Роши Богов, считавшими его священным. Свечение и аромат полированного дерева создавали в зале особую атмосферу даже сейчас, когда он был заполнен так, что яблоку негде упасть.

Мы с Ли Хентом подросли как раз к финалу. Я заказал по комлогу резюме ее выступления. Как и обычно, речь Гладстон была краткой. Не впадая ни в сюсюканье, ни в высокопарность, говоря живо и непринужденно, покоряя аудиторию оригинально построенными фразами и яркими образами, Гладстон кратко перечислила инциденты и локальные конфликты, вылившиеся в войну с Бродягами. Особо подчеркнула наше освященное веками стремление к миру – красную нить внешнеполитической стратегии Гегемонии, призвав всех и вся в Сети и Протекторате к единению перед лицом кризиса. Я стал слушать.

– ...и так сложилось, сограждане, что после ста с лишним лет мира мы еще раз оказались втянутыми в борьбу за соблюдение законных прав – прав, которые сделались фундаментом нашего общества еще до гибели нашей Матери Земли. После более чем ста лет мирного существования мы должны – скрепя сердце, не скрывая отвращения – снова взять в руки щит и меч, которые всегда помогали нам отстоять наши неотъемлемые права и общее достоинство, и вернуть мир нашим полям и городам.

Звуки труб и самозабвенная ярость – неперенный аккомпанемент всех призывов к оружию. Но мы не позволим этой лихорадке помрачить наш разум. Те, кто поддается милитаристскому угару и забывает уроки истории, сами себя карают. Им приходится испытать на собственной шкуре, что такое война, более того – их ждет гибель от меча. Не исключено, что наш путь к победе сопряжен со многими жертвами. Многих из нас ожидают жестокие испытания. Но, какие бы успехи или неудачи нам ни были суждены, прошу вас не забывать о двух чрезвычайно важных обстоятельствах. Первое: мы боремся за мир и знаем, что война никогда не станет нашим образом жизни. Она – бедствие, которое надо перетерпеть, как лихорадку в детстве, зная, что за длительным периодом боли и страданий приходит здоровье. Мир для нас – то же здоровье. И второе: мы никогда не сдадимся... никогда не сдадимся, не дрогнем, не поддадимся соблазну вернуться к комфортному существованию... не пойдем ни на какой компромисс, пока победа не будет в наших руках, враг – разбит, а мир – отвоеван. Благодарю вас.

Ли Хент, подавшись вперед, не сводил глаз с сенаторов. Почти все встали и устроили Гладстон настоящую овацию. Волна аплодисментов взлетела до потолка и рикошетом обрушилась на нас и галерею. Но некоторые остались сидеть: я видел, как Хент пересчитывал их. Иные молча скрестили руки на груди, многие открыто хмурились. Войне не было и двух дней от роду, а оппозиция уже сформировалась; во-первых, из представителей колониальных миров, которые боялись за свою безопасность, поскольку Гиперион оттянул на себя почти все войска, во-вторых, из недоброжелателей Гладстон – весьма многочисленных: нельзя же столько пробыть у власти и не взрастить два или три поколения врагов. Наконец, в оппозицию влились те из бывших сторонников Гладстон, кто считал, что война подрывает беспрецедентное процветание Гегемонии последних веков.

Я наблюдал, как она, обменявшись рукопожатиями со стариком председателем и молодым спикером, покидает подиум и идет к выходу, касаясь множества рук, отвечая на приветствия, улыбаясь своей знаменитой улыбкой. Имиджеры Альтинга сопровождали ее, и я физически ощущал, как раздувается сеть дебатов, принимая мнения и голоса миллиардов.

– Мне необходимо увидеться с госпожой Гладстон, – бросил мне Хент. – Вы в курсе, что вас пригласили на официальный обед? Сегодня вечером, в «Макушке»?

– В курсе.

Хент покачал головой: и зачем только секретарю Сената понадобилось всюду таскать меня за собой?

– Обед закончится поздно, а после него намечено совещание с командованием ВКС. Она хочет, чтобы вы были и там, и там.

– Я в вашем распоряжении, – ответил я.

Хент задержался у дверей.

– У вас есть чем заняться в Доме Правительства до обеда?

Я улыбнулся ему.

– Поработаю над эскизами портрета. Вероятно, прогуляюсь в Оленьем парке. А потом... не знаю... может быть, сосну часок.

Хент снова покачал головой и вышел.

Глава тринадцатая

Первый заряд проходит всего в метре от Кассада, разнося на куски огромный валун, который он только что миновал. Полковник мгновенно падает, укрываясь от взрывной волны. Распластавшись на песке, защищенный силовой броней и полимерным камуфляжем, Федман Кассад замирает на несколько долгих секунд. Палец его лежит на спуске универсальной винтовки, ночной визор переведен в режим поиска цели. Он слышит только одно – частый стук своего сердца. Сенсоры прочесывают горы, долину и сами Гробницы, выискивая что-нибудь теплое или движущееся. Безрезультатно. На лице полковника, скрытом черным зеркалом визора, появляется улыбка.

Он не сомневается, что неведомый стрелок промахнулся нарочно. То была стандартная реактивная граната с 18-миллиметровым патроном, и если только стрелявший не находился в десяти или более километрах отсюда, случайный промах был просто невозможен.

Кассад, выждав еще секунду, вскакивает, намереваясь укрыться за Нефритовой Гробницей, и в этот момент раздается второй выстрел. Страшный удар в грудь опрокидывает полковника навзничь.

Чертыхнувшись, он откатывается в сторону и быстро ползет ко входу в Нефритовую Гробницу. Сенсоры зорко вглядываются и вслушиваются в ночь. На этот раз стреляли обычной пулей. Следовательно, в распоряжении неведомого охотника находится универсальная десантная винтовка ВКС – такая же, как у Кассада. Более того, противник наверняка знает, что доспехи Кассада пулей не пробьешь, даже в упор. Но универсальная винтовка имеет и другие режимы стрельбы, и если на очереди боевой лазер, полковнику придется туго. Он переваливается через порог Гробницы.

Его сенсоры по-прежнему не замечают ничего теплого или движущегося, если не считать красных и желтых полос – следов паломников на тропе к Сфинксу, оставленных ими пару минут назад. Но и они тают на глазах.

С помощью оперативных имплантов Кассад производит разведку по каналам УКВ и оптической связи. Безрезультатно. Он включает максимальное увеличение, вводит поправки на ветер и песок, активирует детектор движущихся целей. Ничего крупнее насекомых. Он прочесывает окрестности радаром, эхолокатором, лидаром, надеясь засечь снайпера. Тщетно. Он выводит на тактический дисплей реконструкции двух прошлых выстрелов. Перед глазами повисают синие баллистические траектории.

Первый выстрел произведен со стороны Града Поэтов, с расстояния более четырех километров к юго-западу. Не прошло и десяти секунд, как раздался второй, из района Хрустального Монолита, то есть из глубины долины, почти с километровой дистанции. Логика подсказывает, что снайперов двое. Но Кассад готов поклясться – стрелял один. Он увеличивает масштаб изображения. Второй выстрел произведен из точки в верхней части отвесного фасада Монолита, по меньшей мере с тридцатиметровой высоты.

Кассад приподнимается и, подкрутив окуляры, глядит сквозь тьму и редящую песчано-снеговую завесу на это громадное сооружение. Ничего. В стенах – ни окон, ни щелей, вообще ни малейшего отверстия.

После бури в воздухе висят миллиарды пылинок и капелек, и только благодаря этому на какую-то долю секунды становится виден зеленый лазерный луч. Но Кассад замечает его уже *после* того, как зеленое копьё вонзается ему в грудь. Полковник откатывается назад, надеясь, что зеленые стены Гробницы ослабят следующий импульс. Сверхпроводящие волокна его доспехов трудятся вовсю, переизлучая поглощенную энергию, а тактический дисплей сообщает: стреляют со стороны Хрустального Монолита – в чем полковник, кстати, не сомневался.

Кассад чувствует в груди боль, как от укола, и, скосив глаза, видит на непробиваемом панцире пятисантиметровое круглое пятно. Капли расплавленного карбонитрида падают на пол. Будь броня на один слой тоньше, полковник был бы уже мертв, а так он всего лишь обливается потом под панцирем. Стены Гробницы, поглотившие рассеянное доспехами тепло, буквально пышут жаром. Биомониторы испуганно пищат, но ничего особенно тревожного не сообщают, датчики скафандра рапортуют о повреждениях некоторых цепей, но все это поправимо. Его винтовка по-прежнему при нем и готова к бою.

Кассад задумывается, держа палец на спуске. Гробницы – бесценные археологические памятники, уже много веков охраняемые как дар будущим поколениям, пусть даже они действительно движутся навстречу ходу времени, из будущего. Если полковник Федман Кассад принесет эти бесценные артефакты в жертву своим агрессивным инстинктам, он совершит преступление против всей Галактики.

– К дьяволу, – шепчет Кассад и поднимает винтовку.

Он поливает лазерными очередями фасад Монолита, пока расплавленный хрусталь не начинает стекать вниз. Он всаживает в здание бризантные гранаты с десятиметровым интервалом, начиная с верхних этажей. Тысячи зеркальных осколков летят в ночь и, медленно кувыряясь, опускаются на дно долины. На фасаде остаются дыры, уродливые, как провалы на месте выбитых зубов. Кассад вновь переключает оружие на когерентный световой пучок и простреливает внутренность сооружения через проломы, каждый раз ухмыляясь за своим забралом, когда вспышка озаряет очередной ярус. Кассад посылает очереди пэвов – пучков электронов высокой энергии, которые проходят через Монолит навылет и проделывают в горном склоне за ним безупречные цилиндрические скважины – четырнадцать сантиметров в диаметре и полкилометра в глубину. Потом приходит очередь осколочных гранат, которые наполняют внутренности Монолита десятками тысяч острейших иголок. И снова лазер: широкие профилированные импульсы должны ослепить любого, кого угораздит на них взглянуть. И наконец, в каждое отверстие разрушенного здания летят десятки теплочувствительных дротиков.

Кассад отползает назад, в коридор Нефритовой Гробницы, и поднимает с лица забрало. Пламя горящей башни отражается в тысячах хрустальных осколков, разбросанных по всей долине. Ветер внезапно утих, и дым столбом подпирает небо. Дюны алы от огня. Ночь вдруг наполняется мелодичным перезвоном – все новые хрустальные сосульки отламываются и падают, в то время как другие еще качаются на длинных стеклянных нитях.

Кассад выбрасывает пустые обоймы и ленты, вставляет новые и с жадностью вдыхает холодный ветер, задувающий в открытый проем. Он не тешит себя иллюзиями – неведомый снайпер наверняка ускользнул.

– Монета, – шепчет Федман Кассад и закрывает на секунду глаза.

* * *

Впервые Монета явилась Кассаду во время битвы при Азенкуре, октябрьским утром 1415 года от Рождества Христова. Поля были усеяны трупами французов и англичан, в лесу укрывались рыцари-одиночки, и один из них чуть не взял верх над Кассадом, но ему помешала невеста откуда взявшаяся высокая, коротко стриженная женщина с глазами цвета моря, которые навсегда пленили Кассада. Расправившись с противником, полковник и неведомая женщина, даже не смыв с себя крови рыцаря, любили друг друга в лесу.

Интерактивный Тактический Имитатор Олимпийской Офицерской Школы обеспечивал небывало высокую степень приближения к реальности, но призрачная любовница Кассада по имени Монета вовсе не была детищем фантопликатора. Она приходила к нему и в бытность его курсантом Олимпийской Школы, и в последующие годы, когда, усыпленный усталостью, Кассад погружался в очищающие глубины сна после реальных сражений.

Федман Кассад и тень по имени Монета любили друг друга в укромных уголках всех на свете полей брани – от Антиетама до Кум-Рияда. Никому неизвестная, никем невидимая, Монета приходила к нему, когда он стоял на часах тропическими ночами и в осажденные крепости в заснеженных русских степях. Они страстно перешептывались в снах Кассада после победы на Мауи-Обетованной и во время мучительно долгого выздоровления-воскрешения после взрыва мины-ловушки в Южной Брешии, когда он чудом остался жив. Монета была его единственной любовью, нет, больше – всепобеждающей страстью, замешенной на запахе крови и пороха, вкусе напалма, нежных женских губ и горелого мяса.

А потом был Гиперион.

Санитарный корабль, на котором полуживого Кассада эвакуировали с Брешии, атаковали факельщики Бродяг. Уцелел один Кассад – он захватил вражеский катер и кое-как сел на Гиперион – на бесплодную высокогорную равнину за Уздечкой в Экве. В долину Гробниц Времени. В царство Шрайка.

И там его ждала Монета. И снова они любили друг друга, а когда Бродяги погнались за ним, чтобы захватить ускользнувшего от них пленника, Кассад и Монета – и явившийся им на помощь полупризрачный Шрайк – уничтожили десантные катера и перебили всех солдат противника. Полковник Федман Кассад, рожденный в трущобах Фарсиды, сын, внук и правнук беженцев, гражданин Марса до мозга костей, испытал в тот день мгновение полного и абсолютного блаженства. Защищенный силой времени вместо доспехов, он скользил невидимкой среди врагов, разя направо и налево, как божество насильственной смерти. Такое могущество не снилось никому и никогда.

Но после той кровавой бани Монета вдруг обернулась чудовищем прямо в его объятиях. Или Шрайк занял ее место? Кассад не мог припомнить деталей и вообще хотел бы забыть все раз и навсегда, если бы от этого не зависела его жизнь.

Он знал, что вернулся отыскать Шрайка и убить его. Отыскать Монету и убить ее. Убить Монету? В этом он не был уверен. Полковник Федман Кассад знал только, что неистовые страсти его неистовой жизни привели его сюда, именно в это место и именно в этот момент. И если здесь его ждет смерть, так тому и быть. А если его ждут любовь, слава и победа, от которых содрогнется Валгалла, так тому и быть.

Кассад опускает забрало, поднимается на ноги и с громким криком выбегает из Нефритовой Гробницы. Его винтовка выбрасывает десяток дымовых шашек и металлическое конфетти, сбивающие с толку радары, но это прикрытие не слишком надежно, а бежать придется долго. Неведомый стрелок ведет огонь с башни Монолита: на пути Кассада поднимаются фонтанчики от пуль, взрываются гранаты, но полковник продвигается перебежками от дюны к дюне, от одной груды камней к другой.

По шлему и панцирю барабанят осколки. Забрало трескается, загорается сигнал тревоги. Кассад отключает тактические дисплеи, оставив лишь ночной визор. Сверхтвердые пули бьют его в плечо и колено. Кассад теряет равновесие и падает. Силовые доспехи становятся жесткими, вновь обретают гибкость, и Кассад тут же вскакивает. Он бежит, чувствуя, как под броней набухают кровоподтеки. «Хамелеонова кожа» выбивается из сил, подлаживаясь под фантастический пейзаж вокруг: тьма, пламя, пески, расплавленный хрусталь и горящие камни.

До Монолита еще метров пятьдесят. Лазерные плети вонзаются в дюны справа и слева от Кассада, обращая песок в стекло. Световые клещи зажимают его – так быстро, что самое ловкое существо не успело бы увернуться: устав забавляться с добычей, они вонзаются в нее, обжигая сердце, голову и пах жаром тысячи солнц. Его доспехи сияют, как зеркало, с каждой микросекундой меняя частоту под стать капризным цветам атаки. Вокруг Кассада мерцает нимб из перегретого пара. Микроцепи трещат от перегрузки, рассеивая тепло и поддерживая вокруг тела тонюсенькую оболочку силового поля.

Одним броском полковник преодолевает последние двадцать метров и, включив реактивный ранец, перепрыгивает через груды оплавленного хрусталя.

Вокруг беспрестанно гремят взрывы, то сбивая его с ног, то подбрасывая в воздух. Доспехи Кассада окаменели; он беспомощен, как кукла, которой перебрасываются огненные великаны.

Внезапно обстрел прекращается. Кассад отрывается от земли, пробует встать. Смотрит на фасад Хрустального Монолита – пламя и дыры, дыры и пламя. Забрало треснуло, визор почти ослеп. Кассад поднимает его с лица, вдыхает дымный и наэлектризованный воздух и входит в Гробницу.

Импланты рапортуют, что паломники вызывают к нему по всем каналам связи. Он отключает их и снимает шлем. Перед ним тьма.

Внутри Монолит представляет собой помещение без перегородок – большое, сумрачное. В середине потолка открывается вертикальная шахта. Запрокинув голову, он видит разбитую стеклянную крышу, до которой метров сто. На десятом этаже, на высоте шестидесяти метров, его ожидают – отчетливый темный силуэт на фоне пламени.

Кассад вешает винтовку на плечо, сует шлем под мышку и, обнаружив в центре шахты широкую винтовую лестницу, начинает подниматься.

Глава четырнадцатая

– Ну как, удалось поспать? – спрашивает Ли Хент, когда мы выходим на терминекс «Макушки».

– Да.

– Надеюсь, сны были приятные? – Хент не скрывает сарказма по отношению к тем, кто смеет отсыпаться, пока живые шестерни и рычаги государства честно трудятся.

– Не особенно, – машинально отвечаю я, оглядываясь по сторонам.

Мы поднимаемся по широкой лестнице к банкетным площадкам.

В Сети, где любой город любой провинции любой страны на любом континенте мог похвастаться четырехзвездочным рестораном, где насчитывались миллионы настоящих, а не самозванных гурманов, а желудки были избалованы экзотическими яствами двухсот планет, даже в пресыщенной шедеврами гениальных кулинаров и выдающихся ресторанов Сети «Макушка» не имела себе равных.

Устроенная на вершине одного из дюжины наивысочайших деревьев Рощи Богов – планеты древесных великанов, «Макушка» занимала несколько акров на ветвях, висящих в полумиле над поверхностью земли. Четырехметровой ширины лестница, по которой сейчас поднимались мы с Хентом, казалась совсем узенькой на фоне циклопических ветвей шириной в проспект, листьев величиной с парус и самого ствола, виднеющегося сквозь густую листву, – отвесной морщинистой громадины, рядом с которой иные горы показались бы песочными куличиками. На верхних террасах «Макушки» было два десятка обеденных площадок, и чем выше располагалась площадка, тем большим богатством, связями и властью обладали ее посетители. Главное – властью. В обществе, где миллиардным состоянием никого не удивишь, где ленч в «Макушке» стоил тысячу марок и все-таки был по карману миллионам граждан, решающим мерилом положения в обществе была власть – валюта, никогда не выходящая из моды.

Сегодняшнее сборище оккупировало верхнюю палубу – широкую, закругленную площадку из плотинника (по мюиру ходить нельзя), откуда открывался великолепный вид: бледнеющее лимонное небо, бескрайнее море деревьев внизу, простирающееся до горизонта, и теплые оранжевые огни хижин и молельных домов тамплиеров, просвечивающие сквозь зеленые и янтарные стены колышущейся листвы. На обеде присутствовало человек шестьдесят; я узнал сенатора Колчева, чья седая грива блеснула в свете японских фонариков, советника Альбедро, генерала Морпурго, адмирала Сингха, временного председателя Денцель-Хайят-Амина, спикера Альтинга Гиббонса, еще десять – двенадцать сенаторов из таких могущественных миров, как Седьмая Дракона, Денеб-III, Нордхольм, Фудзи, оба Возрождения, Метакса, Мауи-Обетованная, Хеврон, Новая Земля и Иксион, а также кое-каких политиков рангом пониже. Мелькнул перформист Спенсер Рейнольдс, неотразимый красавец во фраке рыжего бархата. Других художников я что-то не заметил, но Тирену Вингрэн-Фейф увидел издалека. Эта меценатка с издательским прошлым по-прежнему выделялась в толпе. Ее платье было сшито из тысяч тончайших кожаных лепестков, иссиня-черные волосы вздымались к небесам высокой лепной волной, но ни наряд от Тедекая, ни ультрамодный макияж не вызывали былого сердцебиения; каких-нибудь полвека назад ее внешний вид производил куда более сильное впечатление. Я двинулся к ней сквозь концентрические толпы гостей, бродивших от бара к бару в ожидании сигнала «Кушать подано!».

– Джозеф, бесценный! – вскричала госпожа Вингрэн-Фейф, когда я преодолел последние несколько ярдов. – Каким ветром тебя занесло на эту нудятину?

Я улыбнулся и предложил ей бокал шампанского. Престарелая королева литературного бомонда познакомилась со мной во время прошлогодней Недели Искусств на Эсперансе, а удостоился я этой чести лишь благодаря дружбе с такими суперзвездами Сети, как Салмад Брюи

III, Миллон Де-Га-Фре и Рифмер Корбе. Тирена была упрямым динозавром, ни в какую не желавшим вымирать. Если бы не косметика, ее запястья, ладони и шея светились бы голубым от многократных курсов поульсенизации. Проводя десятки лет в межзвездных круизах на суб-световых кораблях или в безумно дорогих криогенных усыпальницах на безымянных элитарных курортах, Тирена Вингрэн-Фейф тем не менее крепко держала вожжи светской жизни и не собиралась ослаблять своей железной хватки. После каждого двадцатилетнего сна состояние ее многократно возрастало, а ореол вокруг ее имени сиял еще ослепительней.

– Ты по-прежнему сидишь на той планетке, где мы встретились? – спросила она.

– На Эсперансе? – Я знал, что ей известен адрес любого стоящего художника этого ни гроша не стоящего мира. – Нет, сейчас я, похоже, перебрался на ТКЦ.

Госпожа Вингрэн-Фейф поморщилась. Я чувствовал на себе пристальные взгляды десятка зевак из ее свиты, пытающихся определить, что за юный нахал просочился на внутреннюю орбиту их повелительницы.

– Ужасно, – протянула Тирена, – что тебе приходится жить на планете дельцов и бюрократов. Хотя бы они отвязались от тебя поскорее!

Я провозгласил тост в ее честь.

– Да, кстати, давно хотел спросить: правда ли, что вы были редактором у Мартина Силена?

Престарелая королева отняла от губ бокал и устремила на меня ледяной взгляд. На секунду я вообразил себе противостояние Мейны Гладстон и этой дамы. Внутренне содрогнувшись, я ждал ответа.

– Мой дорогой мальчик, – она чуть понизила голос, – это такая старая история. Зачем забивать твою очаровательную голову какими-то давно забытыми пустяками?

– Я интересуюсь Силеном, – сказал я. – Его поэзией. И мне просто любопытно, поддерживаете ли вы с ним связь.

– Джозеф, Джозеф, Джозеф! – воскликнула госпожа Вингрэн-Фейф. – О бедном Мартине давным-давно ничего не слышно. Увы, бедняга, вероятно, давно превратился в окаменелость!

Я не стал напоминать Тирене, что в бытность ее редактором Силена поэт был намного моложе ее.

– Странно, что ты вспомнил о нем, – продолжала она. – Моя старая фирма, «Транслайн», недавно заявила, что собирается издать кое-какие вещи Мартина. Не знаю только, связывалась ли она с его наследниками.

– Книжки из цикла «Умирающая Земля»? – Я вспомнил о ностальгических романах из жизни Старой Земли, которые так хорошо продавались.

– Как ни странно, нет. По-моему, они собирались опубликовать «Песни», – усмехнулась Тирена. В руках у нее оказалась сигарета с марихуаной в длинном мундштуке черного дерева. Какой-то юнец из ее свиты поспешил поднести ей зажигалку. – Сверхстранный выбор, – произнесла она, затягиваясь, – если вспомнить, что, пока бедный Мартин был жив, никто не удостоился даже прочесть «Песни». Да уж, я всегда говорила: ничто так не способствует карьере творца, как немножко смерти и безвестности. – Она засмеялась: смех ее напоминал скрежет металла о камень. Свита засмеялась вместе с ней.

– Вам не мешало бы выяснить, жив Силен или нет, – заметил я. – «Песни» читались бы лучше, будь они закончены.

Тирена Вингрэн-Фейф посмотрела на меня как-то странно. Раздался звон гонга, призывающий к обеду. Спенсер Рейнольдс взял гранд-даму под руку, и гости начали подниматься по последней лестнице к звездам. Я молча допил свой бокал, оставил его на перилах и пошел догонять стадо.

Секретарь Сената и ее ближайшие помощники прибыли вскоре после того, как все расселись. Гладстон произнесла краткую речь, – возможно, двадцатую за сегодня, если не считать утреннего обращения к Сенату и гражданам Сети. Первоначальным поводом для нашего обеда было чествование участников создания Фонда Помощи Армагасту, но Гладстон вскоре перевела разговор на войну и необходимость действовать энергично и эффективно, в обстановке всеобщего единения, которому должны способствовать руководители всех миров Сети.

Пока она выступала, я смотрел вдаль, на мир за перилами. Лимонная позолота уже осыпалась, небеса окрасились в приглушенный шафрановый цвет и вскоре померкли; надвинулась почти тропическая тьма, такая густая, что, казалось, на небо набросили плотную синюю завесу. В этих широтах из шести небольших лун Рощи Богов видны только пять, и все они, кроме одной, неслись сейчас по небу. Высыпали звезды. Насыщенный кислородом воздух опьянял, как вино. Густой аромат влажных листьев напомнил мне об утренней поездке на Гиперион. Но, в отличие от Гипериона, на Роще Богов были запрещены ТМП, скиммеры и какие бы то ни было летательные аппараты, так что нефтехимические выделения или отработанные газы из термоядерных батарей никогда не загрязняли эти небеса, а из-за отсутствия городов, автострад и электрического освещения звезды казались такими ясными и яркими, что могли соперничать с японскими фонариками и люм-шарами на ветвях и перилах «Макушки».

После заката снова подул слабый ветер, и все дерево пришло в движение. Широкая платформа плавно покачивалась, как корабль на легкой волне, и стойки и опоры из плотинника и мюира тихо поскрипывали. Я смотрел на огни, мерцающие в кронах дальних деревьев: многие из них горели в «комнатах», которые тамплиеры сдавали в аренду. Такую комнату можно было присоединить к своему мультимировому нуль-дворцу... если, конечно, найдется лишний миллион марок – начальный взнос за этот восхитительный каприз.

Тамплиеры, не утруждая себя повседневной рутинной, просто предъявляли арендным фирмам (в том числе и той, что управляла «Макушкой») строгие, не подлежащие обсуждению экологические требования и исправно клали в карман миллиарды марок. Я вспомнил об их межзвездном пассажирском лайнере «Иггдрасиль», дереве километровой высоты из священного леса планеты, приводимом в движение генераторами Хоукинга и защищенном самыми сложными силовыми экранами, какие только мог унести на себе корабль. По каким-то непонятным причинам тамплиеры согласились предоставить «Иггдрасиль» для эвакуации, хотя та была не более чем предложением для ввода в систему Гипериона кораблей ВКС.

И как всегда бывает, когда бесценные вещи зачем-то подвергают опасности, «Иггдрасиль» погиб. Случилось ли это в результате нападения Бродяг или вмешалась какая-то иная сила? Никто не знал, как реагировали на это тамплиеры, что заставило их подставить под удар одно из четырех имевшихся у них Древ и почему капитан корабля – Хет Мастин – был избран одним из семи паломников к Шрайку, а затем умудрился исчезнуть из ветровоза посреди Травяного моря.

Чертовски много вопросов, а война только началась.

Закончив свои наставления, Мейна Гладстон предложила всем насладиться обедом. Я немного поаплодировал для приличия и сделал стюарду знак наполнить мой бокал. На первое подали классический салат а-ля империя, и я с энтузиазмом принялся за него, только сейчас вспомнив, что ничего не ел с самого утра. Вспомнил я и то, как генерал-губернатор Тео Лейн смаковал яичницу с беконом и лососину под аккомпанемент лазурного гиперионовского дождя. А может, я видел все это во сне?

– Что вы думаете о войне, господин Северн? – внезапно обратился ко мне Рейнольдс. Он сидел довольно далеко от меня, на противоположной стороне стола, но дикция у него была великолепная. Я заметил, что Тирена вопросительно подняла бровь.

– А что можно думать о войне? – сказал я, отпив из бокала. Вино было хорошее, хотя ничто в Сети не может заменить настоящего французского бордо. – О войне не рассуждают – от нее спасаются.

– Отнюдь нет, – энергично возразил Рейнольдс. – Подобно многим другим вещам, которые были переосмыслены человечеством после Хиджры, война сейчас стоит на пороге превращения в один из видов искусства.

– Вид искусства, – восхищенно выдохнула коротко стриженная шатенка. Инфосфера подсказала, что это госпожа Сюдетта Шер, жена сенатора Габриэля-Федора Колчева и самостоятельная политическая фигура первого ранга. Шер была в вечернем платье из синей парчи. Ее лицо выражало живой интерес к беседе. – Война как вид искусства, господин Рейнольдс? Очаровательная концепция!

Спенсер Рейнольдс был чуть ниже среднего жителя Сети, но намного импозантнее. Ласковое солнце и патентованная краска для тела придали коже бронзовый оттенок с неуловимым золотым отливом. Его одежда и паректированная фигура были в меру роскошными, но без тени экстравагантности, кудрявые волосы – коротко подстрижены. В любом его слове и движении сквозила та спокойная уверенность в себе, о которой мечтают все, но добиваются лишь избранные. Его ум был очевиден, внимание к другим – неподдельным, остроумие вошло в поговорки.

Я невзлюбил этого сукина сына с первого взгляда.

– Госпожа Шер, господин Северн – искусством является все, – улыбнулся Рейнольдс. – Либо вот-вот станет им. Миновали времена, когда война считалась актом навязывания своей политики другими средствами.

– Дипломатии, – произнес генерал Морпурго, сосед Рейнольдса слева.

– Простите, генерал?..

– Дипломатии, – повторил тот. – И не «навязывания», а «продолжения».

Спенсер Рейнольдс учтиво поклонился. Сюдетта Шер и Тирена негромко рассмеялись. Лик советника Альбедро выглянул из-за моего левого плеча и произнес:

– Фон Клаузевиц, по-моему?

Я взглянул на советника. Портативный проектор, легко сошедший бы за лучистую паутину – их много летало между ветвями, – парил в двух метрах над нами. Иллюзия была не такой совершенной, как в Доме Правительства, но гораздо лучше, чем от любого из виденных мною ранее голопроекторов.

Генерал Морпурго слегка поклонился представителю Техно-Центра.

– Как бы то ни было, – заметила Шер, – сам взгляд на войну как на вид искусства, блестящая находка.

Я покончил с салатом, и официант проворно подал незнакомый мне темно-серый суп. От него поднимался пар с легким ароматом корицы и моря. Восхитительное блюдо.

– Война – благодатный материал для самовыражения творческой личности. – Рейнольдс взмахнул вилкой для салата, как дирижер палочкой. – Я не имею в виду... гм... ремесленников, вызубривших так называемую военную науку. – Он с улыбкой покосился на Морпурго и офицера ВКС – его соседа, разом вычеркнув обоих из списка творцов. – Только тот, кто готов заглянуть за бюрократические барьеры тактики, стратегии и замшелой воли к победе, может использовать столь сложный материал, как война, с должным изяществом.

– Как вы сказали? Замшелая воля к победе? – переспросил сосед Морпурго.

Инфосфера шепнула, что это капитан 3-го ранга Вильям Аджунта Ли, герой Островной войны на Мауи-Обетованной. Он выглядел молодо – лет на пятьдесят пять, – а его звание навело на мысль, что своей молодостью он обязан долгим межзвездным перелетам, а никак не Поульсену.

– Конечно, замшелая! – рассмеялся Рейнольдс. – Уж не думаете ли вы, что скульптор хочет победить глину? Разве художник атакует холст? И если уж на то пошло, разве орел или царь-ястреб сражаются с небом?

– Орлы вымерли, – проворчал Морпурго. – Может, и зря они не сражались с небом. Оно их предало.

Рейнольдс снова повернулся ко мне. Официант уже убрал его недоеденный салат и поставил перед ним тарелку с таким же, как у меня, темно-серым супом.

– Господин Северн, вы художник... во всяком случае, иллюстратор, – сказал он. – Помогите мне объяснить этим людям, что я имею в виду.

– Я не знаю, что вы имеете в виду. – Ожидая следующего блюда, я постучал по своему бокалу. Его немедленно наполнили. С другого конца стола, где сидели Гладстон, Хент и руководители благотворительного фонда, донесся взрыв смеха.

Спенсер Рейнольдс ничуть не удивился моему невежеству.

– Для того чтобы наш вид смог достичь подлинного сатори и мы поднялись на следующую ступень духовной эволюции, которую предвещают наши философы, – для этого все грани человеческой деятельности должны быть пронизаны волей к эстетическому совершенству, – самозабвенно вещал художник.

Генерал Морпурго, осушив залпом бокал, проворчал:

– Это что же, касается и таких плотских потребностей, как еда, размножение и избавление от экскрементов? Я правильно понял?

– Именно! Таких потребностей – прежде всего! – воскликнул Рейнольдс. Он развел руки, как бы поднося собравшимся длинный стол со всеми его яствами и чудесами. – То, что вы здесь видите – животная потребность превращения мертвых органических соединений в энергию, низменный акт поглощения чужой жизни, но «Макушка» преобразила это в искусство! Размножение тоже превратилось из разнузданного животного процесса в танцевальные па. Разумеется, для цивилизованных людей. И экскреция должна стать поэзией!

– Непременно вспомню об этом, когда в следующий раз пойду поспать, – в полный голос заявил Морпурго.

Тирена Вингрен-Фейф с приглушенным смешком обернулась к своему соседу справа – мужчине в красном и черном.

– Монсеньор, ваша церковь... католическая, раннехристианская, не так ли? Нет ли у вас какой-нибудь очаровательной древней доктрины о том, чего достигнет человечество в процессе эволюции?

Мы все повернулись и посмотрели на небольшого мужчину в черной сутане и странной маленькой шапочке. Монсеньор Эдуард, представитель почти забытой раннехристианской секты, прозябающей ныне на Пасеме и нескольких колониальных планетах, попал в число гостей благодаря своему участию в программе помощи Армагасту и до сих пор тихо работал ложкой.

– О да, – сказал он, и на его морщинистом лице появилось слегка удивленное выражение. – В учении Святого Тейяра рассматривается эволюция к точке Омега.

– Аналогична ли точка Омега идее практического сатори наших дзен-гностиков? – спросила Сюдетта Шер.

Монсеньор Эдуард тоскливо взглянул на свой суп.

– Нет, не совсем, – терпеливо ответил он. – Святой Тейяр считал, что все живые создания, все уровни органического разума есть звенья предопределенной свыше эволюции к окончательному слиянию с Божеством. – Тут он слегка нахмурился. – За прошедшие восемь веков идеи Тейяра подвергались переосмыслению, но основополагающая мысль – что мы рассматриваем Иисуса Христа как пример воплощения искомого высшего сознания в человеческой плоскости... – осталась прежней.

Я кашлянул:

– Гипотеза Тейяра получила дальнейшее развитие в трудах иезуита Поля Дюре, не так ли?

Монсеньор Эдуард окинул меня внимательным взглядом. На его печальном лице появилось недоумение.

– Конечно же, да, – ответил он. – Но я, признаюсь, никак не ожидал встретить здесь кого-то знакомого с трудами отца Дюре.

Я смотрел в глаза человека, который оставался другом Дюре, даже когда сослал его на Гиперион за отступничество. Я вспомнил о другом беженце из Нового Ватикана, молодом Ленаре Хойте, который лежит сейчас мертвый в ледяной Гробнице Времени, пока паразиты-крестоформы, несущие в себе искалеченные ДНК отца Дюре и самого Хойта, продолжают свой кощунственный труд по их воскрешению. Как вписываются эти исчадия ада в идеи Тейяра и Дюре о неизбежном светлом движении к Божеству?

Тут Спенсер Рейнольдс, вероятно, решил, что не стоит выпускать нить разговора из своих красивых рук.

– Дело в том, – сказал он, и его звучный, хорошо поставленный голос перекрыл оживленную беседу в средней части стола, – что война, подобно религии или любой другой всеохватывающей человеческой деятельности, должна оставить свою инфантильную озабоченность буквалистским соответствием предмету, который выражается в рабской одержимости так называемой целью, и наслаждаться всецело эстетической стороной явления. Теперь о моем собственном, самом последнем проекте...

– А какова цель вашего культа, монсеньор Эдуард? – вырвала нить разговора из рук Рейнольдса Тирена Вингрэн-Фейф. Она проделала это играючи, не повышая голоса и не отводя взгляда от лица священника.

– Помочь человечеству познать Бога и служить ему, – тихо ответил тот и принялся шумно доедать свой суп. Покончив с ним, старичок посмотрел на советника Альбеда, ища у него поддержки.

– Я слышал, советник, что Техно-Центр преследует до странного аналогичную цель. Правда ли, что вы пытаетесь создать своего собственного Бога?

Улыбка Альбеда была рассчитана идеально: она выглядела дружеской без малейших признаков фамильярности или снисходительности.

– Не секрет, что Центр давно работает над созданием хотя бы теоретической модели так называемого искусственного интеллекта, намного превосходящего наши скромные способности. – Он взмахнул рукой. – Но вряд ли это можно рассматривать как попытку создания Бога, монсеньор. Вернее видеть в этом экспериментальный проект, развивающий гипотезы ваших Святого Тейяра и отца Дюре.

– Но вы все же надеетесь, что сумеете довести вашу собственную эволюцию до уровня этого сверхсознания? – спросил капитан Ли, герой морских сражений, внимательно вслушивавшийся в разговор. – Можно ли сконструировать высший разум, как мы когда-то сконструировали ваших примитивных предков из кремния и микрочипов?

Альбеда рассмеялся.

– Боюсь, будет не столь грандиозно. И не столь просто. И когда вы употребляете слово «вы», капитан, не забывайте, пожалуйста, что моя личность – лишь капля в море разнообразных разумов, столь же пестром, как общество людей на этой планете... и тем более во всей Сети. Техно-Центр – не монолит. Как всякая плюралистическая цивилизация, он может похвастаться множеством философий, учений, гипотез, даже религий, если угодно. – Альбеда скрестил руки на груди, будто смакуя пришедшую на ум остроту. – Хотя лично я склонен воспринимать охоту за Высшим Разумом как хобби, а не как религию. Это все равно что собирать кораблик внутри бутылки, капитан, или спорить, сколько ангелов уместится на острие иглы, – и Альбеда взглянул на монсеньора.

Все вежливо рассмеялись – все, кроме Рейнольдса, который непроизвольно хмурился, очевидно, размышляя, как бы снова перехватить нить разговора.

– А что вы скажете о слухах, будто в процессе работы над Высшим Разумом Техно-Центр создал точную копию Старой Земли? – выложил вдруг я, сам себе на удивление.

Улыбка на лице Альбеде не померкла, дружелюбная искра в глазах не погасла, но на какую-то долю наносекунды сквозь призрачный лик советника проглянуло ЧТО-ТО. Что? Удивление? Гнев? Насмешка? Ума не приложу. За эту бесконечную секунду он мог тайно связаться со мной, передать колоссальный объем информации через пуповину, соединяющую меня с Техно-Центром, или по невидимым каналам, зарезервированным нами для собственных нужд в лабиринтах инфосферы, которые люди наивно считают прямыми коридорами. И с той же самой легкостью он мог убить меня, отдав приказ тем членам Техно-пантеона, которые распоряжаются жизнями мне подобных так же просто, как директор института приказывает лаборанту усыпить ненужную для эксперимента мышь.

Разговоры за столом стихли сами собой. Даже Мейна Гладстон и ее высокие гости все как один повернули головы в нашу сторону.

Советник Альбеде еще шире улыбнулся.

– Какая дивная нелепица! Скажите, господин Северн, может ли кто-нибудь, в особенности такой организм, как Техно-Центр, который ваши комментаторы именуют «шайкой бестелесных мозгов и прибудных программ, что дезертировали из своих плат и занимаются выковыриванием интеллектуального мусора из своих несуществующих пупков...» Так вот, может ли кто-нибудь создать точную копию Старой Земли?

Я посмотрел на проекцию – *сквозь* проекцию, – впервые заметив, что тарелки и еда Альбеде тоже были иллюзией: разговаривая, он не переставал жевать.

– Кроме того, – продолжал он, очевидно, сильно позабавленный моим простодушием, – не приходило ли на ум сочинителям этой басни, что «точной копией Старой Земли» может быть разве что сама Старая Земля во всех ее проявлениях? И как, скажите на милость, можно использовать подобный артефакт в работе над расширением теоретических возможностей матрицы искусственного разума?

Когда стало ясно, что отвечать я не собираюсь, над столом повисло неловкое молчание.

Монсеньор Эдуард прокашлялся.

– Думается, – сказал он, – что... э-э... общество, способное создать точную копию любого мира, в особенности мира, уничтоженного четыре века назад, не нуждается в Боге; оно само было бы Богом.

– Совершенно верно! – рассмеялся советник Альбеде. – Да, глупые слухи, но восхитительные... просто восхитительные!

Все облегченно рассмеялись, возобновился прежний шум. Спенсер Рейнольдс заговорил о своем новейшем замысле – он мечтал уговорить самоубийц организовано прыгать с высоких мостов на двадцати мирах Сети с трансляцией перформанса по Альтингу, – но Тирена Вингрэн-Фейф снова привлекла к себе внимание, обняв монсеньора Эдуарда и зазывая его на нудистскую вечеринку в своем плавающем поместье на Безбрежном Море.

Я встретился глазами с советником Альбеде и отвернулся – как раз вовремя, чтобы перехватить вопросительные взгляды Ли Хента и Мейны Гладстон. К счастью, в этот момент официанты внесли на серебряных тарелках очередную смену блюд.

Обед был превосходный.

Глава пятнадцатая

Я не пошел на Тиренину нудистскую вечеринку. Не пошел туда и Спенсер Рейнольдс – я видел его оживленно беседующим с Сюдеттой Шер. Не знаю, правда, поддался ли на уговоры Тирены монсеньор Эдуард.

Обед близился к концу. Члены правления благотворительного фонда произносили один за другим короткие речи. Остальные важные персоны уже начинали шуршать салфетками, когда Ли Хент шепнул мне, что секретарь Сената со свитой собирается удалиться и просит меня сопровождать ее.

Было почти 23:00 по стандартному, и я рассудил, что Гладстон возвращается в Дом Правительства. Каково же было мое удивление, когда, пройдя сквозь одноразовый портал – я замыкал шествие вместе с телохранителями-преторианцами, – я оказался в коридоре между каменными стенами. В высоких окнах пламенела марсианская заря.

Формально Марс не входит в состав Сети: доступ на древнейшую внеземную колонию человечества преднамеренно затруднен. Дзен-гностики – паломники, отправляющиеся к Скале Мастера в Море Эллады, – должны транспортироваться на станцию «Старая Родина» и там пересаживаться на челноки, курсирующие между Ганимедом, Европой и Марсом. Это занимает несколько часов, не больше, но в обществе, где до любого уголка Вселенной буквально рукой подать, такое путешествие считается великой жертвой, опасным приключением. Помимо историков и специалистов по коньячным кактусам, мало кто решается на него. И ряды паломников ныне, во времена упадка дзен-гностицизма, значительно поредели. Марс никому больше не нужен.

Никому, кроме ВКС. Хотя штабные учреждения находятся на ТКЦ, а базы разбросаны по всей Сети и Протекторату, подлинным домом для военных остается Марс. А Олимпийская Офицерская Школа – его сердце.

На встречу с нашей группой политических шишек собралась группа шишек военных. И пока эти группы перемешивались, как столкнувшиеся галактики, я отошел к окну.

Коридор был частью комплекса, выдолбленного в стене кратера горы Олимп, и с десятильной высоты моего наблюдательного пункта чудилось, что одним взглядом обнимаешь полпланеты. Отсюда Марс представлялся древним вулканическим щитом. Высота, как жезл фокусника, превратила подъездные дороги, прилепившийся к горному склону старый город, трущобы и леса плато Фарсида в точки и закорючки на красной равнине, неизменной со времени, когда первый человек ступил на эту планету, объявил ее собственностью страны под названием Япония и щелкнул затвором фотоаппарата.

Я смотрел, как поднимается маленькое солнце, думая: «Так вот оно – Солнце», любясь умопомрачительной игрой света на облаках, которые тяжело выползали из темноты и карабкались по крутому склону, когда ко мне подошел Ли Хент.

– Госпожа секретарь Сената примет вас после совещания. – Он передал мне два альбома для эскизов, за которыми кто-то из помощников Гладстон слетал в Дом Правительства. – Надеюсь, вы понимаете, что все увиденное вами на этом совещании совершенно секретно?

Я понял: это приказ, а не вопрос.

Широкие бронзовые двери распахнулись. Зажглись светильники, озарив пандус и лестницу с ковровой дорожкой, ведущие к столу Военного Кабинета. Он стоял на единственном островке света посреди просторного, погруженного во тьму помещения, напоминающего большую университетскую аудиторию. К столу ринулись адъютанты: проворно отодвигая стулья, они указали своим начальникам места и вновь слились с темнотой. Скрепя сердце я повернулся спиной к восходящему солнцу Марса и спустился вслед за остальными в эту яму.

Совещание вели генерал Морпурго и тройка командующих ВКС. Здешние наглядные пособия ушли на несколько световых лет вперед от примитивных панелей и голограмм Дома Правительства. Мы оказались в огромном планетарии, способном при необходимости вместить не менее восьми тысяч студентов и преподавателей. Тьма под куполом мгновенно озарилась высокочеткими голограммами и схемами величиной с ноль-больное поле. В этом было что-то жуткое.

Содержание сообщений пугало не меньше, чем антураж.

– Еще чуть-чуть, и мы проиграем битву за Гиперион, – сухо заключил Морпурго. – В лучшем случае мы добьемся ничьей, если сумеем удержать Рой за пределами стратегического района, то есть в радиусе пяти астроединиц от сингулярной сферы ноль-канала. Причем нам придется постоянно отражать атаки их малых кораблей. В худшем – будем вынуждены отступить на оборонительные позиции и произвести эвакуацию флота и граждан Гегемонии, а Гиперион отдать Бродягам.

– А где же обещанный сокрушительный удар? – спросил сенатор Колчев, сидевший во главе ромбообразного стола. – Где ваша «решительная атака» на Рой?

Морпурго откашлялся, будто собирался ответить, и взглянул на адмирала Наситу. Тот встал. Казалось, хмурое лицо адмирала парит в темноте отдельно от его тела – на нем был черный мундир, сливающийся с темнотой зала. Это мне напомнило... Но я не стал вспоминать что. Я предпочел перевести взгляд на лицо Мейны Гладстон, подсвеченное сиянием карт и диаграмм, паривших над нашими головами, как объемная разноцветная тень дамоклова меча. Бумажный альбом мне надоел, и теперь я водил пером по складной демонстрационной панели.

– Во-первых, наши разведданные о Роях оказались скудными по нашей вине, – начал Насита. Под куполом тут же вспыхнули новые графики. – Зонды-разведчики и станции слежения не могли идентифицировать каждую единицу кочевого флота Бродяг. В результате реальная боевая мощь данного Роя была серьезно недооценена. Наши попытки прорвать их оборону с использованием палубных истребителей и факельщиков оказались не столь успешными, как ожидалось.

Во-вторых, необходимость сохранять чрезвычайно протяженный оборонительный периметр системы Гипериона легла тяжким грузом на обе наши эскадры; выделение тяжелых кораблей в количестве достаточном для осуществления наступательных действий в то время не представлялось возможным.

Колчев прервал его.

– Адмирал, вы утверждаете, что мы не можем разбить врага или хотя бы отбить атаки Бродяг на систему Гипериона из-за нехватки кораблей. Я вас правильно понял?

Насита пристально посмотрел на сенатора, и я вспомнил картину, изображавшую самурая, который собирался обнажить меч для харакири.

– Правильно, сенатор Колчев.

– Однако на заседании кабинета не далее, чем одну стандартную неделю назад, вы заверяли нас, что двух эскадр достаточно, чтобы спасти Гиперион от вторжения и разорения, а также нанести этому Рою сокрушительный удар. В чем дело, адмирал?

Насита выпрямился во весь рост – он был теперь выше Морпурго, но все равно ниже среднего жителя Сети, – и повернулся лицом к Гладстон.

– Госпожа секретарь, я уже объяснил, почему следует изменить нашу стратегию. Может быть, мне снова объявить о начале совещания?

Мейна Гладстон облокотилась о стол, подперев голову ладонью, всем своим видом выражая напряженное внимание и усталость.

– Адмирал, – начала она тихо, – я считаю вопрос сенатора Колчева вполне относящимся к делу. Но я думаю также, что ситуация, обрисованная вами сегодня и на предыдущих совещаниях, говорит сама за себя. – Она повернулась к Колчеву: – Габриэль, мы ошиблись. При

этом количестве задействованных сил мы получаем пат – это в лучшем случае. Бродяги подлее, крепче и гораздо многочисленнее, чем мы предполагали. – Она перевела взгляд на Наситу: – Адмирал, сколько кораблей вам требуется?

Насита закусил губу, очевидно, растерянный: он никак не ожидал услышать этот вопрос в начале совещания. Взглянув на Морпурго и прочих генералов, он решительно сцепил руки на животе, как распорядитель на похоронах.

– Двести. По меньшей мере двести военных кораблей первого класса.

Раздался скрип множества сидений. Я поднял глаза от рисунка: все перешептывались, растерянно озираясь по сторонам. Одна Гладстон сидела невозмутимо. Только через секунду я догадался, в чем дело.

Во всех ВКС не насчитывалось и шестисот таких кораблей. И каждый стоил целое состояние. Считанным мирам было по карману построить более одного-двух боевых звездолетов линейного класса, а колониальную планету, возмечтавшую о собственной эскадрилье факельщиков с двигателями Хоукинга, ждало полное банкротство. Однако любой из этих кораблей обладал фантастической мощью: ударный авианосец мог опустошить целую планету, соединение, состоящее из крейсеров и эсминцев, – взорвать звезду. Несомненно, что сосредоточенные в системе Гипериона корабли Гегемонии могли – будучи разосланными во все концы Сети по нуль-фарватерам транспортной матрицы ВКС – сокрушить большинство ее звездных систем. Веком ранее хватило полусотни таких кораблей, о которых говорил Насита, чтобы уничтожить флот Гленнон-Хайта и выжечь каленым железом самые корни мятежа.

И все же Насита требовал, чтобы в систему Гипериона были введены ДВЕ ТРЕТИ всего флота Гегемонии сразу. Я кожей ощутил, как по рядам электрической искрой пробежала тревога.

Сенатор Ришо с Возрождения-Вектор набралась храбрости первой:

– Адмирал, ведь мы никогда еще не осуществляли такой плотной концентрации космических сил, не так ли?

Голова Наситы повернулась плавно, как на подшипниках. Сдвинутые брови по-прежнему топорщились:

– Госпожа Ришо, никогда еще будущее Гегемонии не зависело в такой степени от действий флота.

– Да, я понимаю, – кивнула Ришо. – Но я хотела бы узнать, как это скажется на обороне Сети в других местах. Не слишком ли это рискованный шаг?

Насита что-то рывкнул, и графики под исполинским куполом завертелись, расплзлись туманными клочьями и вновь сгустились в умопомрачительную панораму. Забелел Млечный Путь, увиденный из точки, приподнятой над плоскостью галактического экватора. Тут же угол зрения изменился – с головокружительной скоростью нас потащило к одному из спиральных рукавов, и впереди повисла голубая паутина нуль-транспортной сети, пронизывающей Гегемонию: золотое неровное ядро с шипами и ложноножками, окруженное зеленым нимбом Протектората. На фоне громадной галактики Сеть казалась неумелым наброском, причудой детской фантазии – и при всей унизительности этого ощущения оно в точности отражало положение дел.

Внезапно по изображению пробежала рябь, и Сеть с Протекторатом разрослись до размеров Вселенной. Лишь на заднем плане – ради создания перспективы – мерцали сотни звезд.

– Перед вами диспозиция подразделений нашего флота, – объявил адмирал. Внутри золотого пятна и за его пределами зажглось несколько сотен ярко-оранжевых огоньков. Больше всего их было вокруг захолустной звезды, в которой я не сразу узнал светило Гипериона. – А это Рои Бродяг – по самым свежим наблюдениям. – Появилась дюжина красных линий. Стрелки и синие пунктирные хвосты указывали направления их движения. Даже столь крупный масштаб не показывал вторжения каких-либо Роев в пространство Гегемонии – за исклю-

чением одного из них, самого крупного, который, резко изменив курс, направлялся к системе Гипериона.

Я заметил, что эскадры ВКС в основном отслеживают перемещения Роев, если не считать скоплений кораблей вблизи баз и на орбитах беспокойных миров типа Мауи-Обетованной, Брешии и Кум-Рида.

– Адмирал, – сказала Гладстон, отмахиваясь от комментариев. – Я думаю, вы позаботились рассчитать время передислокации флота в случае нарушения границы в какой-то другой точке.

На хмуром лице Наситы появилось что-то, могущее сойти за улыбку.

– Да, разумеется, госпожа секретарь, – снисходительно ответил он. – Если вы обратили внимание, ближайшие Рои, кроме того, что у Гипериона, находятся на значительном расстоянии. – Мы увидели скопление красных векторов под золотым облаком, где, как я предполагал, находились Небесные Врата, Роща Богов и Безбрежное Море. В таком масштабе Бродяги действительно казались весьма отдаленной угрозой. – Мы отмечаем миграции Роев по возмущениям поля Хоукинга, засеченными постами прослушивания в Сети и за ее пределами. Кроме того, наши зонды-разведчики регулярно определяют размеры их и направление движения.

– Как регулярно, адмирал? – перебил его сенатор Колчев.

– По крайней мере один раз в несколько лет, – отрезал Насита. – Следует учесть, что субъективная продолжительность рейса составляет несколько месяцев. Даже на гиперскорости полет занимает до двенадцати лет по нашему времени.

– Если наблюдения проводятся с интервалами в несколько лет, – настаивал сенатор, – откуда вам известно, где сейчас находятся Рои?

– Двигатели спин-звездолетов не лгут, сенатор, – проговорил Насита с нотками металла в голосе. – Возмущения поля Хоукинга подделать невозможно. То, что мы видим, – положение сотен или, в случае крупных Роев, тысяч отдельных работающих двигателей на данный момент. Эффект Хоукинга, как вам известно, распространяется без запаздывания во времени.

– Да, – отозвался Колчев тем же ровным и бесцветным тоном. – Но что, если Рои движутся медленнее спин-звездолетов?

Насита улыбнулся по-настоящему:

– Медленнее скорости света, сенатор?

– Вот именно.

Морпурго и другие военные покачали головами, пытаясь скрыть улыбки. Только капитан 3-го ранга Вильям Аджунта Ли внимательно, с серьезным лицом вслушивался в диалог.

– При движении медленнее скорости света, – назидательно произнес адмирал Насита, – нашим праправнукам придется задуматься, как предупредить о вторжении своих внуков.

Колчев не сдавался. Он указал туда, где ближайший к Гегемонии Рой совершал вираж над Небесными Вратами.

– А если вот эти попытаются приблизиться к нам, не используя двигателей Хоукинга?

Насита тяжело вздохнул. Очевидно, его раздражали эти нелепые попытки увести обсуждение в сторону.

– Сенатор, уверяю вас, если этот Рой отключит двигатели и тотчас же возьмет курс на Сеть, – Насита прикрыл глаза, консультируясь со своими имплантами и линиями связи, – он приблизится к нашим границам через двести тридцать стандартолет. Нас с вами эта беда обойдет.

Мейна Гладстон подалась вперед, и взоры всех присутствующих немедленно обратились к ней. Я отправил предыдущий набросок в память демпанели и начал новый.

– Адмирал, мне думается главный предмет нашей тревоги – это беспрецедентная концентрация сил вблизи Гипериона. Получается, что мы кладем все яйца в одну корзину.

Вокруг стола заулыбались. Гладстон была знаменита своей любовью к древним анекдотам, словечкам и афоризмам – так прочно забытым, что непосвященным они казались совершенно новыми. Вот и сейчас присутствующие приняли за восхитительную остроту старинную поговорку.

– Так мы действительно кладем все яйца в одну корзину? – допытывалась она.

Насита шагнул к столу и положил на него ладони. Длинные пальцы с силой надавили на дерево. В этом жесте был весь Насита, невысокий пожилой человек с несгибаемым характером, один из тех немногих, кто без особых усилий добивается всеобщего внимания и беспрекословного повиновения.

– Нет, госпожа Гладстон, не кладем. – Не поворачиваясь, он указал рукой на изображение над своей головой и позади себя. – Ближайшие Рои достигнут пространства Гегемонии лишь через два месяца движения на тяге Хоукинга, а это целых три года нашего времени. А кораблям ВКС в системе Гипериона – даже учитывая боевую обстановку и их разбросанность – понадобится менее пяти часов, чтобы перенестись в любой район Сети...

– Но это не относится к соединениям за пределами Сети, – заметила сенатор Ришо. – Колонии не могут остаться без защиты!

Насита снова взмахнул рукой:

– Двести военных кораблей, которые решат судьбу Гипериона, находятся в Сети или имеют собственные средства переноса. Ни одной из автономных единиц, приписанных к колониям, мы не коснемся.

Гладстон утвердительно кивнула.

– Но что будет, если Бродяги повредят портал Гипериона или даже захватят его?

По ерзанию, кивкам и вздохам присутствующих гражданских лиц я понял, что она высказала всеобщее опасение.

Потирая руки, Насита вновь поднялся на подиум, видимо, обрадованный, что с пустяками покончено.

– Отличный вопрос! Его уже поднимали на предыдущих совещаниях. Но я все-таки остаюсь на нем. Во-первых, у нас более чем достаточно средств переноса. В данный момент в системе два «прыгуна». Планируется введение еще трех в составе эскадры поддержки. Вероятность уничтожения всех пяти кораблей очень, очень мала... попросту ничтожна. С учетом того, как увеличится наш оборонительный потенциал с прибытием новой эскадры. Во-вторых, вероятность захвата неповрежденных военных порталов и вторжения через них в Сеть равна нулю. Каждый корабль – каждый индивидуум! – входящий в портал ВКС, опознается по супернадежным кодовым микротранспондерам, которые ежедневно перепрограммируются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.